

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4/2010

Учредитель издания:

Государственное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Богданов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
О. М. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
М. М. Рассолов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е. В. Шибанова, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии,
2010

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754,

8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

В. А. Виноградова, Е. Б. Елисеева, Е. А. Козырева, О. В. Мелентьева, Ю. С. Петрова

Дизайн: Ю. С. Петрова

Верстка: Е. Б. Елисеева

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60*90 1/8. Печ. л. 11,25.

Подписано к печати 07.12.2010

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления с юбилеем

Поздравление директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции Российской Федерации
Е. А. Борисенко 3

Поздравление начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
С. А. Погудина 4

Поздравление начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве
В. А. Дежурова 4

Поздравление директора Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
С. А. Смирновой 5

Поздравление председателя Московского городского суда
О. А. Егоровой 6

Поздравление директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Т. Я. Хабриевой 6

Поздравление декана юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
А. К. Голиченкова 7

Поздравление директора по внешним связям компании «Гарант»
С. И. Арефиной 8

Теория и история государства и права

М. В. Байтеева
Проблемы континуитета права 9

В. Г. Вишневский
Миф и реальность о государстве,
праве и правосудии в росписи Рафаэля
«Станца делла Сеньятура» 13

И. А. Шершинева-Цитумльская
Основные принципы государственно-
конфессиональных отношений в России
в начале XX века 23

Гражданское право и гражданский процесс

С. Н. Григолава
Становление и развитие
наследственного права
в России и зарубежных странах 29

А. С. Егорова
Принцип стабильности
гражданско-правового договора 33

Ю. А. Рубцова
Правовая природа сделки,
совершенной с целью,
противной основам
правопорядка и нравственности 37

Л. В. Федорова
Охранное обязательство
в отношении недвижимых объектов
культурного наследия 41

О. В. Черкашина
Проблемы передачи в доверительное
управление исключительных прав 46

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Н. В. Генрих
Предмет уголовного права: границы
и характер взаимосвязи
с предметом иных отраслей права 50

Н. Г. Иванов
Уголовный кодекс Российской Федерации:
вопросы законодательствования
на примере новеллизации нормы
о содействии терроризму 55

Конституционное и муниципальное право

А. Н. Артамонов
Причина искажений
и дефектов законодательства
в дублировании правовых норм
(запрет на дублирование
правовых норм как способ
обеспечения единства правового
пространства государства) 61

Трудовое право

О. М. Медведев
Некоторые вопросы признания
прекращения трудового договора
незаконным 66

В. Ф. Цитумльский
Основные тенденции
в сфере правового регулирования
оплаты труда
в России на современном этапе 71

Финансовое право

Е. Н. Кондрат
Проблемы в законодательстве
как угроза финансовой
безопасности страны 73

Исполнительное право

О. Б. Луценко
Подходы к классификации
полномочий судебного
пристава-исполнителя
в рамках исполнительного
производства 78

Сокращения, принятые в издании 84

Наши авторы 85

Вышли из печати 87

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям,
направляемым в редакцию
журнала «Вестник
Российской правовой академии» 88

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

В этом году Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации отмечала свой 40-летний юбилей.

В третьем номере журнала были опубликованы поздравления, направленные в адрес Академии руководителями самого высокого ранга, в том числе субъектов РФ, государственных и негосударственных органов, высших учебных заведений, зарубежных коллег. Предлагаем вашему вниманию поздравления, не вошедшие в предыдущий номер.

ДЕПАРТАМЕНТ ПО ВОПРОСАМ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

**Уважаемый Сергей Иванович!
Уважаемые коллеги!**

Примите наши самые искренние поздравления с юбилеем Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.

Выпускники Академии работают на самых ответственных постах в органах юстиции, прокуратуры, нотариата, государственной власти. Уверена в том, что для каждого из них alma mater всегда остается примером научной школы, которая не только обучает, но и воспитывает своих питомцев в духе беззаветного служения закону и преданности Родине.

У нашей Академии особая миссия. Подготовка кадров для юстиции всегда остается исключительно важным государственным делом, ибо без эффективной правовой системы, основанной на принципах Конституции Российской Федерации, невозможно построение современного демократического и правового государства, в котором права и свободы человека безусловно соблюдаются и защищаются, а закон является не просто декларацией, а правилом жизни для каждого.

Удачи, новых научных и педагогических достижений! Сохраняйте и приумножайте славные традиции Академии!

С благодарностью и неизменным уважением,
директор Департамента по вопросам правовой помощи
и взаимодействия с судебной системой
Министерства юстиции Российской Федерации

Е. А. Борисенко

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

Поздравляю Вас и в Вашем лице весь профессорско-преподавательский состав, всех студентов и выпускников Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации с 40-летием со дня образования!

Можно без преувеличения сказать, что за годы своего существования Академия вошла в число ведущих учебных заведений России и занимает достойное место в системе профессионального юридического образования страны.

Получив заслуженное признание, Академия бережно сохраняет и приумножает славные достижения и традиции нескольких поколений, опирается на знания и жизненный опыт своих предшественников и ветеранов, вносит существенный вклад в развитие высшего профессионального образования и подготовку отвечающих самым современным требованиям высококвалифицированных кадров.

В этот праздничный день желаю Вам здоровья, благополучия, процветания и успехов в работе!

Начальник Главного управления
Министерства юстиции Российской Федерации
по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

С. А. Погудин

**УПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
ПО ГОРОДУ МОСКВЕ**

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

Руководство и коллектив Управления Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве от всей души поздравляют Вас, профессорско-преподавательский состав вверенного Вам учебного заведения с 40-й годовщиной со дня образования!

За годы деятельности коллективом Академии подготовлены многие тысячи специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Ваши выпускники сегодня успешно трудятся во всех регионах России, в том числе и в Управлении Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве.

Мы высоко ценим тот огромный вклад, который вносит Академия в благородное дело подготовки высококвалифицированных специалистов.

В этот праздничный день примите наши самые искренние поздравления и пожелания добра, тепла, счастья, семейного благополучия, домашнего уюта, крепкого здоровья, жизненной энергии, выдержки, терпения, удачи, бодрости духа и неиссякаемого оптимизма!

Желаем прекрасного настроения, вдохновения и дальнейших успехов в деле укрепления уголовно-исполнительной системы!

С уважением,
начальник Управления Федеральной службы
исполнения наказаний по г. Москве
полковник внутренней службы

В. А. Дежуров

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

**Уважаемый Сергей Иванович!
Уважаемые коллеги!**

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации сердечно поздравляет коллектив Академии с юбилейной датой — 40-летием со дня образования!

Сегодня Академия стоит на передовых позициях современного образования, науки и практики, проводит большую работу по подготовке квалифицированных кадров. Высокопрофессиональный профессорско-преподавательский состав Академии решает сложные задачи по реализации образовательных программ высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция». Несомненно, ваши достижения совершены благодаря кропотливому и самоотверженному труду всего педагогического коллектива.

Уважаемые коллеги, по случаю знаменательной даты примите наши искренние поздравления и пожелания новых достижений, научных открытий и успехов в вашем благородном деле, благополучия, крепкого здоровья и счастья!

Директор Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве юстиции
Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

С. А. Смирнова

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

От имени судейского сообщества Москвы и от меня лично примите самые искренние поздравления по случаю 40-летнего юбилея возглавляемого Вами высшего учебного заведения!

Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации начала свою деятельность сравнительно недавно, но за короткое время стала одним из ведущих образовательных учреждений Российской Федерации.

Сегодня Академия представляет собой научный комплекс с широко развитой инфраструктурой, современной материально-технической базой, является центром подготовки высококвалифицированных специалистов.

Значительный интеллектуальный потенциал, талантливый профессорско-преподавательский состав позволяют успешно решать самые сложные задачи, разрабатывать наиболее перспективные научные направления.

Вы плодотворно сотрудничаете со многими российскими университетами и высшими школами зарубежных стран, являясь, таким образом, не только деловым партнером, но и послом в развитии межчеловеческих отношений, носителем отечественной и мировой культуры.

От всей души выражаем глубокую благодарность за верность долгу и профессии!

В этот торжественный день желаем Вам и всему коллективу вуза неизменно крепкого здоровья, благополучия, бодрости духа, творческих сил и энергии, отличного настроения, а также дальнейших успехов в благородном и нелегком труде!

Пусть Вам во всем сопутствует удача, а поддержка и забота родных и близких людей дарят силы и вдохновение для новых достойных побед!

С уважением,
председатель Московского городского суда

О. А. Егорова

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации сердечно поздравляет Академию со знаменательным юбилеем — 40-летием со дня основания!

Ваш вуз — образовательное и научное учреждение Министерства юстиции Российской Федерации — не только готовит высококвалифицированных специалистов юридического профиля, но и осуществляет важную научную и учебно-методическую деятельность, способствует проведению научно обоснованной правовой политики.

Мы с удовлетворением отмечаем, что у истоков Академии среди ее ведущих преподавателей стояли научные сотрудники нашего института. Общение видных правоведов с практиками позволило Академии повысить уровень преподавания и сблизить науку с практической деятельностью органов юстиции.

Уважаемые коллеги, в этот торжественный день от всей души желаем вам новых творческих успехов, здоровья и семейного благополучия, а Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации — дальнейшего процветания, новых научных достижений, блестящих и благодарных учеников!

Директор Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
член-корреспондент Российской академии наук

Т. Я. Хабриева

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

От имени юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и от себя лично поздравляю Вас и Ваших коллег со знаменательной датой — 40-летием со дня образования Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации!

Высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав Академии, представленный известными учеными-правоведами, занимающимися актуальными проблемами правовой политики и законодательства, является прочной основой в воспитании достойной смены юристов и правоведов, высокий профессионализм, творческий подход коллектива позволяет оставаться вузу на уровне современных педагогических новаций.

Академия сегодня — это образовательный центр подготовки специалистов, руководителей органов государственной власти, научно-педагогических кадров высшей квалификации. Ваше учебное заведение является единственным вузом, который осуществляет подготовку студентов по специальности «Исполнительное производство».

Разделяю праздничность атмосферы этого дня и искренне желаю, чтобы грядущие годы и десятилетия были направлены на искреннее стремление к справедливым преобразованиям в родном Отечестве, достигнутые сегодня цели пусть станут уверенным шагом к новым свершениям!

С уважением,
декан юридического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, профессор

А. К. Голиченков

КОМПАНИЯ «ГАРАНТ»

---

*Ректору Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации
доктору юридических наук С. И. Герасимову*

Уважаемый Сергей Иванович!

Сердечно поздравляем Вас и весь коллектив преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов с 40-летним юбилеем Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.

Юбилей — это время подведения итогов и определения новых, еще более значимых педагогических и творческих задач. Друзья и коллеги воспринимают это торжественное событие как повод для выражения чувства восхищения Вашим самоотверженным педагогическим трудом.

Пройдя 40-летний путь развития, Академия внесла весомый вклад в подготовку специалистов высшей квалификации в области юриспруденции. Благодаря талантам, энергии, энтузиазму профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов Академия играет важную роль в формировании и реализации правовой политики в России.

Компанию «Гарант» и Российскую правовую академию Министерства юстиции Российской Федерации связывают многие годы творческой дружбы, сотрудничества и обмена опытом.

Желаем новых оригинальных проектов, достижений, талантливых студентов и аспирантов, свершения всех самых светлых и добрых намерений, уверенности в будущем, здоровья и благополучия.

Директор по внешним связям
компании «Гарант»

С. И. Арефина

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12

М. В. Байтеева
M. V. Bayteeva

Проблемы континуитета права Problems of the Continuity of Law

В статье рассматриваются проблемы континуитета права. Автор анализирует факторы, оказывающие влияние на изменение и развитие права, исследует процессы абстрагирования, дифференциации, селекции и конвергенции права в процессе его исторического изменения.

Континуитет; рецепция права; культурный синтез; абстрагирование права; дифференциация права; селекция права; конвергенция права

The article deals with the problems of continuity of law. The author analyzes causes of changes of law, explores the processes of abstraction, differentiation, selection and convergence of law in the process of historical development.

Continuity; reception of law; cultural synthesis; abstraction of law; differentiation of law; breeding rights; the convergence of law

Термином «континуитет» называют процесс переноса неизменяемых феноменов культуры от одного поколения к другому через исторически изменяющийся мир. «В общем, следует говорить о проблеме континуитета всегда и везде. Повсеместно народы создавали культуру, где в жизненном цикле присутствовала культура других народов и обществ, поскольку с древних времен так передавался и наследовался опыт, чтобы жизнь нигде не начиналась с *tabula rasa*. История покоится на континуитете и без такового не существует как история», — писал Х. Аубин [1].

Как в античные, так и в нынешние времена проблемы континуитета права отражают тенденции развития общества и государства. Ранняя история рассматривалась как череда событий или последствия совершенных действий, в XVII—XVIII вв. произошел семантический и трансцендентальный поворот в ее понимании в целом [2]. Весь опыт

прошлого был пропущен через призму истории Нового времени, которая стала воздействовать на все, что оформляет и аккумулирует опыт в обществе. Примат государства Нового времени постепенно способствовал переносу центра тяжести с различных форм социальной власти на государственную политику, где закреплялось центральное управление и гегемония административного аппарата. Вследствие этого легитимацию власти в обществе привязали к позитивному праву, а политику — к государству. Однако, как показывает история Западной Европы, власть средневекового общества нередко отталкивалась от представлений о том, что всякое публичное право квазичастное и сохранено в англо-саксонской системе по сей день. «Необходимость рассмотрения публичного права, таким образом, была связана с недостаточностью оснований для новой государственной власти выполнять ряд функций и задач», —

писал О. Бруннер [3]. Таким способом политика и право раннего периода Нового времени рефлексивно отражали самостоятельность социальной системы, где господство и власть часто представлялись не в фиксированных, асимметричных отношениях, а в сбалансированном социальном компромиссе, что отличается от традиционной истории континентального права [4].

Континуитет права позволяет фиксировать не только тенденции, но и динамику происходящих социально-политических изменений. Для того чтобы видеть эти изменения, необходимо обозначать и устанавливать внутреннюю взаимосвязь норм в прошлом, настоящем и будущем, отслеживая упорядоченность их развития в различных направлениях. Как подчеркивает Г. Миттайс, там, где происходил преждевременный перенос права на почву, не подготовленную культурой общества, нередко возникали последствия, которые были трудно управляемы или вообще не поддавались регулированию [5]. Это наглядно демонстрируют проблемы, часто возникающие в процессе рецепции права. Говоря о последнем, Г. Миттайс считал важным выделение двух сторон: «транслятора» права и воспринимающего перенос права общества, которое, сталкиваясь с влиянием извне, может как обогатить свой опыт, так и потерять собственные ценности. «Культурный перенос права может не только усиливать, но и ослаблять силы общества, что требует от него следования определенным традициям. С этой точки зрения можно говорить о двух видах континуитета: оборонительном и наступательном», — писал Г. Миттайс [6]. В случае если правовая культура способна выстоять перед чужим влиянием и обеспечить собственное гармоничное развитие права, можно рассуждать об оборонительном континуитете. Если же перенос права происходит вопреки желанию общества подчиниться или способности существующей правовой системы его воспринять, то наступает процесс трансформации правовой культуры в результате наступательного континуитета.

Анализ проблем континуитета права позволяет видеть, что различные формы влияния на развитие государства и права, с одной стороны, ускоряют формирование социально-политических и правовых явлений, а с другой — приводят к тому, что новый достигнутый уровень обостряет уже накопленные проблемы. «Синтез встречных культур изменяет их первоначальную идентичность, но каждый новый уровень развития не может возникнуть, перепрыгивая предыдущий, он должен состоять с ним в необходимых отношениях», — писал У. Любтов [7]. С этой точки зрения исследование права должно приобретать тенденцию изуче-

ния обратного влияния на те факторы и мотивы, которые оформляют развитие национального права. В памяти поколений содержится и сохраняется собственный правовой опыт, и в этом смысле историю права можно понимать как описание данного опыта через обычное право. Такой опыт может определять потенциал развития права в будущем через разнообразные и альтернативные источники, содержащие индикаторы полезности как накопленного, так и воспринятого правового опыта. Все это обязывает обращать большее внимание к тому правовому наследию, которое эволюционно оформлялось обществом.

Нередко рецепцию права связывают с необходимостью рационализации старого права и объясняют этот процесс повторяющимися в истории аналогиями унификации национального права. Однако исторически нормативная система может обосновывать только то, что уже известно обществу о правильном, оправданном и приведенном к общепризнанной оценке. «Всегда и везде, если речь идет об этической оценке права в широком смысле слова, ее направляет правовая идея, которая не несет в себе конкретной цели, а лишь поддерживает связь с масштабом ценностей, которые доминируют в определенное время», — писал М. Рюмелин [8]. В этом смысле внешняя форма нового права не может быть оторванной от содержания старого.

Как показывают исследования истории права в Европе, представления о власти в период рецепции развивались в условиях сильного сопротивления местного обычного права римским идеям, которые навязывались почти насильно. Предпосылки такой борьбы надо искать в политических процессах того времени. По мнению ряда авторов, обычное право гармонично связывало установленные формы отношений, которые сводили на нет организацию «нового» права, регулировавшего отношения между короной и папством [9]. Поскольку только местная власть могла конкурировать с властью церкви, правильнее было бы говорить о появлении новых форм политической власти, катализировавших борьбу, бушевавшую не между папством и короной, а между короной и местным самоуправлением. На примере Германии и других европейских государств можно увидеть проблемы подобного развития. Внешняя сфера, которую оформляло римское право, образовала для общества антитезу «свое — чужое» право, что пошло на пользу только становлению центральной власти. С этой точки зрения рецепция римского права стала политическим инструментом для снижения влияния партикулярных течений в политике Западной Ев-

ропы. Ошибки рецепции римского права привели впоследствии к развитию следующих негативных явлений в континентальной системе права:

- возник процесс ослабления правового сознания;
- смысл права стал теряться через замену его номинализмом и формализмом;
- право стало доступным только профессиональным юристам [10].

Континуитет является отражением процесса многофакторного влияния на право. Только ложный историзм может усматривать заимствование методов права и политики без сопротивления общественного сознания, которое обогащается через собственный правовой опыт. Именно континуитет обеспечивает длительность и стабильность действия права через трансляцию следующим поколениям, что создает безопасность и гарантии совместной жизни в едином поле существующих отношений.

В диалектическом процессе всякого культурного синтеза неизменно присутствуют различные тенденции изменения права, в том числе процесс эволюционной перестройки права в направлении его функциональной полезности обществу. Это говорит о том, что изменение права происходит не только через внешние факторы воздействия на него, но и через имманентные праву тенденции собственного развития. Говоря об этом, следует обратить внимание на наиболее существенные процессы:

- абстрагирования права;
- дифференциации права;
- селекции права;
- конвергенции права [11].

Абстрагирование права отражает способность общества мыслить в логически общих формах, что оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на континуитет. Процесс абстрагирования в праве нередко приводит к тому, что происходит разрыхление его семантической основы. Так формируются штампы правовых отношений, приводящие к сублимации методов власти [12]. Тем не менее процесс абстрагирования в праве является неизбежным. Только на ранних этапах своего развития содержание права могло оформляться в вербальных и невербальных формах с привязкой к конкретным явлениям, а взятие на себя обязательств — ограничиваться торжественной клятвой или обещанием его исполнения. Сегодня обязательства требуют фиксации правовых отношений в формах и с содержанием, согласованных с законом. И хотя процесс абстрагирования права изменяет структуру мышления в направлении утраты конкретности,

он может эффективным образом реформировать старое право. Способность мыслить в логически обобщающих формах позволяет фиксировать общие положения права с отвлечением от уже имеющегося конкретного содержания. Именно такая тенденция позволила, например, сформулировать общую субъективную сторону правонарушений — вину, которая, оформив масштаб оценки действий, приобрела характер формально-типичного элемента уголовного права. Конечно, есть и спорные моменты в таком развитии. Нередко процесс абстрагирования приводит к появлению права с нечетким, размытым содержанием, вследствие чего им можно легко манипулировать для получения односторонних преимуществ.

Процесс дифференциации, или «разветвления», права означает, что сегодня делится все: от объектов права до правовых институтов [13]. Изначально вещное право начиналось с понятия физического господства над вещью и возможностью ее непосредственной защиты. В ходе дифференциации римского права вещное право отделилось от формы владения с оформлением правового института собственности, которое стало олицетворять правовое господство. Одновременно с этим появилась аналогия подчинения социальных отношений праву, которое в течение его политизации превращало количественные различия в их качественную противоположность. В ходе истории это привело к тому, что везде стали искать признаки власти через дихотомию «господство — подчинение»: в семье — власть родителей над детьми, в браке — мужа над женой, в государстве — верх над подданными. Объяснялась данная тенденция просто: обычное право обходилось меньшим количеством норм, которые обращались к единой правовой идее, что затрудняло применение позитивного права государством, следовавшим идее разделения регулирования отношений.

Селекция права показывает, что развитие всех уровней права происходит через накопление и отбор правовых норм. Правовые институты закономерно отмирают, если они выполнили свою задачу или могут быть заменены и оформлены правом по-новому. Следуя логике развития процессуальных отношений, в Риме появился легисакционный процесс, постепенно заменивший собой более простые формы судебной защиты. Однако тенденции изменения целей права через такую селекцию характеризовали не только пластичность права и способность к динамичным изменениям, но и демонстрировали его «политические» рефлексии [14]. Исследуя историю политики и права Нового времени, Р. Хубер показал, что изначально политический порядок базировался не столько на право-

вых нормах, сколько на совокупности моральных стандартов, результатов социального дискурса и других факторах социального управления [15]. И только с помощью селекции права государство смогло закрепить организующее, централизующее и унифицирующее воздействие во всех сферах жизни общества, что осложнило впоследствии развитие правового государства.

Процесс конвергенции нивелирует остроту концепции исторической школы, согласно которой право — это продукт определенного общества, а следовательно, право одного государства не может быть похоже на право другого. Но если бы это было так, законы Хаммурапи не развивались бы в аналогии с Салической правдой, способствуя оформлению универсальных элементов права. Именно проблема признания универсальных норм потребовала от римлян создания права *jus gentium*, которое стало впоследствии основой международного права. Поэтому конвергенция права доказывает то, что процесс синтеза различных правовых культур может быть взаимно обогащающим при условии, что отношения сторон остаются равноправными.

Применение современных методов семантики и герменевтики к исследованию истории права позволяет видеть, что содержание, из которого складывалось право эволюционно, формулировало нормы долженствования в целевых установках, где преобладал исторический континуитет. Поэтому континуитет позволяет легитимировать все многообразные формы обычного права, которые, выступая оформлением содержания суще-

ствующих отношений, еще не нашли признания государства. «Право всегда сохраняет форму, в которой выражается сила образа культуры как ее достижение, поэтому можно говорить о правовой истории как о стиле или эстетике права», — писал Г. Миттайс [16]. Злоупотребление правовыми теориями для конструирования политики в истории государства закономерно требует обновления представлений о правовых средствах легитимации власти. Новая парадигма науки должна ориентироваться на понятийный аппарат М. Вебера, а легитимность — пониматься в виде признания обществом одинаковых ценностей. «В этом смысле основополагающим принципом становится дискриптивность и историчность понятий права, которые связываются не со структурами политики, а с опытом определенных поколений», — подчеркивал М. Ридель [17]. Поэтому предметом изучения истории права должен быть контекст совместной жизни, деятельности и поведения людей, где нормативное регулирование, социальный контроль и дисциплина взаимосвязаны. «Центральным объектом исторических исследований становится все, что создано людьми: политические институты, правовые и общественные порядки, религиозные и философские учения, предметы искусства и литературы, словом все, что можно рассматривать, интерпретировать и представлять как образование общего смысла», — писал О. Брунер [18]. Такая позиция демонстрирует холистическое понимание развития истории, на основе которой происходит обновление современного права и политики.

-
1. Aubin H. *Die Frage der historischen Kontinuität im allgemeinen* // *Historische Zeitschrift*. 1943. № 168. S. 229.
  2. См.: Koselleck R. *Wozu noch Historie?* // *Hardwig W. (Hrs). Über das Studium der Geschichte*. München : Dtv Wissenschaft, 1990. S. 353.
  3. Brunner O. *Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter*. Baden bei Wien : Rudolf M. Rohrer, 1939. S. 155.
  4. См.: Peters J. *Konflikt und Kontrolle in Gutsherrschaftsgesellschaften. Über Resistenz und Herrschaftsverhalten in ländlichen Sozialgebilden der Frühen Neuzeit*. Göttingen, 1995.
  5. См.: Mitteis H. *Die Rechtsgeschichte und das Problem der historischen Kontinuität* // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin : Philologisch — historische Klasse*. 1947. № 1.
  6. *Ibid.* S. 6.
  7. Lübtow U. *Reflexionen über Sein und Werden in der Rechtsgeschichte*. Berlin : Ducker&Humbolt, 1954. S. 33.
  8. Rümelin M. *Die bindende Kraft des Gewohnheitsrechts und ihre Begründung*. Tübingen : J. T. B. Mohr (Paul Siebeck), 1929. S. 23—24.
  9. См.: Böhmer H. *Germanentum und Christentum. Theolog. Studien und Kritik*. Frankfurt am Main, 1918; Schulte A. *Der Adel und die deutsche Kirche im Mittelalter*. Frankfurt am Main, 1920.
  10. См.: Mitteis H. *Op. cit.* S. 24.
  11. См.: Lübtow U. *Op. cit.* S. 41.
  12. См.: Mitteis H. *Op. cit.* S. 12—13.
  13. См.: Lübtow U. *Op. cit.* S. 42.
  14. См.: Rümelin M. *Die Rechtssicherheit*. Tübingen : J. T. B. Mohr (Paul Siebeck), 1924. S. 21—25.
  15. См.: Huber E. *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*. Stuttgart, 1991. 8 Bd.
  16. Mitteis H. *Op. cit.* S. 5.
  17. Riedel M. *Metaphysik und Matapolitik*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1974. S. 13.
  18. Brunner O. *Neue Wege der Verfassung und Sozialgeschichte*. 2. Auf. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. S. 10.

УДК 340.12

В. Г. Вишневский
V. G. Vishnevsky

Миф и реальность о государстве, праве и правосудии в росписи Рафаэля «Станца делла Сеньятура»

Myth and Reality about Government, Law and Justice in Rafael's List "Stanza della Segnatura"

Статья посвящена одному из шедевров мирового изобразительного искусства — росписи Рафаэля «Станца делла Сеньятура» (1509—1513 гг.) в Ватикане.

Несмотря на широкую популярность фрески, ее сюжет (план) и содержание остаются мало изученными.

Главная особенность станцы заключается в том, что изначально ведущей ее темой была принята идея о государстве, праве и правосудии, гениально решенная Рафаэлем.

Рафаэль; Микеланджело; Леонардо да Винчи; Юстиниан; Афинская школа; Диспута; юриспруденция; римское право; каноническое право; христианские добродетели; суд Соломона; суд Аполлона; Станца делла Сеньятура

This article dedicates to one of the most famous masterpiece of world imitative art — Rafael's lists "Stanza della Segnatura" (1509 — 1513 year).

In spite of big popularity, the subject and maintenance are little — studied.

The main particularity of lists consists in, that at first, its leading theme had been accepted idea of the government, law and justice, decided by Rafael.

Rafael; Michelangelo; Leonardo da Vinci; jurisprudence; Disputation; Athens school; roman law; canon law; court of Solomon; court of Apollon; Stanza della Segnatura

Исследованием проблем государства, права и правосудия занимаются не только юристы, философы, социологи, политологи, но и другие специалисты. Деятели искусства, среди которых художники, композиторы, скульпторы, архитекторы и писатели, также касаются этих вопросов в своем творчестве, своеобразно отражая взгляды, воззрения, представления общества о свободе, справедливости, произволе, насилии и др.

Представители художественной культуры влияют на формирование идей о государстве, праве и правосудии тем, что отражают в своем творчестве деятельность органов власти, практику применения права и правосудия в реальной

действительности. Получается, они занимаются теми же проблемами, что и правоведаы. Основными категориями права являются понятия о свободе, справедливости, законности, преступлении, наказании и т. п. В изобразительном искусстве, музыке и художественной литературе данные категории выступают в качестве предмета творческой деятельности художников, музыкантов и писателей. И в этом смысле искусство и право тесно связаны между собой. Однако благодаря доступности искусства широким массам оно оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения, идеологию и политику государства, право и правосудие.

Художественная культура в целом отражает общий уровень цивилизации и характеризует пути общественного развития. Цивилизация нередко испытывает вторжение пережитков варварства, и существование гражданского и криминального мира ярко это демонстрируют. Через призму художественной культуры мы замечаем происходящие изменения в обществе в целом. Проведение реформ в России во второй половине XIX в. имело экономические, политические и идеологические предпосылки. Картина происходящих изменений в России нашла свое отражение в художественной культуре. Великое творчество А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. И. Глинки и других деятелей искусства показало реальную действительность России с ужасающей откровенностью. Неслучайно царское правительство устанавливало жесточайшую цензуру во всех сферах культуры.

Роспись Рафаэля «Станца дела Сеньятура».

Ярким примером взаимосвязи права и художественной культуры, в частности живописи, является известная роспись Рафаэля «Станца дела Сеньятура», в которой он раскрывает ведущую роль права в общественном развитии. Она и станет предметом нашего исследования.

На стенах папской резиденции — «Станцы дела Сеньятура» (рис. 1) в Ватикане изображены фрески, в высокохудожественной форме воплотившие идеи государства, права, правосудия и гар-

моничного общественного устройства. Автор росписи — один из титанов эпохи Возрождения Рафаэль Санти.

Содержание и назначение «Станцы дела Сеньятура» до сих пор остается предметом споров среди искусствоведов. Правоведы также могли бы внести свой вклад в эту проблему, дав правовую оценку фрескам: их идеям, целям, задачам и назначению.

Неслучайно станца признана вершиной творчества Рафаэля. Основу его замысла составляло стремление художественными средствами изобразить единение философии, теологии, поэзии и права. При этом последней идее отведено ведущее положение в росписи, отвечающее прямому назначению комнаты — проведению судебных заседаний и принятию папских распоряжений.

Фрески, выполненные на стенах и сферическом потолке, имеют внутреннее единство и завершенность. Всего их четыре: «Афинская школа», «Диспута», «Парнас» (рис. 2) и «Право». Последняя определяет назначение палаты, ее социальную направленность (борьба добра и зла, права и произвола), высвечивая сущность назначения зала — соблюдение законности и свершение правосудия. Именно поэтому роспись «Право» в отличие от других фресок имеет рабочую нагрузку, но в месте с тем не нарушает внутренне-го единства и завершенности всей композиции.

Рис. 1. Станца дела Сеньятура

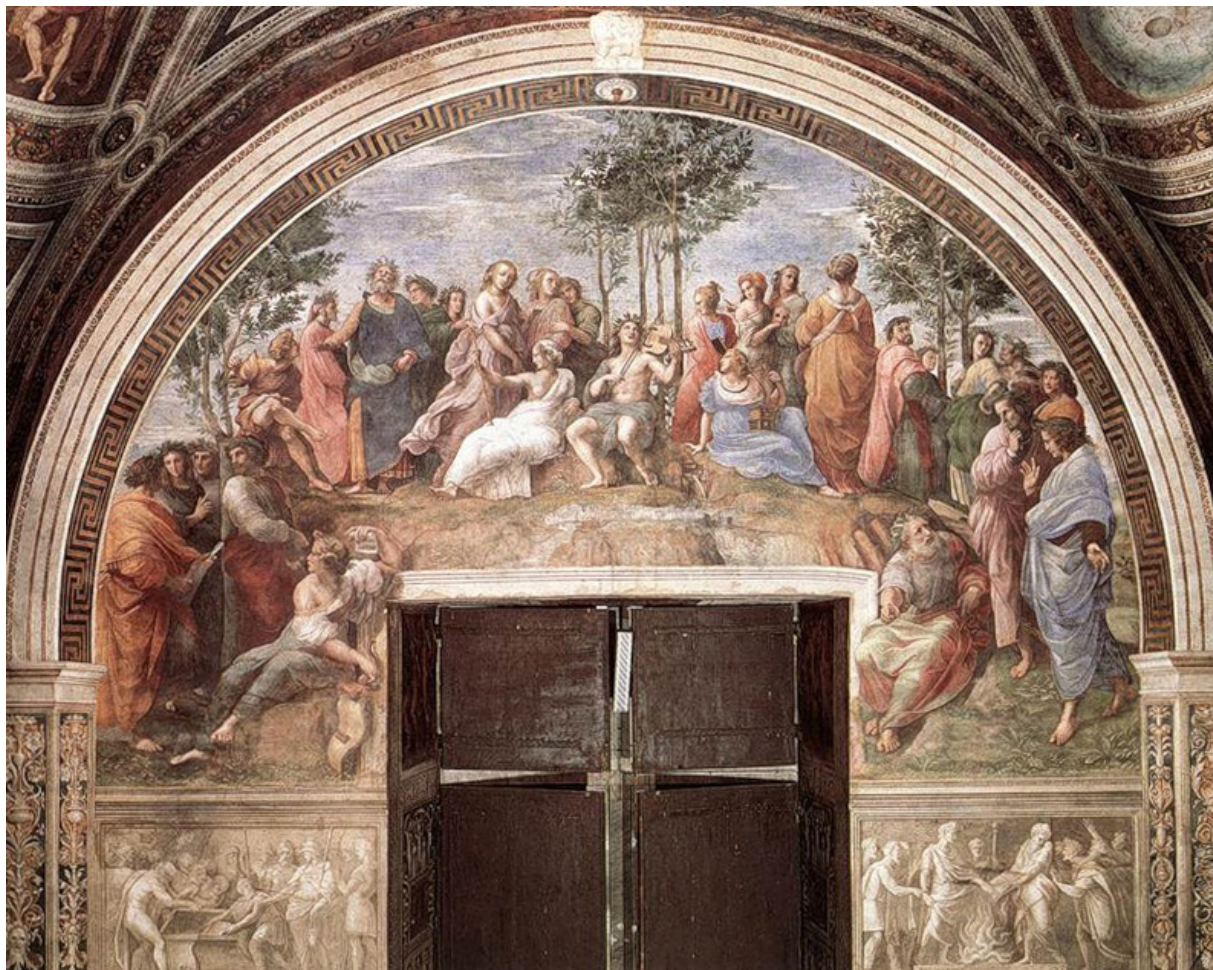

Рис. 2. Парнас

Программу росписи, по всей вероятности, составил папа Юлий II. Однако Рафаэль поставленную перед ним задачу решил самостоятельно, придав композиции удивительную универсальность. Он использовал особые художественные приемы: цвет и игру тонов, расположение большого числа персонажей, внешнее оформление перспективы и отдельные детали композиции. Благодаря этому живописец сумел показать преемственность поколений, а также передать связь между прошлым и настоящим и прежде всего соотношение идей античности — свободы человека и непреходящей ценности личности. В станце Рафаэль в совершенной форме изобразил общество Высокого Возрождения, его реальное и идеальное, где государству, праву и правосудию отведена решающая роль.

Идеи Данте о государстве в творчестве Рафаэля. Будучи поклонником Данте, Рафаэль изобразил в своей росписи идею поэта о мировом государстве, построенном на справедливом правлении. Данте толковал понятие справедли-

вости в традициях римского права и в соответствии с учением болонских юристов XII—XIII вв., объявлял его основой государства. Власть императора зависела исключительно от закона, основанного на разуме [1]. Этому закону должны были следовать правители стран, входящих в мировое государство, которое строится на основе добровольного объединения, поясняя Данте. Взгляды Рафаэля об идеальном государстве соответствовали идеям поэта. В государстве живописца торжествует закон, единство права и согласие правителей и граждан.

Борьба между светской и духовной властью за главенство в обществе, длившаяся несколько столетий, прекращается. За светской властью остаются функции управления, а за духовной — религиозные. На фресках Рафаэль изобразил императора Юстиниана, систематизировавшего римское право, регулирующее отношения гражданского общества, и римского папу Григория IX, классифицировавшего каноническое право, отвечающее за устройство церковной организации.

Рис. 3. Афинская школа

По Данте, основной целью государства является защита интересов личности и общества, «ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царей, а наоборот, консулы ради граждан и цари ради народа» [2]. В росписи Рафаэля император Юстиниан символизирует идеального правителя мирового государства, защищающего как отдельную личность, так и общество в целом.

Росписи остальных стен посвящены основным сферам общественного бытия: наукам, религии и свободным искусствам. Темы их гармоничны, сочетаемы и созвучны основной идее государства, права и правосудия. Образы эпохи Возрождения Рафаэль выразил так же совершенно, как Данте — идею о мировом государстве, в котором правит закон и вершится справедливое правосудие. Дополняет образ, созданный живописцем, церковная организация, призывающая человека к смирению, терпению и милосердию.

Этот взгляд подтверждается и тем обстоятельством, что во второй половине XV в. юриспруденция считалась ведущей наукой. Однако выразить идеи о свободе человека и справедливости в то время под силу было только живопис-

цам, использовавшим широкую палитру красок для изображения чувств, наполнявших человека. Сам Рафаэль так писал о завершении работы над росписью: «Фреска, едва законченная, вызвала огромный восторг у римлян и приобрела широчайшую славу. Реакция публики на фрески была единодушно одобрительной» [3]. На сферическом потолке станцы живописец ярко и зримо выразил идею правосферы, которая защищает человека, его социальную организацию благодаря верховенству закона, справедливого правосудия и устойчивого правопорядка в обществе. Возникает риторический вопрос: не в связи ли с окончанием росписи Рафаэля (1513 г.) Макиавелли начал писать «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государя»?!

«Диспута» и «Афинская школа». Первая и центральная часть росписи — фреска «Диспута», изображающая на переднем плане открытое пространство. Именно здесь происходит настоящее, примирение старого и нового, церкви и государства.

В композиции фрески «Афинская школа» (рис. 3) запечатлен процесс поиска истины: Сократ со своими учениками пытается найти идею

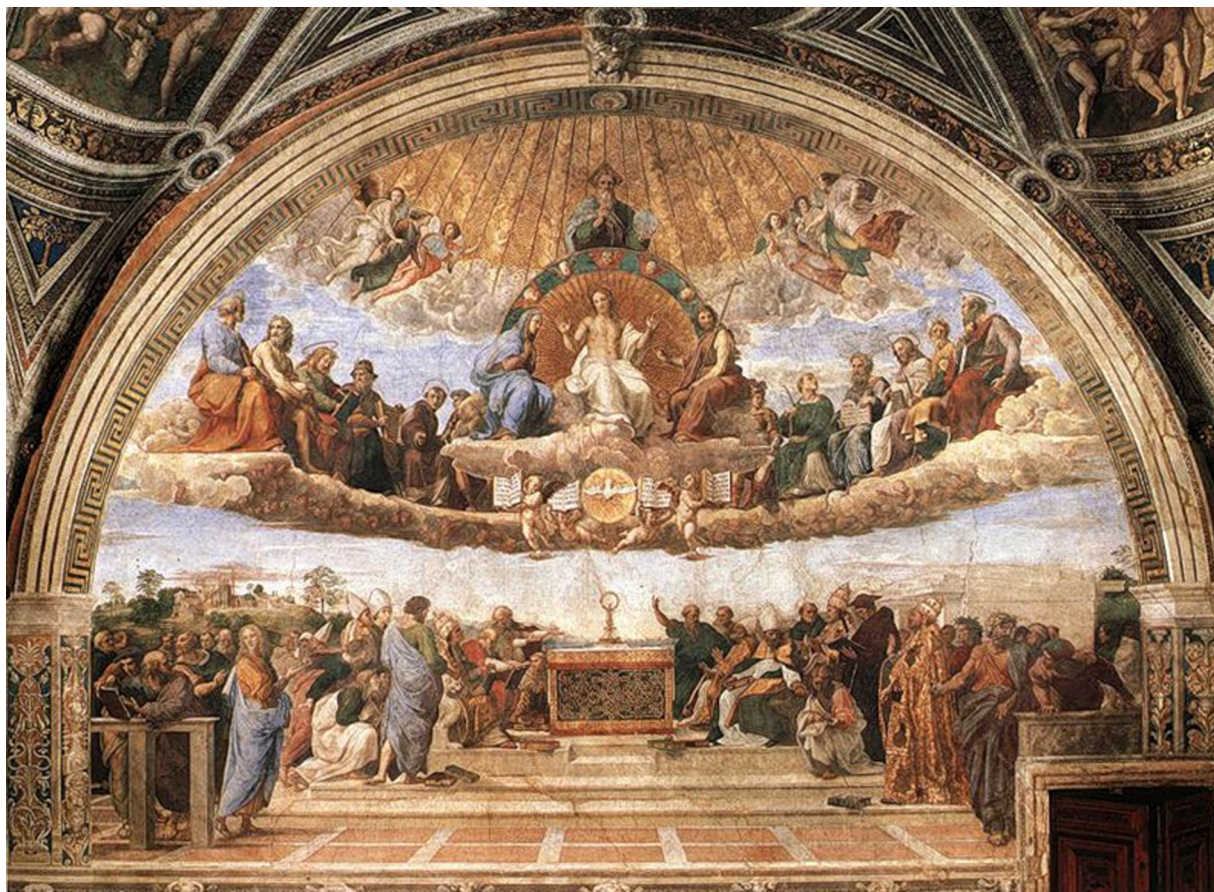

Рис. 4. Диспута

прекрасного, Гераклит в глубоком раздумье проникает в законы вечности бытия, Платон и Аристотель, выходя из храма науки, ведут спор об идеальном и реальном, о духовном и материальном, о законах и государстве.

В «Диспуте» (рис. 4), расположенной напротив «Афинской школы», также ведется спор между видными церковными деятелями, философами, поэтами и учеными. На фреске изображены философ-теолог Фома Аквинский, философ-мистик Бонавентура, поэт Данте, бунтарь Савонарола, римские папы и другие исторические личности. Если «Афинская школа» символизирует великое начало философии и права, то «Диспута» — примирение теологии и философии, духовной и светской властей, независимость и самостоятельность правосудия, преодоление борьбы между наукой и религией. Как и в «Афинской школе», все персонажи «Диспуты» переживают момент творческого поиска. Нет враждебности, идет непрерывающийся процесс познания истины. Ведется нескончаемая полемика на разные темы, но это спор не разногласия, а согласия.

«Диспута» изображена Рафаэлем преемницей высокой античной культуры, ее идей о свобо-

де и справедливости. Поэтому композиционно она расположена напротив «Афинской школы», идейное содержание которой отражается в ней зеркально — тот же творческий порыв, спор-поиск истины. В каждой из росписей художнику удалось выразить высокую идейность происходящего «на небольших возвышениях». На фреске «Афинская школа» ступени лестницы ведут вниз, в «Диспуте», наоборот, вверх. Таким образом Рафаэль связал прошлое и настоящее, преемственность идей античности Возрождением. Эти эпохи связаны и некоторыми знаковыми фигурами: Платон представлен в образе Леонардо да Винчи, Гераклит — в лике Микеланджело. В глубине группы античных астрономов мы видим самого Рафаэля, внимательно смотрящего в будущее. Живописец удивительным образом связал две композиции, а через них и две великие эпохи европейской цивилизации.

Можно до бесконечности спорить о том, что на фресках изобразил Рафаэль: философию (ее традиционно принятую интерпретацию), теологию (основу религиозного мировоззрения) или юриспруденцию (как сущность права, государства и правосудия). На наш взгляд, именно

последняя наука согласуется с замыслом и содержанием росписи.

Платон в произведениях «Государство» и «Законы», над которыми он работал всю жизнь, изложил идеалистическое представление о государстве и праве, не соответствовавшее реальности. Он утверждал, что государством должны управлять философы, оно представлялось ему унитарным, а общественная жизнь — строго регламентированной.

Аристотель, исследовавший большое количество конституций древнегреческих полисов, хорошо знавший их историю, подверг критике содержание проекта Платона. Свои теории он пытался увязать с политической реальностью, признавая существующую множественность форм государственного устройства. Наилучшим устройством он считал государство, в котором соединены элементы царской власти, аристократии и демократии. Подобная конструкция позволяла предупредить главное зло — коррупцию, взяточничество и попытки той или иной власти выйти за пределы своей компетенции.

Рафаэль, считающийся гением композиции, выразил в «Афинской школе» представление о государстве и праве через образы Платона и Аристотеля. В «Диспуте» он показал сущность судебной власти как самостоятельной и независимой ветви государственной власти, имеющей божественное происхождение, где Бог Отец олицетворяет высшее и потому справедливое правосудие. Боги в мифах Древней Греции не только управляли божественными и земными делами (Зевс и др.), но также вершили высшее правосудие. Именно им люди приносили свои жертвы и молитвы, прося о свидетельствовании при заключении сделки и заступничестве в суде.

Искусствоведы признают, что в росписи «Диспута» Рафаэль изобразил образ Святой Троицы, символизирующей идею Страшного суда, перед которым все равны. В центре верхнего яруса фрески представлены Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Справа и слева от Христа расположены праотец Адам, патриарх Авраам, законодатель Моисей, царь Давид, а также апостолы Петр и Павел и др. Фигуры Моисея и Давида соответственно олицетворяют законодательную и исполнительную власть.

Святую Троицу Рафаэль соединил с иконографической схемой Страшного суда, полагает И. А. Смирнова [4]. По ее мнению, тема Бога Отца, Иисуса Христа и Святого Духа в образе голубя, спускающегося вниз к алтарю, перекликается с обращением Иисуса к апостолам, о чем сказано в Евангелие от Иоанна: «Мир вам! Как

послал меня отец, так и я посылаю вас... примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простится, на ком оставите, на том останутся» [5]. Таким образом, фреска «Диспута» показывает не только примирение религии и науки, власти духовной и светской, но и идею божественности происхождения законодательной, исполнительной и судебной власти, которая «несомненно включает в себя идею суда, правосудия и божественной справедливости» [6].

Внизу сводчатого потолка, непосредственно примыкающего к росписям стен, Рафаэль изобразил четыре фрагмента: богиню Уранию, суд Аполлона, суд Соломона и грехопадение Адама и Евы.

Богиня астрономии Урания после наведения космического порядка приступает к установлению на земле естественного порядка, а Святой Дух в «Диспуте», спускаясь на землю, несет идею божественного правосудия, чтобы установить его на земле. Данная трактовка усиливается еще одним фрагментом росписи на своде: над «Диспутой» изображена аллегория теологии с надписью «Divinarum rerum notitia» («Познание божественных дел») (рис. 5).

Рис. 5. Теология

Этот фрагмент очень важен. Оказывается, приведенная выше фраза взята из известного высказывания римского юриста Домиция Ульпиана. В Дигестах Юстиниана полностью она звучит так: «Jurisprudencia est divinarum atque humanarum rerum notitia, justis atque iniustis scientia» [7] («Юриспруденция — это познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом»).

Следовательно, цель «Диспуты» — изобразить идею божественного происхождения права

судить и даровать прощение (миловать). Иконографические схемы Святой Троицы и Страшного суда как раз в этом и совпадают.

Из вышеизложенного следует еще один интересный вывод: сама идея божественного происхождения права была воспринята христианством из римского права. Известно, что второй царь Рима Нума Помпилий в конце VIII — начале VII в. до н. э. провел реформу, по существу отделившую божественное право (*fas*) от человеческого (*ius*). Ульпиан, живший в конце II — начале III вв. н. э., задолго до признания христианства государственной религией знал деление права на божественное и человеческое (реформа Нумы Помпилия еще не была утрачена). Его изречение, как самое авторитетное из высказываний пяти выдающихся классических римских юристов — Ульпиана, Папиниана, Павла, Модестина, Гая, и было использовано Рафаэлем в росписи.

Таким образом, центральная фреска «Диспуты» с ее внешне религиозным характером, как это ни странно, выражает идею государства, права и правосудия. Рафаэль изобразил на ней не только поиск истины людьми, в котором происходит примирение теологии и науки, но и главную идею росписи — право должно господствовать в государстве, а правосудие быть самостоятельным и независимым.

Рафаэль гениально построил эту композицию, разделив ее на два яруса. Верхний показывает верховенство и господство божественного права, божественное происхождение государства и правосудия. Святой Дух спускается на землю устанавливать человеческое правосудие, которое должно быть таким же самостоятельным, справедливым и независимым, как и Страшный суд. И ничто не может изменить этих принципов — носителей божественной воли, для которой все равны — бедный и богатый, высокопоставленный и простой служащий. Более того, стену с росписью «Диспуты» Рафаэль расположил рядом со стеной, на которой он показал идею права и государства. Они соприкасаются между собой, причем идея мирового государства и верховенства права получает на фреске «Право» завершение, уходя на сферический потолок, образующий правосферу как слой, защищающий социальную организацию общества.

Если понимание «Диспуты» представляет определенные трудности, то роспись стены («Право») и потолка («Правосудие и правопорядок») недвусмысленно раскрывает назначение резиденции и всего замысла фресок — продемонстрировать господство идеи права, решающую роль государства и правосудия в общественном разви-

тии, убедить посетителей зала папского трибунала в незыблемости данных постулатов.

Искусствоведы заметили, что Рафаэль удивительно тонко, глубоко, красочно и в то же время гармонично изобразил средствами живописи тему справедливости и правосудия, неразрывную связь божественного и человеческого, римского и канонического права. Он показал особое значение Дигест Юстиниана в последующем развитии юриспруденции в Европе.

Существует предположение искусствоведов, что стену, посвященную правосудию, Рафаэль собирался решить, подобно трем другим стенам, как единую композицию. Изменения в его планы мог внести только римский папа Юлий II, хотя «идея правосудия, видимо, была заложена в программу станцы изначально. Как иначе можно объяснить тот факт, что из четырех надписей, сопровождающих аллегорические фигуры на своде, три взяты из юридических кодексов?» [8].

О надписи к аллегории теологии мы уже говорили. Аллегория правосудия (рис. 6) сопровождается высказыванием, взятым из Дигест: “*Luus sum unicuique tribuit*” («Справедливость воздается каждому»). Аллегория философии (рис. 7) сопровождается надписью: “*Causarum cognitio*” («Производить расследование, познавать причины»), взятой Цицероном из преторской практики интердиктов. И только четвертая надпись к аллегории поэзии (рис. 8) заимствована из «Энеиды» Вергилия: “*Numine afflatur*” («Божественное вдохновение»).

Росписи, посвященные «Праву» и «Правосудию», отличаются от других своей простотой и сдержанностью красок. В них нет свободного пространства, наполненного голубым воздухом и глубиной перспективы, нет споров между персонажами. Группы людей небольшие, подчерки-

Рис. 6. Правосудие

Рис. 7. Философия

Рис. 8. Поэзия

Рис. 9. Право

ваются их подчиненное положение центральным фигурам (императору Юстиниану и папе Григорию IX). В этих сценах художник изобразил момент достигнутого научного и практического результата деятельности юристов, поэтому и вся роспись носит рабочий характер.

В правом простенке папа Григорий IX (в образе Юлия II) утверждает каноническое право, в левом — император Юстиниан регламентирует свод римского права. Все внимание зрителей, а также персонажей данных групп приковано к этим фигурам.

Борьба, начатая римским папой Григорием VII в XI в., с императором Римской империи германской нации закончилась в начале XVI в. В этом изнурительном противоборстве за власть не ока-

залось победителя. Композиционно Рафаэль точно построил этот момент, разделив две группы широким окном. Тем самым он показал, что каждая власть (светская и духовная) должна осуществлять только свойственные ей функции, не вмешиваясь во внутренние дела друг друга. Эту мысль усиливает еще одна деталь росписи.

Христианские добродетели. В люнете над обеими группами изображены три христианские добродетели: сила, знание и смирение (милосердие) в образе прекрасных женщин. Мастер удачно проиллюстрировал сферы влияния добродетелей. Сила написана над императором, а смирение — над римским папой, показывая сущность и назначение светской и духовной власти. Рафаэль усиливает данную трактовку тем, что над импе-

ратором в углу сферического потолка изображен суд Соломона, а в противоположном углу, над римским папой, — грехопадение Адама и Евы. Третья добродетель (именно от нее зависит мудрость правления и справедливость правосудия) — знание — располагается несколько выше двух других.

Завершая эту композицию, Рафаэль на своде потолка, над тремя христианскими добродетелями, расположил четвертую, высшую христианскую добродетель — юриспруденцию (справедливость).

Все они по духовному содержанию соответствуют правовому назначению и в светском обществе. Таким образом, происходит совпадение религиозной морали со светской, канонического права — с римским. Более того, совпадение это перерастает в единство морали и системы права, соединенное в росписи сферического потолка. На фоне господствовавшего в Европе партикуляризма в праве идея единства права опережала свое время на несколько столетий.

Выходит, роспись, посвященная государству, праву и правосудию, в отличие от трех других («Диспуты», «Афинской школы» и «Парнаса») имеет строго служебный характер. Она отражает прямое назначение зала — принятие римским папой нормативных актов и проведение заседаний суда. В этом смысле роспись имеет глубокое государственно-правовое значение и содержание.

Право здесь представлено важнейшим институтом социальной организации общества, а государство — гарантом устойчивости общественных отношений. Мы наблюдаем формирование новой прогрессивной идеологии, в которой праву отведена ведущая роль. Известный исследователь «Станцы делла Сеньятура» Гомбрих «связывал программы росписей с высказываниями гуманистов XV в. о роли отдельных наук и ведущем месте юриспруденции» [9].

Правопорядок и правосудие. На сводчатом потолке мы наблюдаем единение идей права и правосудия, перерастающих в общее правовое пространство. Большую часть сферического потолка занимают аллегии познания: теология, философия, поэзия и юриспруденция. Три из них сопровождаются надписями, взятыми из высказываний римских классических юристов. Отметим, что содержание этих изречений восходят еще ко временам Древней Греции. Тем не менее важнейшую часть сферы составляют не рассмотренные аллегии познания, а четыре другие композиции, расположенные в углах свода этого потолка: Урания (рис. 10), грехопадение (рис. 11), суд Аполлона (рис. 12) и суд Соломона (рис. 13). Все они, воплощая идею правосудия, связаны с тема-

ми правопорядка, вины, справедливого суда и неотвратимости наказания.

Парящая над землей Урания устанавливает естественный порядок природы вещей и правовой порядок в обществе. Тему вины Рафаэль изобразил грехопадением Адама и Евы, вкусивших запретный плод от дерева познания. Грехопадение, т. е. нарушение Божьей воли, считалось преступлением и влекло за собой наказание. Однако грехопадение определялось только при наличии вины. Поэтому миф об Адаме и Еве говорит об отделении современного общества от первобытного, знавшего только принцип объективного вменения.

Композицию «неотвратимость наказания» Рафаэль связал с мифом о суде Аполлона — боге света и поэзии, покровителе городов и их граждан.

По легенде низшее божество лесов и полей Марсий поднял брошенную Афиной флейту вопреки установленному запрету. Усовершенствовав игру на музыкальном инструменте, Марсий возгордился своим мастерством и вызвал на состязание самого Аполлона. Однако древние греки считали гордыню пороком (представившим обществен-

Рис. 10. Урания

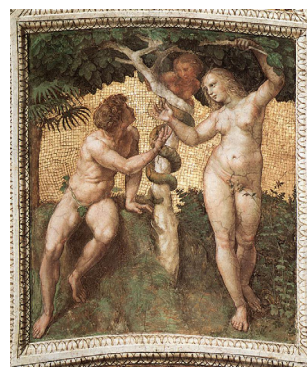

Рис. 11. Грехопадение

Рис. 12. Суд Аполлона

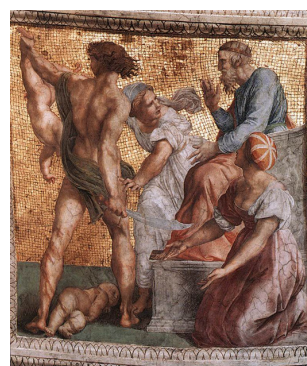

Рис. 13. Суд Соломона

ную опасность) и относили ее к деликтам, неизбежно влекущим наказание. Аполлон выиграл состязание. Рядом с подвешенным Марсием на фреске изображен палач, готовый приступить к исполнению наказания. В этой сцене Рафаэль в аллегорической форме изобразил важнейший принцип уголовного правосудия — неотвратимость наступления наказания за совершенное деяние.

Фреска «Суд Соломона» воплощает идею воздаяния по справедливости. В предыдущих росписях темы правопорядка, вины и неотвратимости наказания связаны с божественным правосудием и справедливостью. Суд Соломона изображает человеческое правосудие и справедливость.

Фемида обладала даром предвидения, которым наградила ее мать Гея, это давало ей возможность выявлять истину, проникать в тайны обмана, понимать скрытые мотивы преступника. На одной из краснофигурных ваз Фемида держит в руке яблоневую ветвь, считавшуюся символом предвидения.

Человек благодаря разуму мог логически определить связь между прошлым и настоящим, познать тайну происходящего и тем самым установить истину. Например, римские авгуры проводили тщательное расследование, по результатам которого выводили (предсказывали) будущее. «Ведь как ни покажется странным, именно авгурам римляне во многом обязаны за свои разработки в области судебного процесса вообще и процессуального следствия в особенности» [10]. Однако Рафаэль удивительно глубоко и в то же время незаметно раскрывает тайну передачи Фемидой дара предвидения такой добродетели человека, как знание, которой наделяются судьи. Случайно ли мы сегодня наблюдаем извращение статуи Фемиды в судах и в кабинетах судей? Вопрос далеко не праздный. Здесь мы видим значительное влияние, в частности, на судебную практику.

Библейские сюжеты суда Соломона раскрывают в этой композиции человеческую справедливость, правосудие, способное выявить (предвидеть) скрываемые помыслы сторон в судебном процессе.

Архитектор живописи. Рафаэль глубоко продумал сюжеты правосудия, оказавшись не толь-

ко непревзойденным мастером композиции, но и гениальным архитектором живописи.

«Станца дельла Сеньятура» — это величественный храм мира людей, в котором посредством рисунка и красок изображен прекрасный и совершенный мир разума и свободы, единства и преемственности поколений, бесконечное стремление к познанию, поиску истины и нахождению компромиссов. Но главная роль в этом творении все-таки принадлежит юриспруденции, благодаря которой произошло становление общества, развитие человечества. Рафаэль в своем искусстве всегда находил должную меру реального и идеального, неповторимую художественную гармонию конкретного и типического, рационального и эмоционального. Оттого созданные им образы обладают такой притягательной силой и тонким благородным обаянием.

Четыре композиции, расположенные в верхних углах комнаты, гармонично и естественно связывают потолок со стенами. Аллегии правопорядка, вины, неотвратимости наказания и воздаяния словно поддерживают свод, образуя тонко натянутую сферу права, которая защищает общество, его социальную организацию, подобно ионосфере, оберегающей жизнь на земле.

Правосфера формировалась тысячи лет, и современный миропорядок существует благодаря преемственности в ее развитии. Однако сегодня правосфера мирового порядка нуждается в особой защите, так же как общество и отдельный человек. Древнегреческий оратор Демосфен предупреждал своих граждан: «Законы у вас обладают силой, и вы сильны благодаря законам. Законы надо защищать точно так же, как защищает себя от несправедливости любой человек, и ущерб, нанесенный законам, следует считать ущербом для всего общества. Ничто не должно спасать от наказания нарушителя закона» [11].

Взглянув на фрески, нельзя не удивиться и не увидеть грандиозности созданного Рафаэлем мироздания, отвечающего современным представлениям о государстве, праве и правосудии, многообразии национальных образований, противоречивости и гармоничности человеческого бытия.

---

1. См.: Голенишев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 54.

2. Данте А. Малые произведения. М., 1968. С. 316.

3. Великие мастера итальянского искусства. М., 1995. С. 26.

4. См.: Рафаэль и его время / под ред. А. С. Чиколине : сборник. М., 1986.

5. Там же. С. 62.

6. Там же.

7. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / под ред. А. Л. Кофанова. М., 2002. Т. 1. С. 87.

8. Рафаэль и его время. С. 63.

9. Там же. С. 55.

10. Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 90.

11. Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 215.

УДК 340.15

И. А. Шершнева-Цитульская
I. A. Shershneva-Tsitulskaya

Основные принципы государственно- конфессиональных отношений в России в начале XX века

Main Principles of State-Confessional Relations in Russia at the Beginning of the XX Century

Статья посвящена эволюции основных принципов отношений государства и религиозных организаций в России начала XX в. Автор выделяет принципы веротерпимости, конфессионального предпочтения православия, первенства РПЦ среди других религиозных организаций. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики, работ дореволюционных, советских и современных ученых показан кризис системы государственно-конфессиональных отношений начала XX в., его причины и итоги.

История государства и права России; церковь и государство; правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений

The article deals with the evolution of the main principles of relations between the state and religious organizations in Russia at the beginning of the XX century. The author defines the principles of faith tolerance, confessional Orthodox faith preference, the primacy of the Russian Orthodox Church among other religious organizations. On the basis of the analysis of legislation and law enforcement practices alongside with the works by prerevolutionary, soviet and modern scientists the author describes the crisis of the state-confessional relations at the beginning of the XX century, its reasons and results.

History of the state and the law of Russia; the church and the state; legal regulation of state-confessional relations

К октябрю 1917 г. система государственно-конфессиональных отношений в России находилась в состоянии глубокого кризиса, выходом из которого виделось создание новой системы, основанной на принципиально иных началах. Выявить, проанализировать и проследить эволюцию правовых принципов государственно-конфессиональных отношений в указанный период — главная цель статьи.

К концу XIX в. в России действовала система государственно-конфессиональных отношений, сложившаяся еще на заре эпохи абсолютизма. Ее стержнем являлись отношения РПЦ и государства, строившиеся на так называемой симфонии властей. Симфония основывалась на первенстве РПЦ

в пантеоне религиозных объединений империи с признанием исключительной роли православия в идеологической сфере общества при тесном слиянии церкви и государства в единый социальный организм. *Русская православная церковь* (и только она) являлась частью государственного механизма — ведомством православного исповедания.

Однако симфония властей была лишь частью дооктябрьской системы государственно-конфессиональных отношений. Российская империя, как и любая другая, была многонациональна и многоконфессиональна, поэтому замыкаться только в рамках православной симфонии властей система государственно-конфессиональных отношений, конечно, не могла — государство должно было

каким-то образом строить отношения и с другими религиозными организациями, действовавшими на его территории. Наличие этого фактора предопределило возникновение в российском праве эпохи абсолютизма *принципа веротерпимости*, юридически провозглашенного в 1735 г. Манифестом о свободном отправлении христианских инославных богослужений: «Свобода веры присваивается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих...» [1].

Однако, несмотря на наличие в основании системы государственно-конфессиональных отношений принципа веротерпимости, она имела существенный изъян, который в эпоху нарастания общественного и государственного кризиса начала XX в. сыграл роль детонатора, вызвавшего межконфессиональные и межнациональные трения. Недостаток этот заключался в отсутствии равноправия конфессий как между собой, так и перед законом. Государство, отдавая приоритет тому или иному исповеданию, основывалось на его близости к православию, выстраивая отношения с конфессиями и их религиозными организациями, руководствуясь *принципом конфессионального предпочтения* христианства в целом и православия в частности. Так что все исповедания по объему прав и привилегий, полученных от государства, выстраивались в четкую иерархическую систему.

В юридических и исторических исследованиях до сих пор господствует мнение о том, что Свод законов Российской империи содержал только иерархию (неравенство) вероисповеданий, а иерархия организационно-правовых форм религиозных объединений российскому законодательству была неизвестна [2]. Эта концепция, разработанная государствоведом М. А. Рейснером, базируется на утверждении о том, что иерархия исповеданий в России имела под собой исключительно национально-политическую основу. Автор, ссылаясь на ст. 1100, 1103, 1117, 1118, 1673 Уставов духовных дел иностранных исповеданий, а также на ст. 45 Основных государственных законов (изд. 1832 г.) и ч. 1 ст. 90 Свода законов гражданских, пришел к выводу: «Закон присваивает веротерпимость... отдельным племенам и народам... а совсем не духовным обществам как таковым» [3].

Причины возникновения иерархии исповеданий М. А. Рейснер объяснял политическим значением народов — носителей того или иного вероисповедания, подчеркивая, что «неоднократно в Своде законов носителями определенных

“терпимых” религий указываются не отдельные духовно-религиозные общества, а племена и народы» [4]. Современные исследователи восприняли эту концепцию без критического осмысления, т. е. как аксиому [5].

Вместе с тем никто из них не обратил внимания на двойственное значение термина «исповедание» («вероисповедание»), неоднократно употребляемого в Своде законов Российской империи. Дооктябрьское законодательство не оперировало понятиями «конфессия» и «религиозная организация» — для обозначения этих социальных явлений использовался термин «исповедание», поэтому, какое именно из двух значений имел в виду законодатель, употребляя данный термин, следует рассматривать каждый раз индивидуально, исходя из контекста конкретной статьи.

Так, ст. 62 Основных государственных законов [6] закрепляла принцип первенства и господства православной веры «кафолического восточного исповедания», в то же время из содержания ст. 63 и 64 вытекало, что православное исповедание — это не что иное, как РПЦ, которая в общем-то была лишь одной из организационно-правовых форм православия.

Государствоведческая доктрина начала XX в. тоже не разграничивала понятия «конфессия» (вероисповедание) и «религиозное объединение» (организация). Об этом писал Н. М. Коркунов, полагая, что «свобода совести и свобода церковная — разные категории», и российское законодательство не обеспечивало «ни свободу церковную, ни свободу совести, а стремилось обеспечить... равенство исповеданий» [7].

Несовершенство понятийного аппарата привело к тому, что в разработанной М. А. Рейснером иерархической классификации исповеданий были смешаны конфессии и их религиозные организации. Вместе с тем именно указанный автор обратил внимание на то, что не только разным вероисповеданиям, но и религиозным организациям одного и того же вероисповедания (конфессии) предоставлялись неодинаковые по объему права и привилегии.

Иерархия исповеданий, по М. А. Рейснеру, выглядела следующим образом: терпимые составляли три нижние ступени пирамиды (сибирские шаманисты, самоеды-язычники, раскольники, шотландские и базельские сектанты, менониты и баптисты, язычники-ламаисты, еврей-талмудисты, еврей-караимы и магометане); признанные объединяли церковные организации христианства, составляя третью и вторую ступени (протестантские церкви, Русская римско-католическая церковь, Армяно-католическая церковь, Армяно-григориан-

ская церковь); РПЦ, венчавшая собой вершину иерархической пирамиды, господствовала [8].

Несложно заметить, что объем прав и привилегий исповедания зависел не только от его конфессиональной принадлежности, но и от организационно-правовой формы. В основу иерархии исповеданий Российской империи было положено сочетание *принципов конфессионального предпочтения христианского вероучения и предпочтения церковной организации всем другим формам объединений*. Это привело к тому, что все церковные организации христианского толка, согласно предоставленным законом правам и привилегиям, располагались в иерархии исповеданий гораздо выше христианских сект, а также нехристианских религиозных организаций. Особенностью этой системы являлось отсутствие соподчиненности между конфессиями, а правовое положение каждой религиозной организации зависело от степени терпимости РПЦ к ее вероучению, поэтому наибольший объем прав и привилегий имели христианские церковные организации, а среди них наиболее близкая к РПЦ — Армяно-григорианская церковь.

Если предположить, что Свод законов Российской империи организационно-правовые формы вероисповеданий совершенно не учитывал, а опирался исключительно на иерархию конфессий, то пантеон культов выглядел бы иначе: секты и церковные организации соответствующих конфессий должны были бы иметь одинаковый объем прав и привилегий, и тогда рядом с РПЦ должны были бы находиться старообрядческие общины, а не Армяно-григорианская церковь.

Попытка преодолеть церковный раскол и приблизить статус старообрядческих общин по объему прав и привилегий к РПЦ была предпринята в ходе революции 1905—1907 гг. Указом Правительствующего сената от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» была признана независимость от РПЦ старообрядческих организаций, получивших право на самоуправление [9]. Государственная Дума третьего созыва приняла законопроект, предоставлявший свободу пропаганды расколоучения и легализацию церковной иерархии старообрядцев [10].

Депутаты В. Н. Львов и С. Е. Крыжановский, выступая против законопроекта, предупредили Государственную Думу о том, что в результате его реализации произойдет легализация второй православной иерархии, что уничтожит первенствующее положение РПЦ [11]. Разумеется, законопроект не получил одобрения Государственного совета, поэтому главенствующее положение

РПЦ в пантеоне религиозных объединений империи осталось непоколебимо.

Итак, принцип конфессионального предпочтения красной нитью проходил через российское законодательство, отражаясь и в иерархии конфессий, и в иерархии их религиозных организаций.

Согласно законодательству Российской империи православие среди других конфессий занимало исключительное положение. Ее ведущая религиозная организация — РПЦ — признавалась «первенствующей» и «господствующей», именно к ней обязательно должен был принадлежать император (ст. 63 Основных государственных законов [12]), называемый ст. 64 Основных государственных законов главой церкви. Статьи 64 и 65 разграничивали управление РПЦ, осуществляемое верховной властью непосредственно, и других религиозных объединений, находившихся в ведении МВД, относившегося к органам управления подчиненного [13]. Официально отмечались только православные праздники [14]. Одно из основных преимуществ РПЦ, сохранившихся к октябрю 1917 г., — открытая и свободная пропаганда православного вероучения [15].

Остальные вероисповедания российское законодательство по принципу конфессионального предпочтения разделяло на две группы: терпимые — это иностранные вероисповедания, представленные инославными (христианскими, но неправославными) вероисповеданиями и иноверными вероисповеданиями (нехристианскими культурами); гонимые — «ереси, соединенные со свирепым, изуверским и фанатическим посягательством на жизнь свою или других либо с противонаправленными гнусными действиями» [16]. Последние находились под запретом уголовного закона, не допускались в России и деятельность ордена иезуитов.

Несмотря на то что принцип конфессионального предпочтения играл ведущую роль в государственно-конфессиональных отношениях, он сосуществовал в российском законодательстве с принципом веротерпимости, в частности в сфере осуществления государственных функций, где РПЦ имела равные права с теми религиозными объединениями, деятельность которых не была запрещена законом. Более того, право публично отправлять религиозные обряды, официально признанные права духовенства как особого, привилегированного сословия, признание за церковными «установлениями» прав юридического лица, ведение актов гражданского состояния, сбор статистических данных, осуществление правосудия, духовной цензуры и политической слежки за

своей паствой — все это права не одной только «господствующей» церкви, но и остальных религиозных объединений, чья деятельность не находилась под запретом.

Для всех духовных лиц христианских вероисповеданий устанавливались изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства [17]. А процедура судопроизводства по должностным преступлениям духовных лиц приравнивалась к процедуре привлечения к уголовной ответственности государственных служащих и распространялась на духовенство всех не запрещенных законом вероисповеданий [18].

Даже частичное финансирование РПЦ из государственной казны не являлось исключительным преимуществом первенствующего религиозного объединения. Содержание из казны получало католическое, лютеранское, армяно-григорианское и мусульманское духовенство [19], но государственные расходы на содержание духовенства иностранных и инославных исповеданий были несопоставимы с расходами на нужды РПЦ. Например, в государственном бюджете на 1909 г. МВД и другими министерствами на нужды Армяно-григорианской, Армяно-католической, Русской римско-католической, Евангелистско-лютеранской церкви и четырех духовных управлений мусульман вместе взятых было выделено 1 767 135 руб. [20], а на содержание господствующей церкви по всем министерствам, включая расходы казны на ведомство православного исповедания, — 34 821 130 руб. [21].

Таким образом, глубокое противоречие между принципом веротерпимости и принципом конфессионального предпочтения православия являлось главной особенностью системы государственно-конфессиональных отношений Российской империи.

Первая революция, вызванная глубокими социально-экономическими и политическими противоречиями, показала невозможность в условиях многонационального и многоконфессионального общества оставить государственно-церковные отношения в прежнем виде. Национально-конфессиональные скрепы российской государственности показали свою непрочность, требовалось обновление идеологической основы абсолютизма, что было немислимо без преобразований в сфере правового регулирования отношений государства и религиозных организаций. Приспосабливаясь к новым условиям, самодержавие вынуждено было провести два коренных преобразования: несколько ограничить абсолютизм учреждением Государственной Думы и внести изменения в законодательство в связи

с провозглашением свободы слова, совести, собраний и союзов.

Однако, провозгласив свободу совести в момент подъема революционного движения, самодержавие, используя юридический формализм, оставило себе путь для отступления открытым. Действительно, Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» император даровал подданным «незыблемые гражданские свободы *на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов*» [22] (курсив мой. — *И. Ш.-Ц.*). Но поскольку речь шла только о «*началах свободы совести*», постольку в ст. 39 Основных государственных законов редакции 1906 г. упоминалось лишь о «*свободе веры*», которую и «получили» российские подданные в результате буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. [23], хотя свобода вероисповедания к тому времени почти два века для российского законодательства новостью не являлась.

Бонапартизм стал сущностью правящего режима после государственного переворота 3 июня 1907 г., что в конечном счете предопределило умеренный характер дальнейших преобразований в области свободы совести. Совершенно отказаться от дарованной подданным 17 октября 1905 г. свободы совести самодержавие уже не могло. Общество следовало отвлечь от революционного движения, поэтому Государственной Думе было предложено начать преобразования в религиозной сфере, что повлекло за собой пересмотр некоторых норм, относившихся к различным отраслям законодательства Российской империи.

Из Уголовного уложения 1903 г. были изъяты некоторые статьи, содержавшие составы преступлений против религии и церкви: в итоге из 65 статей, нормы которых защищали сложившуюся в синодальный период государственно-церковных отношений, в утвержденном проекте (14 марта 1906 г.) осталось лишь 24 статьи [24], из которых только 15 непосредственно касались православия и РПЦ. Несколько по-иному стала трактоваться свобода пропаганды вероучения: уголовно наказуемой осталась только публичная пропаганда (проповедь) в целях «сращения» православных в иную веру, а пропаганда (проповедь) иными способами перестала являться основанием для привлечения к уголовной ответственности [25]. В Уставе о предупреждении и пресечении преступлений были упразднены ст. 36—39 и 56—57 [26], крайне важные для РПЦ. Та же участь постигла

и ст. 1005—1008 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [27], касавшиеся особого порядка привлечения к уголовной ответственности духовных лиц христианских церквей.

Наиболее негативное отношение со стороны иерархии РПЦ вызвал Именной указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», разрешивший подданным переходить из одного «исповедания» в другое [28], вследствие чего лишним стало получение лицами православного исповедания индивидуальных разрешений Священного синода на переход в другое религиозное объединение. Интересы «первенствующей» церкви этот указ затронул напрямую, поскольку в ходе его реализации в ряде регионов произошел массовый переход подданных из православия в другие конфессии, в частности только за 1905 г. в западных губерниях более 170 тыс. человек перешло в католицизм, около 11 тыс. по всей империи — в лютеранство, в Поволжье и Сибири 36 тыс. — в ислам [29].

Однако значительная роль данного указа в деле становления в Российском государстве свободы совести несомненна. В прошлом осталось положение, при котором «вера и исповедание ее были далеко неоднозначны с принадлежностью к тому или иному церковному обществу... действительная вера — одно, а юридическая к ней принадлежность — другое» [30], и только случай перехода в «особо вредные секты» закон рассматривал в качестве юридического факта, порождавшего лишение всех прав состояния и ссылку в отдаленные местности Сибири и Закавказья [31]. В целом большинство норм, охранявших господство РПЦ, остались неприкосновенными. Нормы ст. 62, 63, 64, 66, 68 Основных государственных законов [32], ст. 4 Уставов духовных дел иностранных исповеданий о прозелитизме РПЦ [33] и ст. 110, 256, 779, 1102, повелевающих иностранным исповеданиям воздержаться от прозелитизма в отношении православных подданных [34], ст. 45, 53, 65, 70, 77 Устава о предупреждении и пресечении преступлений [35], ст. 84 и 90 Уголовного уложения [36] оставались в неприкосновенности, стойко охраняя первенство и господство РПЦ.

Вместе с тем умеренные преобразования хотя и явились определенным достижением в сфере регулирования государственно-конфессиональных отношений, но были явно недостаточны в условиях начала XX в. Требовалось дальнейшее развитие института свободы совести, однако положение в этой сфере оставалось без серьезных изменений до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

С марта 1917 г. задачу совершенствования вероисповедного законодательства взяло на себя Временное правительство, которое провозгласило свободу совести и узаконило внеисповедное состояние [37]. Это способствовало исчезновению различий в правовом положении между терпимыми и признанными религиозными объединениями империи. Вместе с тем господствующее положение РПЦ среди других религиозных объединений и православия относительно остальных конфессий оставалось неизменным, чему способствовал определенный крен вероисповедного законодательства Временного правительства в сторону развития индивидуальных начал свободы совести.

Свобода религиозных объединений до-октябрьскому российскому законодательству была неизвестна. Любые попытки ее признать и законодательно закрепить заранее были обречены на провал, поскольку вступали в противоречие с принципом господства РПЦ в иерархии религиозных объединений, а отказ от православия как государственной идеологии мыслился властью не иначе как явление, тождественное откату от бытия российской государственности. Именно поэтому Временное правительство оставило без изменений ту часть законодательства, которая предоставляла и гарантировала РПЦ исключительное положение среди остальных религиозных объединений [38]. Более того, отменять первенство и господство РПЦ в иерархии религиозных объединений буржуазное государство не собиралось, отдав предпочтение православию как идеологической основе буржуазной Российской Республики, которая была провозглашена 1 сентября 1917 г.

1. См.: ПСЗ-I. Т. 9. № 6693.

2. См.: Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 158—162; Коркунов Н. М. Русское государственное право : пособие к лекциям : в 3 т. СПб., 1914. Т. 1. С. 533—535; Клочков В. В. Закон и религия: от государственной религии к свободе совести в СССР. М., 1982. С. 4; Пинкевич В. К. Вероисповедные вопросы в думский период (1906—1917 гг.). М., 1995. С. 5; Редькина О. Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль—октябрь 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 17—18; Филиппов С. А. Социально-гуманитарная деятельность приходов Российской православной церкви в конце XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 2—3; Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 6—8.

3. Рейснер М. А. Указ. соч. С. 159.

4. Там же. С. 158.

5. См.: Редькина О. Ю. Указ. соч. С. 17; Фирсов С. А. Православная церковь и Российское государство в 1907—1917 гг.: социальные и политические проблемы : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 4; Дорская А. А. Проблемы законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 2—3; Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 38; Муравская Е. А. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в XVIII—XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 14—16.
6. См.: СЗ РИ : в 15 т. СПб., 1906. Т. 1. Основные государственные законы.
7. Коркунов Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 533.
8. См.: Рейснер М. А. Указ. соч. С. 162.
9. См.: ПСЗ-III. Т. 26. № 27 905 // Церковные ведомости. 1906. № 43. С. 458—465; Фирсов С. А. Русская Церковь накануне перемен (конец 1880-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 288—290.
10. См.: Государственная Дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. 1909 год. СПб., 1909. Ч. 4. С. 1006—1010.
11. См.: Там же. С. 1026.
12. См.: СЗ РИ. СПб., 1906. Т. 1. Основные государственные законы.
13. См.: Там же. СПб., 1896. Т. 11. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 13—14.
14. См.: Там же. СПб., 1890. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 25—27.
15. См.: Там же. СПб., 1896. Т. 11. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 4; Там же. СПб., 1909. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 191.
16. Там же. СПб., 1909. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 201—203.
17. См.: Там же. Т. 16. Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1017—1029.
18. См.: Там же. СПб., 1896. Т. 11. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 597.
19. См.: Там же. Ст. 133; ПСЗ-II. Т. 17. № 15 189.
20. См.: Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения / под ред. М. М. Шейнмана. М., 1973. С. 137.
21. См.: Там же.
22. СУРИ. 1905. Отд. I. Ст. 1658.
23. См.: Там же. 1906. Отд. I. № 98. Ст. 603.
24. См.: Айвазов И. Г. Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908. С. 8.
25. См.: СЗ РИ. СПб., 1909. Т. 15. Уголовное уложение. Ст. 90.
26. См.: Там же. СПб., 1890. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений.
27. См.: Там же.
28. См.: ПСЗ-III. Т. 25. № 25 703.
29. См.: Лукин Н. М. Революция и церковь. М., 1924. С. 20—21.
30. Рейснер М. А. Указ соч. С. 205.
31. См.: СЗ РИ. СПб., 1909. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 162, 185, 188; Там же. СПб., 1890. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 30, 37, 56, 58.
32. См.: Там же. 1906. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Ст. 62, 63, 64, 66, 68.
33. См.: Там же. СПб., 1890. Т. 11. Ч. 1.
34. См.: Там же. 1896. Т. 11. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 4, 256, 779, 1102, 1110.
35. См.: Там же. 1890. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 45, 53, 65, 70, 77.
36. См.: Там же. 1909. Т. 15. Уголовное уложение. Ст. 84, 90.
37. См.: СУРИ. 1917. № 70. Ст. 400.
38. См.: Муравская Е. А. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в XVIII—XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 17.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.6

С. Н. Григолова
S. N. Grigolava

Становление и развитие наследственного права в России и зарубежных странах

Existing and Developing of the Inheritance Law in Russia and Foreign Countries

Тема данной статьи весьма актуальна в силу непрекращающегося в России развития института наследственного права — одного из наиболее древних правовых институтов. Оно развивалось в зависимости от экономических, политических и других условий жизни общества. Проблема наследования является очередным вопросом современного гражданского общества. Для написания данной статьи были проведены исследования по истории развития наследственного права в Российской Федерации и за рубежом.

История развития наследственного права; наследование; наследники; наследники по завещанию; наследники по закону; римское право

The presented article now days is very actual especially in Russia because the institute of inheritance law is developing day by day, which is one of the oldest laws in Russia. The development of inheritance law depended on economical, political and living conditions of the society. The problem of inheritance is one of the main and important problems in modern civil law. A lot of researches of history development in inheritance law have been done in Russian Federation and abroad while writing this article.

The history development of inheritance law; inheritance; heir; testamentary heir; heir at law; Roman law

Развитие института наследственного права началось во времена Римской республики, а продолжилось в период генезиса Римского государства — в эпоху империи. Дальнейшее развитие основы наследственного права Древнего Рима получили в странах Западной Европы в Средневековье.

В России в дореволюционный период шел процесс становления основных институтов гражданского права.

Развитие наследственного права поставило перед юристами и обществом множество вопросов: что делать с имуществом после смерти человека, кому оно должно принадлежать и как урегулировать вопросы, связанные с развитием брачно-семейных отношений?

Несмотря на то что институт наследования имеет общие корни и строится на сходных принципах, законодательство различных государств имеет существенные различия в правовом регулировании наследственных правоотношений.

Проведем историческое и сравнительно-правовое исследование становления наследственного права в Российской Федерации и за рубежом.

Наследственное право развивалось в зависимости от экономических, политических и других условий жизни общества.

Как известно, появление наследственных норм обусловлено возникновением частной собственности и государства, хотя первоначально на-

следственного права относится еще к доклассовому обществу. Правда, как такового наследования тогда не существовало, потому что потребности людей были более чем скудными. В то время от отца к сыну переходили орудия производства, находившиеся во владении и пользовании рода. При этом данные отношения регулировались не нормами права, а многовековыми традициями и обычаями, нормами религии и морали. Их соблюдение обеспечивалось не мерами государственного принуждения, а общественным воздействием.

По мнению большинства исследователей, первые нормы наследования были созданы в рамках римского частного права. Выделяют четыре этапа в развитии римского наследственного права:

- 1) наследственное право древнего гражданского права;
- 2) наследование по преторскому праву;
- 3) наследование по императорскому законодательству, существовавшему до реформ Юстиниана;

4) наследственная система Юстиниана, который впервые кодифицировал римское право [1].

На первых этапах существования наследственное право основывалось на принципе первородства. Это означало, что имущество умершего переходило к родственникам первой степени, а следовательно, оставалось в семье. Со временем частная собственность стала доминировать над семейной; собственник получил возможность с помощью завешания распоряжаться своим имуществом. В тот период наследование по закону заняло второе место после наследования по завешанию.

По римскому праву завешание признавалось действительным, если были соблюдены следующие условия:

- 1) специальная способность завешателя к составлению завешания;
- 2) надлежащее назначение наследника;
- 3) соблюдение формы, установленной для завешания (завешание, совершенное перед народным собранием, и завешание, объявленное перед войском, готовым к походу). Обе формы являлись устным выражением воли наследодателя.

В юстиниановском праве завешания делились на частные (совершались в присутствии семи свидетелей) и публичные (при его составлении участвовали органы государственной власти).

Римское право признавало одинаковую юридическую силу за письменными и устными завешаниями. Правда, если первое составлялось как при свидетелях, так и без них, то во время заключения второго завешатель должен был четко выразить свою волю словами в присутствии семи человек.

Императорское законодательство до реформ Юстиниана продолжало тенденции преторского права, вытесняя агнатическое родство (по мужской линии) когнатическим (как по мужской, так и по женской линии).

Согласно новеллам Юстиниана наследование по закону было основано исключительно на когнатическом родстве.

Ключевой предпосылкой становления русского наследственного права явилось выделение отдельного индивида из рода на основе его имущественной обособленности в период перехода от родового быта к государственному.

Первым источником русского наследственного права, который был сформирован под влиянием римского права, считается Русская Правда. В ней предусматривалось наследование по завешанию, по закону или по обычаю. К наследникам Русская Правда относил детей умершего, причем дочери вступали в свои права только при отсутствии сыновей. Постепенно круг преемников расширялся. Составление завешания рассматривалось как последняя нравственная обязанность умирающего.

Дальнейшее развитие наследственного права пошло по пути разграничения наследования по закону и по завешанию. В Псковской судной грамоте предусматривались два порядка наследования [2]: 1) «отморщина» — имущество, оставшееся после умершего и переходящее без завешания; 2) «приказное» — имущество, переданное кому-либо по приказу другого, т. е. по завешанию. Помимо этого грамота устанавливала письменную форму завешания — рукописание. Признавались наследственные права мужа после смерти жены [3].

Значительные изменения в области вещного, обязательственного и наследственного права внесло Соборное уложение 1649 г. Тогда же была четко определена сфера гражданско-правовых отношений. К этому побуждали развитие товарно-денежных отношений, создание новых типов и форм собственности, количественный рост гражданско-правовых сделок.

Дальнейшее становление русского наследственного права получило в период правления Петра I. В соответствии с Указом от 18 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имениях» составление завешания являлось обязанностью наследодателя. Он мог назначить наследником одного из сыновей, а при их отсутствии — одну из дочерей. Правда, в 1731 г. Анна Иоанновна отменила указ в связи с тем, что он противоречил общественному благу.

Один из важных этапов в развитии наследственного права связан с принятием 31 октяб-

ря 1922 г. ГК РСФСР [4], установившего равенство долей при наследовании по закону, а также равноправие мужчины и женщины в соответствующих делах.

При отсутствии наследников, отказе наследника от принятия наследства или его неявки в течение шести месяцев имущество признавалось выморочным и переходило в собственность государства. Отказ от наследства в пользу другого человека не допускался.

Гражданский кодекс РСФСР не допускал к наследованию ни по закону, ни по завещанию граждан, которые своими противозаконными действиями, направленными против наследодателя, способствовали признанию их к наследованию (ст. 531). Данных лиц называли гражданами, не имеющими права наследовать.

Последним на современном этапе развития наследственного права является вступление в силу с 1 марта 2002 г. части третьей ГК [5], разд. V которой посвящен данному вопросу. Можно сказать, что ныне действующее законодательство о наследовании в ключевых положениях основано на римском праве. Это подчеркивает стабильность в правовом регулировании данной сферы общественных отношений. Однако общую оценку данного законодательства, обоснованности предложенных им новаций и эффективности правовых механизмов нельзя давать до тех пор, пока не накопится значительная практика его применения, которая выявит основные направления совершенствования законодательного регулирования наследственных правоотношений.

Интересно, что институт наследственного права в зарубежных странах построен иначе, чем в России. Многие здесь зависят от основополагающих принципов системы наследования в том или ином государстве.

Наследственное право стран континентальной Европы отличается от английского и американского. В европейской правовой системе наследование рассматривается как универсальное правопреемство, согласно которому права и обязанности наследодателя переходят непосредственно к наследникам в неизменном виде и одновременно. В странах англо-американской системы права действует иной механизм перехода наследования имущества. Здесь центральной фигурой является личный представитель наследодателя. Если он назначен в завещании, то именуется исполнителем (executor), в остальных случаях — администратором (administrator). Полномочия личного представителя возникают с момента утверждения его судом. К нему переходит все наследственное имущество, которым он уп-

равляет как доверительный собственник. Функции данного представителя могут выполняться как одним, так и несколькими лицами в зависимости от содержания завещания или решения суда. Личный представитель осуществляет ликвидацию имущества наследодателя, погашая его долги в соответствии с установленной законом очередностью и предъявляя требования к должникам наследодателя. Он вправе совершать также другие действия, связанные с управлением вверенным ему имуществом, в частности необходимые для обеспечения нормального функционирования предприятия наследодателя. Ликвидация имущества производится под контролем суда, который может потребовать представления описи имущества и отчета личного представителя о произведенных им действиях.

Очищенное от долгов имущество наследодателя личный представитель передает наследникам по завещанию или по закону с учетом причитающейся каждому из них доли. Поскольку наследники приобретают таким образом не обремененное долгами имущество, вопрос об их ответственности перед кредиторами наследодателя в англо-американском праве не возникает. В этих условиях особое значение приобретает вопрос об ответственности личного представителя, на которого возлагается обязанность возместить наследникам и кредиторам наследодателя ущерб, возникший вследствие допущенных им злоупотреблений и упущений.

Общим же основанием для наследования во всех правовых системах является завещание и закон. Наследование по завещанию, дающее собственнику распорядиться своим имуществом на случай смерти, играет ведущую роль. Наследование же по закону имеет субсидиарное значение, так как применяется только при отсутствии юридически действительного завещания, а также когда оно охватывает лишь часть наследственного имущества.

В европейских странах наследственные правоотношения регулируются нормами кодифицированного законодательства: гражданскими кодексами, отдельными законами.

В Великобритании принято несколько законов, содержащих нормы наследственного права: о завещаниях, управлении наследственным имуществом, наследовании, изменении наследственного права и др.

В США наследственное законодательство относится к компетенции штатов и отличается определенным своеобразием (например, в Луизиане действует Французский гражданский кодекс). В Америке одобрен Единообразный кодекс США

об утверждении завещаний, но он принят в меньшинстве штатов.

Законодательство всех рассматриваемых стран большое значение придает форме завещания в связи с тем, что необходимо достоверно установить последнюю волю завещателя. Несоблюдение предписанных законом требований влечет за собой недействительность документа.

Законодательство стран континентальной Европы предусматривает три формы завещания [6]:

- 1) собственное;
- 2) в форме публичного акта;
- 3) тайное.

В отличие от стран континентальной Европы английский закон использует только одну форму завещания — письменную, причем документ должен быть подписан завещателем и удостоверен не менее чем двумя свидетелями в его присутствии.

Интересно, что развитие наследственного права в Российской Федерации и западных странах идет в противоположном направлении. Если в нашей стране в наследственном праве четко просматривается тенденция к постепенному расширению границ свободы завещания, то в зарубежных странах происходит все наоборот.

Заметим, что для отечественного наследственного права всегда был характерен одинаковый подход к правам как усыновленных, внебрачных, так и полноправных детей наследодателя. Опять-таки взаимопротивоположные тенденции наблюдаются в наследственном праве Российской Федерации и зарубежных государств в вопросе определения круга наследников по закону: в нашей стране он расширяется, в капиталистических государствах — сужается. В результате количество случаев перехода наследственного имущества к государству (как выморочного) в этих государствах растет.

Как видим, между наследственным правом развитых капиталистических стран есть как существенные расхождения, так и значительные совпадения. В этом нет ничего удивительного: и то и другое право своими корнями уходит во времена Древнего Рима. Этим объясняется общее, а расхождения вызваны различными принципами, положенными в основу российского и западного права. В данном случае очевидно, что для нашего права характерна, во-первых, большая демократичность в вопросе свободы завещания; во-вторых, большая забота об интересах семьи, но вместе с тем и большая формализованность всех этапов наследования (форма и порядок составления завещания, принятие наследства и т. д.).

Для западного наследственного права характерны два принципа: свобода завещания и охрана интересов семьи субъекта частной собственности. Однако не стоит думать, что оно оставалось неизменным на всех этапах развития буржуазно-экономической формации. Так, если раньше превалировал принцип свободы завещания, то в настоящее время главную роль играет принцип охраны интересов семьи.

Хотелось бы отметить, что вопросы наследственного права приобретают в настоящее время все большую актуальность. Это объясняется тем, что в результате становления рыночных отношений, закрепления за гражданами права частной собственности на имущество круг объектов, которые могут переходить в порядке наследственного правоприменения, значительно расширился.

Если раньше самыми ценными переходящими по наследству были, например, вклад, дача или автомобиль, то сейчас объектами наследства стали квартиры, жилые дома, земельные участки, ценные бумаги и другие виды имущества. В связи с этим нормы наследственного права приобретают наибольшую важность.

---

1. См.: Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1999. С. 210.

2. См.: Наследственное право : учебник / под ред. Н. А. Волковой, А. Н. Кузбагарова. М., 2009. С. 247.

3. См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР, дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 36.

4. См.: Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

5. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

6. См.: Наследственное право : учеб. пособие / под ред. В. В. Гушина, А. А. Овчинникова. М., 2008. С. 220.

УДК 347.44

А. С. Егорова
A. S. Egorova

Принцип стабильности гражданско-правового договора

The Principle of Stability of Contract

В представленной статье исследуется принцип стабильности гражданско-правового договора, или, как отмечается в п. 7.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, принцип сохранения однажды заключенного договора.

Автор анализирует природу принципа права и приходит к выводу, что принцип договорной стабильности представляет собой принцип договорного права.

Принцип права; способ защиты; незаключенный договор; свобода договора; односторонний отказ

In the given article the author is analyzed the principle of stability of contract or, in accordance with the p. 7.1 Conception of the development of civil legislation in Russian Federation, the principle of preservation once concluded contract.

In this article is researched the nature of the principle of law and grounded that stability of contract is the principle of Contract law.

The principle of law, remedy, unconcluded contract, freedom of contract, one-sided refusal

Согласно п. 7.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее — Концепция) [1], одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 20.10.2009, обеспечению стабильности гражданского оборота и исключению защиты недобросовестных участников оборота могло бы служить последовательное проведение на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора [2].

Анализ данного пункта Концепции позволяет сделать вывод, что принцип сохранения однажды заключенного договора предлагается проводить на уровне законодательной политики. Следует отметить, что ст. 1 действующего ГК [3] не

называет в числе основных начал гражданского законодательства принцип стабильности договора, или, как он назван в Концепции, принцип сохранения однажды заключенного договора.

В связи с этим возникает вопрос: что же считать правовым принципом? Большинство авторов полагают, что он представляет собой руководящее начало в праве или в конкретной его отрасли. Так, В. П. Грибанов отмечает, что принцип советского гражданского права — это «руководящее положение социалистического права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязатель-

ное значение» [4]. О. А. Красавчиков под правовым принципом понимает «определенное начало, руководящую идею, в соответствии с которой осуществляется правовое регулирование общественных отношений» [5].

Перечисленные выше определения правовых принципов указывают на их руководящий характер, но не привязывают к нормативному выражению. Е. А. Суханов, напротив, полагает, что принципы права представляют собой «основные начала, наиболее руководящие положения права, имеющие в силу их законодательного закрепления общеобязательный характер» [6]. Г. А. Свердлык считает, что принципы гражданского права — это «закрепленные или отраженные в преамбулах основополагающих нормативных актов, а также в гражданско-правовых нормах и выражающие объективные закономерности развития имущественных, связанных с ними личных неимущественных и базирующихся на началах координации организационных отношений, стабильные нормативно-руководящие положения, в соответствии с которыми строится нормативная база гражданско-правового регулирования, регламентация поведения субъектов гражданского права и правоприменение» [7]. Таким образом, автор подчеркивает, что принципы права должны быть отражены в нормативных актах, точнее в преамбулах к ним, и гражданско-правовых нормах.

Наряду с изложенной существует иная точка зрения, суть которой заключается в необязательности закрепления принципов в нормах права. Так, Р. Л. Иванов полагает, что «сложившееся в отечественной науке представление о принципах сформировалось в основном на базе узконормативного правопонимания и имеет существенные недостатки... Под принципами права обычно подразумевают лишь те основополагающие идеи, которые получили официальное закрепление в нормах законодательства. Логическим следствием стали утверждения, что принципы могут обнаруживаться только в содержании указанных норм и к их числу нельзя отнести руководящие идеи правосознания, получившие общественное признание и реализуемые в правоотношениях, но не зафиксированные в нормативно-правовых актах» [8]. На наш взгляд, обязательное закрепление принципов в нормативно-правовых актах ограничивает их понимание как руководящих начал системы права или соответствующей отрасли.

В связи с этим следует отметить, что ч. 4 ст. 15 Конституции [9] указывает на то, что общепризнанные принципы международного права следует рассматривать в качестве составной части правовой системы РФ, принципов российского

права. Известно, что общепризнанность основных начал международного права не означает их обязательного закрепления в соответствующих договорах или иных источниках.

На наш взгляд, к принципам права следует относить основополагающие идеи права, несмотря на отсутствие их закрепления в правовых нормах. Не будучи предусмотренным в ст. 1 действующего ГК, принцип стабильности гражданско-правового договора тем не менее применяется в сфере обязательственных отношений.

Следует отметить, что распространенной в научной литературе является точка зрения о неизменности договора в законодательстве РФ [10]. В определенной степени подтверждает ее ряд соответствующих положений. Согласно ст. 310 ГК односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не разрешаются, за исключением случаев, предусмотренных законом. Односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и одностороннее изменение условий такого обязательства допускаются в случаях, указанных в договоре, если иное не вытекает из закона или существа обязательства. Данное положение законодательства ограничивает случаи применения отказа от договора по усмотрению одной стороны.

По мнению отдельных авторов, принцип неизменности гражданско-правового договора не присущ российскому гражданскому праву. Например, С. А. Соменков утверждает, что ему противоречит принцип свободы договора, так как «позволяет сторонам своим соглашением расторгнуть договор» [11], отмечая, что «право одной из сторон расторгнуть договор не связано с нарушением его условий другой стороной» [12]. Данную точку зрения разделяет А. Ю. Кабалкин, полагаящий, что «едва ли можно согласиться с утверждением о том, что ГК последовательно исходит из принципа неизменности договоров» [13].

В то же время зарубежные ученые, разрабатывающие теорию договора, указывают на близость принципов свободы договора (Freedom of contract) и нерасторжимости договора (Sanctity of contract). Объединяет их то, что они присущи теории «рыночного индивидуализма», согласно которой функция договора заключается в обеспечении конкурентного обмена на рынке [14].

Следует согласиться с А. Ю. Кабалкиным в том, что российское гражданское законодательство едва ли последовательно применяет принцип неизменности договора. Так, согласно п. 1 ст. 450 ГК изменение и расторжение договора

возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК, иными законами или договором. Данное положение устанавливает правило, согласно которому стороны свободны как в заключении договора, так и в его расторжении. Однако то, что договор может расторгаться лишь с согласия обеих сторон, скорее подтверждает, а не опровергает курс законодательного регулирования на сохранение стабильности гражданского оборота. Учитывая, что интересы сторон часто не совпадают, соглашения по расторжению договора достигнуть достаточно трудно. Если же это произошло, то чаще всего ценности для сторон данный договор уже представлять не будет, в связи с чем следует также отметить п. 4 ст. 453 ГК, согласно которому стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не вытекает из закона или соглашения сторон. Таким образом, расторжение договора по соглашению участников, не предполагает для сторон возвращения того, что было получено ими по договору.

Что касается права одностороннего изменения договора, то здесь позиция законодателя меняется. «Несмотря на то что правомочие на расторжение договора и правомочие на отказ от исполнения договора преследуют одну и ту же конечную цель прекращения договорных отношений, они тем не менее весьма существенно различаются по способам их осуществления. Расторжение договора есть способ прекращения договорных отношений либо во внесудебном порядке на основании соглашения сторон (п. 1 ст. 450 ГК), либо в судебном посредством обращения уполномоченного лица к компетентному государственному органу. Напротив, отказ от исполнения договора представляет собой одностороннюю сделку, направленную на прекращение обязательственного правоотношения во внесудебном порядке...» [15]. Таким образом, Е. М. Денисевич полагает, что отказ от исполнения договора направлен на прекращение договорных отношений во внесудебном порядке.

Согласно п. 5 ст. 450 ГК расторжение договора влечет за собой предъявление требования о возмещении убытков, если расторжение явилось следствием существенного нарушения договора одной из сторон. В случае, когда расторжение происходит вследствие соглашения сторон, требование о возмещении убытков не предъявляется.

В отличие от этого предъявление требования об одностороннем отказе от договора, как правило, сопровождается заявлением другой сто-

роной требования о возмещении убытков. В частности, согласно ст. 717 ГК заказчик обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между стоимостью, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу. Статья 806 ГК предусматривает аналогичное правило применительно к договору транспортной экспедиции. В соответствии с ч. 2 данной нормы при одностороннем отказе от исполнения договора сторона, заявившая об отказе, возмещает убытки, вызванные расторжением соглашения.

На наш взгляд, причиной различного подхода законодателя к расторжению договора и одностороннему отказу в вопросе возмещения убытков является необходимость реализации принципа стабильности договорных отношений. Случаи, когда стороны своим соглашением расторгают договор, законодатель рассматривает как реализацию принципа свободы договора. В то же время односторонний отказ от договора нарушает принцип его стабильности и законодатель, вводя требование о возмещении убытков, стимулирует его исполнение сторонами.

Следует также отметить, что действующее законодательство в ряде случаев серьезно подрывает принцип договорной стабильности. Согласно ст. 432 ГК договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям. Таким образом, если стороны не достигли согласия, договор признается незаключенным. В связи с этим в Концепции сказано о том, что следует законодательно решить вопрос о самой возможности исков о признании договоров незаключенными (допускать ли вообще такой иск как самостоятельное средство правовой защиты или ограничить право стороны, принявшей исполнение от контрагента по договору, на предъявление такого иска).

Обеспокоенность авторов Концепции обоснованна. К сожалению, распространенной в настоящее время является практика признания договоров незаключенными с целью избежать исполнения по заключенным договорам. Основанием для этого является недостижение соглашения по существенным условиям договора.

Интересно, что договорное право зарубежных стран демократичнее подходит к вопросу согласования условий. Так, в соответствии со ст. 4.8 Принципов международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА) [16] (далее — Принципы), если стороны не согласовали условие, являющееся важным для определения их прав и обязанностей, то договор восполняется условием, соответствующим данным обстоятельствам. При

определении условия помимо прочих факторов должны быть приняты во внимание намерение сторон, характер и цель договора, добросовестность, честная деловая практика и разумность. Таким образом, Принципы формулируют правила поведения сторон при несогласовании условий договора, причем опущенные условия появляются в случае, если после заключения договора возникает вопрос, который по различным причинам не решили в договоре стороны.

Статья 2.1.14 Принципов предусматривает также возможность заключения договора с умышленно открытыми условиями. Согласно данной норме, если стороны намереваются заключить договор, то условие, которое они умышленно оставили для согласования в ходе будущих переговоров или подлежащих определению третьим лицом, не является препятствием для возникновения договора.

Принципы Европейского договорного права [17] также направлены на реализацию принципа стабильности договора. В частности, в соответствии со ст. 2.210 данных Принципов в случае

если предприниматели заключают договор, но не оформляют его документально в окончательной редакции, при этом одна сторона направляет другой письменный документ, подтверждающий заключение договора, но содержащий дополнительные или изменяющие достигнутое соглашение условия, то данные условия станут частью контракта, за исключением случаев, когда такие условия существенно меняют содержание документа или когда адресат уведомляет о своих возражениях в отношении конкретных условий.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о сложившейся тенденции договорного права развитых стран к усилению принципа стабильности. Поэтому считаем, что необходимо укрепить данный принцип в российском законодательстве, в связи с чем следует отказаться от применения такого способа, как признание договора незаключенным. В случае если стороны самостоятельно не могут прийти к соглашению по поводу условия договора, данное условие должно будет определяться судом с учетом принципов добросовестности, разумности и справедливости.

---

1. См.: ВВАС. 2009. № 11.

2. См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 120.

3. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

4. Советское гражданское право : учебник / отв. ред. В. П. Грибанов, С. М. Корнеев. М., 1979. С. 24.

5. Советское гражданское право : учебник / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968. С. 24.

6. Гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2003. С. 37.

7. Свердлов Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985. С. 9—10.

8. Иванов Р. А. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. № 2. С. 115.

9. См.: Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

10. См.: Гражданское право России : курс лекций / под ред. О. Н. Садикова. М., 1996. С. 283, 295; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 1997. С. 349.

11. Соменков С. А. Расторжение договора в гражданском обороте. М., 2005. С. 7.

12. Там же. С. 7.

13. Кабалкин А. Изменение и расторжение договора // Российская юстиция. 1996. № 10.

14. Adams J., Brownsword R. The ideologies of Contract. London, 1987. P. 206—213.

15. Денисевич Е. М. Односторонние сделки, направленные на прекращение гражданских правоотношений // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. М., 2002. Вып. 2. С. 303.

16. Принципы международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА) / пер. с англ. А. С. Комарова. М., 2006. С. 416.

17. The Principles Of European Contract Law // Blackstone's Statutes on Contract, Tort and Restitution 2004—2005. London, 2006. P. 530.

УДК 347.132

Ю. А. Рубцова
J. A. Rubtsova

Правовая природа сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности

The Legal Nature of the Transaction, Made with the Purpose Opposite to Bases of the Law and Order and Morals

Настоящая статья посвящена вопросу правовой природы сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности. В статье рассматриваются различные теории недействительности сделки, анализируются понятия «сделка», «правонарушение», «недействительная сделка», исследуется их соотношение между собой.

Правовая природа; сделка; правомерность; правонарушение; недействительность; цель сделки; основы правопорядка; основы нравственности

The present article is devoted a question on the legal nature of the transaction made with the purpose, opposite to bases of the law and order and morals. In article various theories of invalidity of the transaction are considered, concepts «transaction», «offence», «the void transaction» are analyzed, their parity among themselves is investigated.

Legal nature; transaction; legitimacy; offense; invalidity; purpose of the transaction; bases of the law and order; bases of the morals

В соответствии со ст. 169 ГК [1] сделка, совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности, является ничтожной, а значит, недействительной. Действовавшие в разное время на территории нашей страны Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, а также гражданские кодексы РСФСР никогда не содержали определения недействительной сделки. Нынешнее гражданское законодательство ограничилось лишь тем, что определило их возможный круг. Согласно п. 1 ст. 166 ГК сделка недействительна по основаниям, установленным ГК, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Укоренившееся в отечественном гражданском праве понимание недействительной сделки

как сделки, не создающей правовых последствий, кроме конфискационных, для сторон, ее совершивших, привело к полемике по поводу понятия и природы данного юридического факта, один из основных вопросов которой: «Чем является недействительная сделка — сделкой или правонарушением?»

Для того чтобы определить правовую природу недействительной сделки по ст. 169 ГК, необходимо соотнести такие правовые категории, как сделка и правонарушение.

Согласно ст. 153 ГК сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из данного определения ясно, что сделка является действием, для нее характерен определенный субъект-

ный состав и направленность. Однако этих свойств явно недостаточно для полного представления о данном правовом явлении.

Как известно, большое влияние на формирование современных воззрений о сделке оказало римское право. Юристы того времени не выработали общего понятия сделки, они знали только договоры, правда, как утверждал М. М. Агарков, активно пользовались термином *negotium*, по сути означавшим сделку [2].

Проанализировав положения римского права, выделим несколько признаков, которыми должна была обладать сделка. Прежде всего, она выражала волю лиц, причем направленную к одной цели, т. е. единую, ее совершивших. Это наглядно выражалось термином *convention* (соглашение). Неотъемлемыми признаками сделки также были законность, непротиворечие морали или добрым нравам. К признакам сделки относились: определенность содержания; возможность действия, составляющего предмет обязательства, выразившегося в принципе *impossibilium nulla est obligatio* (нет обязательства, если его предмет невозможен); наличие интереса для кредитора.

Следует отметить, что воззрения римских юристов на сделку были восприняты и дореволюционными отечественными (российскими) юристами. Например, Д. И. Мейер в качестве основных характеристик сделки называл ее волевой характер, выраженный в направленности на достижение определенного правового результата, правомерность и свободное совершение — своей волей и в своем интересе [3].

Представителями советской и российской юридической науки выработаны следующие признаки сделки, признанные большинством ученых: направленность на возникновение, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей; единство воли и волеизъявления; правомерность.

Под направленностью сделки традиционно подразумевается свободно и сознательно сформированная воля совершающего ее лица или лиц к возникновению, изменению либо прекращению гражданских прав и обязанностей.

Следует отметить, что недействительная сделка по ст. 169 ГК обладает признаком направленности, однако те гражданские права и обязанности, которые стороны пытались достигнуть, не порождаются в силу их неправомочности, несогласованности с требованиями законов и иных нормативных правовых актов. Например, стороны заключают договор купли-продажи человеческих органов, воля покупателя направлена на то, чтобы у него возникло право собственности на органы, у продавца — на получение денежных

средств от сделки. Право собственности на человеческие органы из-за противоречия гражданскому законодательству и духу закона в целом возникнуть не может. Отсюда следует, что единственным результатом, достигнутым в результате совершения такой сделки, является применение последствий ее недействительности.

Одним из признаков сделки является единство воли и волеизъявления. Воля определяется как «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применения усилий для их осуществления» [4]. Волеизъявлением же в гражданском праве называется такое выражение воли лица вовне, при котором она становится доступной восприятию других лиц и может породить юридические последствия. При отсутствии волеизъявления воля не оказывает никакого влияния на гражданские правоотношения.

Без сомнения, единство воли и волеизъявления характерно и для сделки по ст. 169 ГК. Желая совершить сделку с целью, противной основам правопорядка и нравственности, стороны выражают свою волю вовне, заключая соответствующую по содержанию сделку.

Неотъемлемым признаком сделки является правомерность, подразумевающая непротиворечие условий сделки требованиям закона и иным нормативным актам. Ф. С. Хейфец считает, что «правомерность действия — это конститутивный элемент сделки, отличающий ее от правонарушения. Отсутствие в конкретной сделке элемента правомерности означает, что возникшее по форме как сделка действие на самом деле является не сделкой, а правонарушением» [5].

В юридической литературе встречаются мнения ученых о том, что правомерность не является обязательным признаком сделки. Например, Д. М. Генкин и В. П. Шахматов полагали, что понятие «сделка» должно включать в себя недействительные сделки, так как в независимости от того, были ли применены к ничтожной сделке последствия недействительности либо оспоримая сделка признана недействительной, фактический состав действия, направленного на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (пусть даже неправомочного), имел место. Д. М. Генкин утверждал, что «правомерность или неправомочность действия не является необходимым элементом сделки, а определяет лишь те или другие последствия сделки» [6]. В. П. Шахматов, считая, что «недействительной становится сделка, состав

которой не соответствует описанным в нормах права признакам состава сделок данного вида в силу общественно вредных или общественно нежелательных свойств» [7], полагал, что и недействительная, и действительная сделки являются таковыми, а правомерность действия относил только к признаку последней.

Получается, для сделки свойственен признак правомерности, в то время как сделка, не соответствующая закону и иным нормативным правовым актам, таковой не является. Признак правомерности не указывается законодателем в диспозиции ст. 153 ГК лишь потому, что он предполагается.

Как известно, сделки по российскому законодательству подразделяются на односторонние, двусторонние и многосторонние. В качестве двух последних законодатель выделяет договор. Согласно ст. 422 ГК любой договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующими в момент его заключения. Так как договор является разновидностью сделки, для нее характерен признак правомерности. В односторонних сделках наличие данного признака не зависит от числа лиц, совершающих юридически значимые действия.

Выходит, сделка по ст. 169 ГК не соответствует основополагающему признаку правомерности. Она заведомо противоречит основам правопорядка или нравственности. Ее совершение наносит вред государственным и общественным интересам, а для сторон наступают негативные последствия в виде взыскания всего полученного по сделке в доход государства.

Некоторые цивилисты указывают на то, что такие сделки являются гражданскими правонарушениями. Так, Г. Ф. Шершеневич писал о том, что юридической сделке противопоставляется правонарушение как такое юридическое действие, которое хотя и влечет за собой соответствующие последствия, но не те, которые желало лицо [8]. По мнению Ф. С. Хейфеца, недействительной считается сделка, не соответствующая требованиям закона и иных правовых актов и по своей природе представляющая собой правонарушение, несмотря на то что по содержанию и форме она возникла как сделка [9].

Как известно, ГК не содержит легального определения гражданского правонарушения, однако в науке выделяют элементы, образующие состав правонарушения: противоправность поведения; наличие вреда; причинная связь между противоправным поведением и возникшим вредом; вина причинителя вреда.

Как уже отмечалось выше, недействительная сделка по ст. 169 ГК не является правомерной, поэтому с точки зрения состава гражданского правонарушения она представляет собой противоправное поведение.

Кроме того, для рассматриваемой недействительной сделки характерно наличие вреда.

Согласно положениям гражданского права вред подразделяется на имущественный и неимущественный. Имущественный вред — материальные (экономические) последствия правонарушения, имеющие стоимостную форму. Денежную оценку данного вреда называют убытками. Согласно п. 1 ст. 15 ГК к ним относятся реальный ущерб и упущенная выгода.

Под неимущественным вредом понимают такие последствия правонарушения, которые не имеют экономического содержания и стоимостной формы.

Как правило, вред, причиненный исполнением недействительной сделки по ст. 169 ГК, носит публичный характер, затрагивает сферу наиболее значимых для государства и общества интересов. Например, стороны, совершающие сделку по незаконному сбыту наркотиков, наносят вред общественным отношениям, складывающимся в сфере здоровья, жизни и социального благополучия нации.

Важным элементом состава гражданского правонарушения является причинная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями.

Существует много теорий причинно-следственной связи. Например, в юридической литературе упоминаются теория равноценных условий, необходимого условия, необходимой и случайной причинной связи, необходимой причинности [10].

К сделке по ст. 169 ГК наиболее применима последняя из них. Именно действия сторон по исполнению указанной сделки становятся необходимой причиной наступивших последствий.

Вина — психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к своему противоправному поведению и его результатам.

Из диспозиции ст. 169 ГК следует, что отличительным признаком сделки является совершение ее с умыслом (осознание правонарушителем совершенных виновных действий и желание или допущение наступления связанного с этими действиями результата).

Таким образом, рассматриваемая сделка соответствует всем признакам гражданского правонарушения. Более того, последствием совершения данного действия является наступление гражд-

данско-правовой ответственности в виде конфискации всего полученного по сделке.

Итак, недействительная сделка, совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности по своей правовой природе, является правонарушением в сфере гражданского оборота. В связи с этим возникает вопрос: «Правомерно ли использование термина “сделка” применительно к данному юридическому факту?»

Понятие «недействительная «сделка», применявшееся еще в дореволюционном и советском законодательстве, было также воспринято российской правовой системой. Его употребление является некой данью традиции. Однако М. М. Агарков отмечал, что «термин “сделка” должен быть сохранен лишь для обозначения действий, создающих тот правовой эффект, на который они направлены». Он предлагает вместо «недействительной сделки» использовать термин «недействительное

волеизъявление», так как «волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, может быть действительным либо недействительным. Если оно действительно, оно является сделкой» [11].

Полагаем, что применительно к сделке по ст. 169 ГК вместо недействительной сделки целесообразнее использовать понятие «действие в виде сделки». Несмотря на то что действия сторон по ст. 169 ГК выражены в надлежащей форме, воля и волеизъявление сторон едины, по правовой природе они противоправны и образуют состав гражданского правонарушения.

Итак, недействительная сделка по ст. 169 ГК по правовой природе представляет собой правонарушение в сфере гражданского оборота, влекущее наступление неблагоприятных последствий в виде взыскания всего полученного в доход государства.

---

1. См.: *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.*

2. См.: *Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Сов. гос-во и право. 1946. № 3—4.*

3. См.: *Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 1997.*

4. *Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление. Душанбе, 1983. С. 24.*

5. *Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 2000. С. 15.*

6. *Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. 1947. Вып. V. С. 50.*

7. *Шахматов В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 87.*

8. См.: *Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005.*

9. См.: *Хейфец Ф. С. Указ. соч.*

10. См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 5 кн. Кн. 1. Общие положения: кн. 1. М., 2001.*

11. *Агарков М. М. Указ. соч. С. 48.*

УДК 347.213

Л. В. Федорова
L. V. Fedorova

Охранное обязательство в отношении недвижимых объектов культурного наследия

Protective Liabilities in Relation to the Real-Estate Objects of Cultural Heritage

В статье рассмотрено содержание охранного обязательства в отношении недвижимого объекта культурного наследия, определена его правовая природа. Особое внимание уделено анализу нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оформления охранных обязательств, разобраны проблемы их толкования и противоречия, предложены варианты решения спорных вопросов.

The main issues and the entity of protective liabilities in relation to the real-estate objects of cultural heritage were considered in this article. The legal base of such kind of liabilities was also determined. The special attention was given to normative and legal base, which regulate the issues of drawing up protective liabilities. The article also gives information about existing problems of interpretation and contradictions and suggests some solutions to these problems.

Недвижимые объекты культурного наследия; приватизация; собственность; охранное обязательство; обременение

Real-estate objects of cultural heritage; privatization; protective liability; burden

Согласно ст. 209 ГК [1] собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом, в отношении которого он вправе совершать любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. При этом собственник может совершать указанные действия с принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению. Иными словами, право собственности является абсолютным и защищено законом.

Как справедливо отметил А. Р. Кирсанов, «право собственности по объему власти, предоставляемой субъекту прав, является самым обширным и полным из всех гражданских прав. Власть собственника находит препятствия к своему без-

граничному распространению только там, где закон в интересах общего блага не поставил ей предел в виде специальных и точно указанных ограничений» [2].

В отношении недвижимых объектов культурного наследия существует больше ограниченный правомочий собственника, нежели предоставленный ему объем диспозитивности.

Собственник обозначенных объектов прежде всего обязан соблюдать конституционный принцип обеспечения всем равного доступа к такому объекту.

По своему усмотрению собственник не правомочен принимать решения, например о характере и порядке использования объекта, его реконструкции и уничтожении.

В настоящее время, когда Федеральным законом от 29.12.2006 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» [3] отменен мораторий на приватизацию объектов культурного наследия федерального значения, вопросы, связанные с содержанием собственниками таких объектов, стали весьма актуальны. При этом действующее законодательство РФ, устанавливающее права и обязанности собственников данных объектов, несовершенно. Размытость понятий, пробелы и противоречия не позволяют лицам, желающим приобрести в собственность обозначенные объекты, взвесить важное решение, просчитать все риски.

Решив стать собственником объекта культурного наследия, субъект права обязан принять на себя обязательства по содержанию, сохранению и использованию данного объекта — охранное обязательство.

Целью статьи является рассмотрение отдельных аспектов содержания охранных обязательств, определение их правовой природы. Для этого необходимо проанализировать ряд правовых актов, регулирующих вопросы содержания, сохранения и использования недвижимых объектов культурного наследия.

Содержание охранного обязательства. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (ст. 1 ГК). Однако в отношении недвижимых объектов культурного наследия правомочия частного собственника гораздо уже правомочий собственника-государства или муниципального образования, обладающих властно-распорядительными полномочиями.

Собственность не только благо, но и бремя. На данное обстоятельство указывает законодатель в ст. 210 ГК. В отношении недвижимых объектов культурного наследия п. 3 ст. 48 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [4] (далее — Закон об объектах культурного наследия) установлен особый правовой режим, в результате которого бремя содержания объектов усиливается.

В целях контроля за выполнением собственником недвижимого объекта культурного наследия принятых на себя обязательств, в том числе обременяющих его права, а также во исполнение ст. 29 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [5] (далее — Закон о приватизации) Правительством РФ принято по-

становление от 16.12.2002 № 894 «О порядке подготовки и выполнения охранных обязательств при приватизации объектов культурного наследия» [6]. Данным постановлением утверждено одноименное Положение (далее — Положение), устанавливающее требования к подготовке, содержанию (перечень обязательных условий) и выполнению охранных обязательств при приватизации объектов культурного наследия, меры по контролю за их исполнением, а также требования к подтверждению их выполнения собственниками объектов культурного наследия.

Условиями охранного обязательства являются: порядок сохранения, содержания и использования объекта культурного наследия, а также режим выполнения и подтверждения выполнения собственником таких условий.

Одной из проблем правового регулирования считается неоднозначность формулировок действующих нормативных правовых актов.

Например, из п. 4 Положения следует, что при подготовке охранного обязательства соответствующие органы исполнительной власти РФ и субъектов РФ (в порядке распределения компетенции) вправе назначать проведение экспертизы, привлекать к работе по определению условий охранного обязательства научно-исследовательские, проектные, конструкторские и иные организации, а также независимых оценщиков.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [7] (далее — Закон об оценочной деятельности) в случае вовлечения в сделку объектов, принадлежащих полностью или частично Российской Федерации, субъектам РФ либо муниципальным образованиям, в том числе при определении стоимости объектов оценки, коими являются недвижимые объекты культурного наследия, в целях их приватизации проведение оценки является обязательным. Иначе говоря, Закон об оценочной деятельности устанавливает не право, а обязанность проводить оценку объектов приватизации.

Употребление в Положении слова «вправе», т. е. предоставление соответствующим органам права самостоятельно принимать решение о необходимости осуществления названных действий или об отсутствии таковой, противоречит упомянутой норме Закона об оценочной деятельности и может привести к злоупотреблениям.

Таким образом, необходимо устранить противоречия в указанных нормативных правовых актах и императивное установление не права, а обязанности компетентных органов при подготовке охранных обязательств назначать проведе-

ние экспертизы указанных объектов и привлекать к работе по определению условий охранного обязательства научно-исследовательские, проектные, конструкторские и иные организации, а также независимых оценщиков, тем более что неотъемлемой частью охранного обязательства должен являться акт технического состояния объекта.

В соответствии с п. 10 Положения условия охранного обязательства разрабатываются на основании нормативных требований к сохранению объекта культурного наследия. Здесь необходимо учесть особенности, послужившие основанием для отнесения объекта к категории объектов культурного наследия, его вид, индивидуальные особенности, физическое состояние, функциональное назначение и намечаемое использование. Условия должны обеспечивать сохранение объекта, его содержание и использование при любой намечаемой хозяйственной деятельности.

В п. 17 Положения закреплена норма, в соответствии с которой при отчуждении объекта культурного наследия условия охранного обязательства подлежат включению в договоры, предусматривающие переход права собственности на указанные объекты в качестве существенных условий.

Необходимо также отметить, что условия охранного обязательства включаются в решение об условиях приватизации объекта культурного наследия или имущественного комплекса унитарного предприятия, в составе которого приватизируется объект, причем условия охранного обязательства являются существенными и для договора купли-продажи объекта приватизации. Это касается и случаев, когда объект культурного наследия или имущественный комплекс унитарного предприятия, в составе которого приватизируется объект культурного наследия, вносится в качестве вклада в уставный капитал ОАО.

Во время приватизации унитарного предприятия путем преобразования его в ОАО охранное обязательство в отношении объекта культурного наследия оформляется в виде приложения к передаточному акту.

Однако п. 24 Положения установлена возможность прекращения действия охранного обязательства или изменение его условий после совершения сделки приватизации. Данная норма противоречит назначению охранного обязательства, которое определяет и закрепляет обязанности собственника по содержанию, сохранению и использованию указанных объектов. Возможность прекращения охранного обязательства после совершения сделки приватизации лишает смысла заключение охранного обязательства, которое, как было указано выше, является неотъемлемой

частью договора купли-продажи недвижимого объекта культурного наследия.

При этом законодатель не конкретизирует, в каких случаях действие охранного обязательства может быть изменено или прекращено. Данное обстоятельство отнюдь не способствует четкому выполнению требований действующего законодательства в части сохранения объектов культурного наследия, тем более что условия охранного обязательства являются существенными для договора купли-продажи недвижимого объекта культурного наследия.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК важными считаются условия о предмете договора, а также условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида.

Учитывая особый режим недвижимых объектов культурного наследия и законодательно закрепленную необходимость их охраны, представляется, что прекращение действия охранного обязательства возможно лишь в случае прекращения права собственности на объект в связи с его утратой (п. 1 ст. 235 ГК). Во всех остальных случаях при переходе права собственности, как это следует из п. 17 Положения, условия охранного обязательства подлежат включению в договоры по распоряжению таким объектом.

Изменение условий охранного обязательства можно было бы считать оправданным лишь при существенном изменении обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора купли-продажи недвижимого объекта культурного наследия, т. е. когда обстоятельства изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Положение целесообразно дополнить четким перечнем случаев, при которых возможно изменение или прекращение действия условий охранного обязательства. Подобные действия не нарушают требования ст. 450 ГК, в п. 1 которой указано, что изменения и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК, другими законами или договорами.

Правовая природа охранного обязательства. Как было отмечено выше, охранное обязательство содержит требования по содержанию, сохранению и использованию объекта культурного наследия. Конкретизированные требования (условия охранного обязательства) представляют собой определенные ограничения (обременения) права собственности на указанные объекты.

Другой проблемой рассматриваемого вопроса является смешение законодателем таких понятий, как «ограничение» и «обременение права собственности в отношении объектов недвижимости».

Понятие «ограничение (обременение) прав на недвижимость» содержится в абз. 4 ст. 1 Закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [8] (далее — Закон о регистрации). Согласно указанной норме данный термин означает наличие установленных законом или уполномоченными органами в предусмотренном законом порядке условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества. Как видно, Закон о регистрации не разделяет понятия «ограничение» и «обременение».

Пункт 44 Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее — Правила ведения ЕГРП), утвержденных постановлением Правительства РФ от 18.02.1998 № 219 [9], также не разграничивает данные термины.

Действующим законодательством, в частности абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК, Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [10], а также другими нормативными правовыми актами установлено, что ограничения могут устанавливаться на основании закона или актов уполномоченных органов (правоохранительных, судебных). Ограничением вещных прав (права собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления) является, например, арест. Из приведенных норм следует, что ограничение прав устанавливается помимо воли собственника.

Обременение права, напротив, принимается собственником добровольно. Примерами могут служить сделки, направленные на распоряжение имуществом, не влекущие его отчуждения, к коим относятся аренда, ипотека, сервитут и др. Такие сделки ведут к созданию нового вещного права, которое обременяет право собственности. В этом случае собственник или обладатель иного вещного права самостоятелен в принятии решения о необходимости заключения соответствующего договора и обременения своего права правом другого лица.

Следует отметить, что обременение прав может устанавливаться также на основании закона или иного нормативного правового акта, например публичного сервитута (п. 2 ст. 23 ЗК [11]).

Однако в п. 44 (абз. 5, 9, 10) Правил ведения ЕГРП термины «ограничение» и «обремене-

ние» употребляются в том числе применительно к сделкам.

По смыслу приведенных нормативных правовых актов законодатель отождествляет данные термины.

Следует согласиться с А. А. Савельевым, который, опираясь на мнение В. В. Долинской, справедливо отмечает, что употребление понятий «ограничение» и «обременение» как синонимов приводит к объединению вещных прав и обязательств, договоров, материально-правовых и процессуальных норм. Это является недопустимым, так как происходит смешение терминов «ограничение права собственности», «пределы осуществления права собственности», «обременение», «запрет» [12]. По словам В. В. Долинской, в качестве обременений устанавливаются дополнительные права, зависимые от права собственности, а ограничение относится только к существующему субъективному праву на объект и не приводит к установлению нового права [13].

Таким образом, ограничение права собственности есть стеснение права, влекущее для собственника обязанность его соблюдать. Оно возникает на основании актов уполномоченных органов помимо воли собственника и становится запретом к распоряжению имуществом, права на которое ограничены.

Отличительной чертой обременения права собственности является то, что, как правило, оно возникает по воле собственника на основании договора или в силу закона, приводит к возникновению прав третьих лиц и не препятствует собственнику распоряжаться объектом, в отношении которого имеется обременение.

Исходя из анализа понятий «ограничение», «обременение права собственности на недвижимость» и самого названия «охранное обязательство», можно сделать вывод, что данное обязательство является обременением права собственности. Оно принимается лицом, приобретающим права на недвижимый объект культурного наследия добровольно, как и само решение о приобретении такого объекта, и имеет силу договора, заключаемого в силу закона. Стало быть, ограничения, о которых сказано в ст. 53 Закона об объектах культурного наследия, по своей правовой природе также являются обременениями прав, равно как и требования, изложенные в п. 3, 4 ст. 52 указанного Закона.

Данный вывод подтверждается абз. 2 п. 3 ст. 63 Закона об объектах культурного наследия, где указано, что государственной регистрации подлежат требования к сохранению объекта культурного наследия, изложенные в охранном обяза-

тельстве и являющиеся обременением, стесняющим правообладателя при осуществлении им права собственности либо иных вещных прав на данный объект недвижимого имущества.

Выходит, для эффективного правового регулирования общественных отношений в законодательстве понятия и термины должны употребляться исходя из их буквального толкования. В связи с этим было бы целесообразно в соответствующие нормативные правовые акты внести изменения и дополнения в части уточнения обозначенных понятий и устранения противоречий.

Таким образом, для реализации ряда своих правомочий собственникам недвижимых объектов культурного наследия необходимо получить специальные разрешения от компетентных государственных или муниципальных органов.

Условия охранного обязательства должны разрабатываться в соответствии с требованиями действующего законодательства РФ и международных договоров с учетом индивидуальных особенностей объекта.

Требования, содержащиеся в условиях охранного обязательства, становятся обременением права собственности, которое принимается лицом одновременно с приобретением права собственности на недвижимый объект культурного наследия. Охранное обязательство по своей сути является договором. При этом условия охранного обязательства существенны и для договора купли-продажи недвижимого объекта культурного наследия.

Нормативно допускается прекращение действия охранного обязательства или изменение его условий после приватизации. Однако для достижения главной цели охранного обязательства — сохранения недвижимого объекта культурного наследия — необходимо законодательно установить случаи, когда возможно изменение или прекращение действия охранного обязательства. При этом перечень данных случаев должен быть исчерпывающим.

Кроме того, нормативные правовые акты, регулирующие столь важные вопросы, как сохранение и использование недвижимых объектов культурного наследия, не должны содержать подмены правовых понятий и неоднозначных формулировок, допускающих субъективизм правоприменителей. Такие понятия, как «вправе», «могут», не способствуют установлению равного отношения к субъектам правоотношений по сохранению и использованию недвижимых объектов культурного наследия, что может привести к злоупотреблениям и коррупции.

При нормотворчестве не следует забывать и о том, что недвижимые объекты культурного наследия являются одновременно материальной и духовной ценностью. Памятники истории и архитектуры — это часть национального и незаменяемое выражение богатства мирового культурного наследия, которое несет в себе неопределимые свидетельства прошлого и представляет собой общее наследие всех будущих поколений.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

2. Кирсанов А. Р. Развитие гражданского права в России: от укрепления вещных прав к государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Регистрация прав на недвижимость. 2002. № 5. С. 116.

3. См.: СЗ РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 21.

4. См.: Там же. 2002. № 26. Ст. 2519.

5. См.: Там же. № 4. Ст. 251.

6. См.: Там же. № 51. Ст. 5086.

7. См.: Там же. 1998. № 31. Ст. 3813.

8. См.: Там же. 1997. № 30. Ст. 3594.

9. См.: Там же. 1998. № 8. Ст. 963.

10. См.: Там же. 2007. № 41. Ст. 4849.

11. См.: Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

12. Савельев А. А. О некоторых вопросах законодательного закрепления ограничений права собственности // Юрист. 2006. № 8. С. 58—59.

13. См.: Долинская В. В. Ограничения права собственности: понятие и виды // Закон. 2003. № 11.

УДК 347.78

О. В. Черкашина
O. V. Cherkashina

Проблемы передачи в доверительное управление исключительных прав

Problems of Giving of Exclusive Rights for Confidential Management

В статье рассматриваются проблемы передачи в доверительное управление исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, предлагается решение вопроса о порядке передачи в управление имущественных прав. Представленная схема может применяться при исследовании передачи в доверительное управление объектов различных видов.

Доверительное управление имущественными правами; исключительные права; передача в управление; права на результаты интеллектуальной деятельности

This article contains an examination of problems of giving for confidential management exclusive rights to results of intellectual activity, proposes a decision on a question of an order of giving property rights for management. The presented scheme can be used in investigations of giving for confidential management different kinds of objects.

Confidential management of property rights; exclusive rights; giving for management; rights to results of intellectual activity

Договор доверительного управления сконструирован как реальный. Для признания его заключенным помимо достижения соглашения между сторонами требуется передача объекта управления.

Поскольку в гл. 53 ГК [1] отсутствуют правила о порядке передачи объекта в доверительное управление, следует применять нормы общей части ГК: правила ч. 2 ст. 433 и ст. 224 ГК. В последней норме сказано о передаче владения вещью (так, ч. 2 данной статьи содержит формулировку: «Если к моменту заключения договора об отчуждении вещи она уже находится во владении (здесь и далее курсив мой. — О. Ч.) приобретателя...»).

В отличие от вещи к исключительному праву понятие «владение» неприменимо [2]. Не может быть (в силу нематериальности объекта) и владения результатом интеллектуальной деятельно-

сти. Оно вероятно лишь в отношении вещи, в том числе материального носителя, в котором выражен результат интеллектуальной деятельности.

Итак, законодательство допускает передачу в доверительное управление исключительных прав (как отдельного объекта, так и объекта в составе предприятия). К передаче в управление имущества предполагается применение норм о передаче владения, что невозможно для объектов, не являющихся вещами. Вместе с тем договор доверительного управления исключительными правами для признания его заключенным требует передачи в управление соответствующего объекта (ст. 1012 и 433 ГК). Следует ли из этого, что договор доверительного управления не может быть заключен в отношении такого объекта, как исключительные права?

Для ответа на этот вопрос следует выяснить, что происходит при передаче в доверительное

управление его объекта, в том числе исключительных прав.

В научной литературе высказываются различные мнения на этот счет.

Так, З. Э. Беневоленская утверждает, что «законодатель запрещает переход к доверительному управляющему права собственности на объекты материального мира... *переход исключительных имущественных прав... дозволяется*» [3]. Владение возможно лишь в отношении вещи, в том числе материального носителя, в котором выражен результат интеллектуальной деятельности.

Ю. В. Романец полагает, что, «заключив договор доверительного управления имуществом, *собственник лишается тех прав* в отношении договорного имущества, которые он передал управляющему» [4].

В. А. Дозорцев утверждает, что «доверительное управление должно рассматриваться как способ осуществления права собственности на имущество, когда правомочия собственника полностью или частично осуществляет доверительный управляющий, причем от своего имени. Соответственно *собственник лишается права осуществления этих правомочий*» [5].

М. В. Ясус считает, что «передача имущества в доверительное управление является реализацией права распоряжения, при которой *передача осуществления определенных правомочий происходит при сохранении их у собственника*» [6]. «Передавая свои правомочия по договору другому лицу, собственник временно утрачивает возможность по их осуществлению и в период доверительного управления уже *не может прибегнуть к их реализации*» [7].

По мнению Е. А. Суханова, «в отношении переданного в доверительное управление имущества управляющий осуществляет правомочия собственника в пределах, установленных законом и договором, но не получает их от собственника в порядке уступки прав. Собственник-учредитель *передает управляющему не свои правомочия, а только возможность их реализации...* Аналогичная, по сути, ситуация складывается и при управлении имущественными правами» [8].

А. Ю. Михеева отмечает, что «доверительный управляющий *обладает лишь возможностью совершать с вещью действия по осуществлению правомочий собственника*» [9]. «Учредитель управления, хотя и остается собственником, тем не менее *“устраняется” на время от воздействия на имущество, находящееся в обладании доверительного управляющего... “устранение” собственника не гарантировано во всех случаях доверительного управления. Не исключены и другие*

варианты (например, собственник продолжает пользоваться частью дома, переданного в управление)» [10].

В. В. Витрянский полагает, что содержащаяся в ч. 1 ст. 1220 ГК норма не предполагает перехода к управляющему, который осуществляет в пределах, предусмотренных законом и договором доверительного управления имуществом, правомочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление, правомочий в целом или возможности их реализации. В данном случае речь идет лишь о содержании правомочий доверительного управляющего, но никак не о существовании или правовой природе этих правомочий. Учредитель управления «не передает свои правомочия доверительному управляющему, а возлагает на него путем заключения договора определенные обязанности по управлению имуществом. Исполнение... обязанностей... по отношению к третьим лицам *выглядит как осуществление правомочий собственника*» [11].

Указанные точки зрения можно объединить в следующие группы.

1. К доверительному управляющему переходит принадлежащее учредителю управления право.

2. К доверительному управляющему переходит осуществление правомочий, возможность их реализации.

3. Передача имущества в доверительное управление не предполагает ни передачи права, ни правомочий учредителя или их части. Правомочия управляющего возникают из договора.

Первая точка зрения основана на том, что законом запрещен переход к доверительному управляющему права собственности, но не исключительных прав.

Действительно, такого запрета в законе нет. Абзац 2 ч. 1 ст. 1012 ГК устанавливает, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности (существующего лишь в отношении вещей) на него к доверительному управляющему. Переход исключительных прав не запрещен. Вместе с тем ч. 3 ст. 1022 ГК позволяет рассматривать управляемое имущество только как имущество учредителя управления, но не как принадлежащее доверительному управляющему. Следовательно, не только право собственности, но и иное имущественное право, принадлежащее учредителю доверительного управления, к управляющему не переходит.

Ряд норм, содержащихся в гл. 53 ГК, сформулирован применительно к управлению вещами (ч. 1 абз. 2 ст. 1012, ст. 1014, ч. 2 ст. 1017, ч. 1 и 3 ст. 1020). При этом правила ст. 1017 ГК

и второго предложения ч. 1 ст. 1020 ГК являются специальными нормами об управлении недвижимыми вещами; правила ч. 3 ст. 1020 ГК могут быть применены только к вещам, поскольку лишь ими можно владеть. Остальные формулировки (ч. 1 абз. 2 ст. 1012, ст. 1014, первое предложение ч. 1 ст. 1020 ГК) относятся лишь к управлению вещами в силу особенностей данных норм. Целесообразность ограничения сферы действия этих статей отношениями по управлению вещами вызывает серьезные сомнения.

Часть 1 ст. 1020 ГК предусматривает осуществление управляющим в пределах, предусмотренных законом и договором, правомочий собственника, не упоминая о том, что и в каких пределах осуществляется при управлении имуществом, иным, чем вещи.

В соответствии со ст. 1014 ГК учредителем доверительного управления является собственник имущества, а в случаях, предусмотренных ст. 1026 ГК, — другое лицо. Статья 1026 ГК, предусматривающая исключения из общего правила, содержит указание на основания учреждения доверительного управления. Следует отметить, что речь в ней не идет об особенностях объектов. Поэтому если отношения по доверительному управлению исключительными правами возникли не в силу оснований, на которые указывает ст. 1026 ГК, то они должны в полной мере подчиняться нормам ст. 1012—1024 ГК. К ним должно быть применено общее правило ст. 1014 ГК. Но субъект, способный распоряжаться исключительным правом, — обладатель исключительных прав — не является с точки зрения закона собственником, он именуется правообладателем, а значит, не входит в перечень лиц, способных быть учредителями доверительного управления.

Необходимо изменить формулировки указанных норм для того, чтобы обеспечить полное регулирование отношений по доверительному управлению таким объектом, как исключительные права. Целесообразно внести в гл. 53 ГК следующие корректировки:

1) часть 1 ст. 1012 ГК дополнить абзацем следующего содержания: «Передача в доверительное управление исключительных прав не влечет их отчуждения доверительному управляющему»;

2) статью 1014 ГК после слов «собственник имущества,» дополнить фразой «обладатель исключительных прав»;

3) часть 1 ст. 1020 ГК после слов «правомочия собственника» дополнить формулировкой «(при управлении исключительными правами — правомочия обладателя исключительных имущественных прав)».

Третье предложение, полагаем, требует специальных пояснений. Управление исключительными правами строится по общей модели доверительного управления с теми лишь исключениями, что продиктованы особенностями объекта. Закон допускает максимально широкую свободу действий в отношении управляемого объекта, предполагая в качестве общего правила определение возможностей доверительного управляющего путем указания на исключения — действия, которых он совершать не вправе (ч. 2 ст. 1012 ГК). Поскольку природа имущественных интеллектуальных прав не исключает такой свободы, представляется разумным регулировать рассматриваемые отношения по общей схеме. При этом отметим, что управление исключительными (имущественными) интеллектуальными правами должно осуществляться с соблюдением неимущественных, в том числе интеллектуальных, прав.

Вернемся к научным точкам зрения, касающимся передачи в доверительное управление объекта.

Наиболее убедительной выглядит позиция В. В. Витрянского, в соответствии с которой «*правомочия доверительного управляющего по управлению имуществом не могут в принципе представлять собой правомочия, переданные (делегированные) самим собственником, по той причине, что права доверительного управляющего в отношении доверенного ему имущества не переходят к нему от собственника, а возникают из договора доверительного управления имуществом*» [12].

Итак, если учредитель управления «сохраняет... все свои правомочия и принимает на себя обязательство воздерживаться от любых действий, препятствующих...» [13], то в чем же заключается передача права в управление?

Передача права в управление предполагает наделение управляющего правом управлять этим объектом. Она может сопровождаться предоставлением управляющему вещей, необходимых для управления объектом данного права [14].

Наделение правом управлять имеет два аспекта: предоставление возможностей в отношениях с учредителем и третьими лицами (доверительный управляющий не обладает правами в отношениях с выгодоприобретателем) — и выражается в обеспечении:

1) невмешательства учредителя в процесс управления. Для этого необходимо разграничить в договоре возможные действия учредителя и управляющего. В связи с этим возникает вопрос: не является ли такое условие договора ограничением дееспособности, запрещенным ст. 22 ГК под угрозой ничтожности сделки? Сложность за-

ключается в том, что, продолжая обладать исключительными правами, учредитель сохраняет возможность заключать сделки в отношении них, однако обязуется этого не делать. Такой договор не является сделкой, сосредоточенной на ограничении дееспособности. Рассматриваемое условие направлено лишь на обеспечение возможности управления правом (а через это — на обеспечение удовлетворения интересов учредителя или выгодоприобретателя);

2) существования доказательств правомерности действий управляющего с управляемым имуществом в отношениях с третьими лицами. Управляющий должен иметь соответствующие нормы закона доказательства правомерности своих действий с имуществом учредителя. В случае если закон не содержит требований к таким доказательствам, достаточно предъявить управляющим по требованию заинтересованных лиц (например, потенциальных контрагентов управляющего в отношении по поводу имущества в управлении) договор доверительного управления этим объектом.

Предоставление управляющему возможности управлять помимо наделения его правами предпола-

гает передачу управляющему вещей, необходимых для управления. Примером тому может служить передача материального носителя произведения, в частности если в круг возможных действий управляющего входит опубликование объективированного, но ранее не обнародованного произведения.

Данную схему можно применять при рассмотрении передачи в доверительное управление объектов различных видов. Такая передача во всех случаях предполагает наделение правом управлять и не исчерпывается переходом вещи во владение управляющего.

Рассмотрим проблему, сформулированную в начале настоящей статьи, с учетом полученных результатов. Реальный договор доверительного управления исключительными правами требует для признания его заключенным передачи этих прав в управление. Такая передача возможна, она не равна предоставлению управляющему во владение вещи.

Таким образом, договор доверительного управления может быть заключен в отношении исключительных прав. Реальный характер договора этому не препятствует.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

2. См., напр.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации : сб. ст. М., 2005. С. 114.

3. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. СПб., 2002. С. 158; Её же. Доверительное управление исключительными правами // Закон. 2004. № 7. С. 75.

4. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001. С. 433.

5. Дозорцев В. А. Доверительное управление // ВВАС. 1996. № 12. С. 119.

6. Ясус М. В. Доверительное управление и траст как правовые способы передачи имущества в управление : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 87.

7. Там же. С. 86.

8. Суханов Е. А. Договор доверительного управления имуществом // ВВАС. 2000. № 1.

9. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 65.

10. Её же. Доверительное управление имуществом / под ред. В. М. Чернова. М., 1999. С. 58.

11. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 5 кн. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. С. 801.

12. Там же.

13. Там же. С. 802.

14. См.: Черкашина О. В. Элементы объекта доверительного управления исключительными правами // Пятое Всероссийские Державинские чтения (Москва, 15 декабря 2009 г.) : сб. ст. : в 7 кн. Кн. 4. Проблемы предпринимательского и гражданского права, гражданского и арбитражного процесса / под ред. М. Н. Илюшиной. М., 2010. С. 133—136.

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.2

Н. В. Генрих
N. V. Genrikh

Предмет уголовного права: границы и характер взаимосвязи с предметом иных отраслей права

Subject of Criminal Law: the Bounds and Character of Interrelations with Subject of Other Spheres of Law

В статье анализируется взаимосвязь уголовного права с административным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом. Подчеркивается, что исследование указанной проблемы приобретает особое значение для совершенствования механизма уголовно-правового регулирования и определения путей дальнейшего развития уголовного права и политики.

Предмет права; правоотношения; отрасль права; административное право; уголовное право; уголовно-процессуальное право; уголовно-исполнительное право; система права

In this article the author focuses on the legal problems of the interrelationship with subject of other spheres of law. Those problems are especially important in the aspect of priorities and directions determination of contemporary criminal law and policy.

Subject of law; legal relationship; sphere of law; administrative law; criminal law; criminal-procedural law; penal law (correction); system of law

Большинство имеющихся в данной сфере научных работ, во-первых, посвящены взаимосвязи норм уголовного права с нормами иной отраслевой принадлежности, нежели собственно правовым отношениям; во-вторых, фокус исследовательских интересов предметно задан актуальными проблемами связи уголовного права с уголовным процессом и исполнением наказания либо с гражданским законодательством; в-третьих, механизм и формы взаимосвязи собственно уголовно-правовых отношений с предметом иных отраслей права неоправданно остались вне поля специального анализа. Эти обстоятельства актуализируют необходимость обсуждения в качестве самостоятельной проблемы место предмета уголовного права в системе иных правовых отношений, что должно способствовать развитию и уточ-

нению представлений о предмете уголовно-правового регулирования.

Кроме того, данное исследование важно и с точки зрения общего учения о системных свойствах права, поскольку, по верному замечанию Н. И. Пикурова, «соприкосновение и взаимопроникновение предметов уголовного и других отраслей права требует реализации принципа внутренней логической согласованности права, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [1]. Заметим, что под уголовно-правовым отношением в данном случае понимается общественное отношение, в котором реализуется заложенная в правовых нормах модель взаимных прав и обязанностей его участников.

Цивилизационная и правовая ценность уголовно-правовых отношений дает основание рас-

сма­три­вать их в од­ном ря­ду с по­зи­тив­ны­ми ба­зи­с­ны­ми от­но­ше­ни­я­ми в ка­че­стве их рав­но­знач­ной ча­сти. В э­том смы­сле у­го­лов­но-пра­во­вые от­но­ше­ния об­ра­зуют мас­сив со­ци­аль­но-пра­во­вой ре­аль­но­сти, ко­то­рый не про­сто яв­ля­ет­ся по­ка­за­те­лем раз­ви­то­сти пра­ва, сте­пени его диф­фе­рен­ци­а­ции, но и в це­лом от­ра­жает у­ро­вень раз­ви­тия пра­во­вой ку­ль­ту­ры об­щес­тва, ка­че­ство вза­им­о­от­но­ше­ний го­су­дар­ства и лич­но­сти.

У­го­лов­но-пра­во­вые от­но­ше­ния, со­став­ля­я часть пра­во­во­го фун­да­мен­та об­щес­тва, вклю­ча­ют­ся в слож­ное пе­ре­пле­те­ние и­ных от­но­ше­ний, про­ни­зы­ва­ю­щих со­ци­ум и свя­зы­ва­ю­щих его в мо­но­лит, оп­ре­де­ля­ю­щих со­ци­аль­но-пра­во­вой ста­тус членов об­щес­тва, а так­же пре­де­лы и воз­мож­но­сти го­су­дар­ствен­но­го ад­ми­ни­стри­ро­ва­ния. И по­сколь­ку дан­ные от­но­ше­ния име­ют пра­во­вую фор­му, свя­зь их с и­ны­ми пра­во­от­но­ше­ни­я­ми немыс­ли­ма вне кон­тек­ста вза­им­о­от­но­ше­ний са­мих пра­во­вых от­рас­лей, на­ли­чия у них ко­ор­ди­ни­ру­ю­щих и суб­ор­ди­ни­ру­ю­щих свя­зей. По­это­му пред­став­ля­ет­ся воз­мож­ным ана­лиз за­ви­си­мо­сти ме­жду у­го­лов­но-пра­во­вы­ми от­но­ше­ни­я­ми и пред­ме­том и­ных от­рас­лей пра­ва, ис­хо­дя из ме­ста у­го­лов­но­го пра­ва в ие­ра­р­хии юри­дичес­кой на­уки.

В све­те из­ло­жен­но­го не­об­хо­ди­мо пре­жде все­го об­ра­тить вни­ма­ние на *свя­зь у­го­лов­но-пра­во­вых и ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тных пра­во­от­но­ше­ний*. Се­го­дня в ли­тер­а­ту­ре нет од­но­знач­но­го по­ни­ма­ния ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тно­го пра­ва. Од­но из немно­гих его оп­ре­де­ле­ний пред­ло­жено В. А. Кру­го­вым [2], ко­то­рый от­ме­чает, что эта от­расль пра­ва пред­став­ля­ет со­бой си­сте­ма­ти­зи­ро­ван­ную со­во­куп­ность пра­во­вых нор­м, ре­гу­ли­ру­ю­щих ох­ра­ни­тель­ные ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тные об­щес­вен­ные от­но­ше­ния, об­щес­вен­ные от­но­ше­ния, воз­ни­ка­ю­щие, раз­ви­ва­ю­щие­ся и пре­кра­ша­ю­щие­ся при пред­уп­ре­жде­нии ад­ми­ни­стра­тив­ных пра­во­на­ру­ше­ний, за­щи­те от об­щес­вен­но опас­ных по­ся­га­тель­ств, при­чи­не­нии вре­да при за­дер­жан­ии фи­зичес­ко­го ли­ца, со­вер­шив­ше­го пре­ступ­ле­ние или ад­ми­ни­стра­тив­ное пра­во­на­ру­ше­ние, об­ос­но­ван­ном рис­ке и оп­ре­де­ля­ю­щих, ка­кие де­я­ния яв­ля­ют­ся ад­ми­ни­стра­тив­ны­ми пра­во­на­ру­ше­ни­я­ми, за­кре­п­ля­ю­щих ос­но­ва­ния и ус­ло­вия ад­ми­ни­стра­тив­ной от­вет­ствен­но­сти, ус­та­нав­ли­ва­ю­щих взыс­ка­ния (на­ка­за­ния), ко­то­рые мо­гут быть при­ме­не­ны к фи­зичес­ким ли­цам, со­вер­шив­шим ад­ми­ни­стра­тив­ное пра­во­на­ру­ше­ние, а так­же к юри­дичес­ким ли­цам, при­знав­шим ви­нов­ны­ми и под­ле­жа­щим ад­ми­ни­стра­тив­ной от­вет­ствен­но­сти в со­от­вет­ствии с КоАП [3].

Не уг­луб­ля­ясь в де­таль­ный ана­лиз кон­цеп­ции ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тно­го пра­ва, при­зна­вая факт его су­щес­тво­ва­ния и оста­вля­я в сто­роне

дис­кус­сион­ный во­прос о вклю­че­нии в его пред­мет от­но­ше­ний, свя­зан­ных с пред­уп­ре­жде­нием пре­ступ­ле­ний, от­ме­тим оче­вид­ное: пра­во­от­но­ше­ния, воз­ни­ка­ю­щие в свя­зи с со­вер­ше­нием ад­ми­ни­стра­тив­но­го пра­во­на­ру­ше­ния, об­на­ру­жи­ва­ют тес­ную свя­зь с у­го­лов­но-пра­во­вы­ми от­но­ше­ни­я­ми. При­чи­ны э­того кро­ют­ся в ге­не­зи­се ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тно­го пра­ва. Имен­но дек­ри­ми­на­ли­за­ция не­ко­то­рых пре­ступ­ле­ний и пе­ре­нос их в КоАП обес­пе­чи­ли зна­чи­тель­ное сов­па­де­ние сфе­ры пра­во­во­го ре­гу­ли­ро­ва­ния ад­ми­ни­стра­тив­но­го и у­го­лов­но­го пра­ва.

В XIX в. в Рос­сии и в бо­ль­шин­стве евро­пей­ских го­су­дар­ств все ви­ды на­ру­ше­ний, в том чис­ле ад­ми­ни­стра­тив­ные, рас­сма­три­ва­лись ис­клю­чи­тель­но в пре­де­лах у­го­лов­но­го пра­ва. Но раз­ви­тие э­ко­но­ми­ки и и­ных сфер де­я­тель­но­сти че­ло­ве­ка обу­сло­ви­ло не­воз­мож­ность уре­гу­ли­ро­ва­ния от­вет­ствен­но­сти за все ви­ды на­ру­ше­ний в ра­мках у­го­лов­но­го пра­ва. По­это­му од­ним из ша­гов в на­прав­ле­нии по­вы­ше­ния эф­фек­тив­но­сти дей­ствия у­го­лов­но­го пра­ва, на­дле­жа­ще­го обес­пе­че­ния пра­во­по­ря­дка и у­го­лов­но-про­цес­су­аль­ной э­ко­но­ми­ки ста­ло вы­де­ле­ние не­ко­то­рых де­я­ний (по­ли­цей­ских, а так­же и­ных про­ступ­ков, на­ру­ше­ний), ко­то­рые на­ка­зы­ва­лись пред­став­и­те­ля­ми не су­деб­ной вла­сти, а по­ли­ции, т. е. ад­ми­ни­стра­тив­ны­ми ор­га­на­ми вла­сти.

Та­кое от­п­оч­ко­ва­ние ад­ми­ни­стра­тив­ных де­лик­тов от пре­ступ­ле­ний бы­ло не все­гда. Об­ъек­тив­но мо­биль­ный ха­рак­тер об­щес­вен­ных от­но­ше­ний оправ­ды­ва­ет то об­сто­я­тель­ство, что гра­ница ме­жду пре­ступ­ле­нием и про­ступ­ком оста­ет­ся под­виж­ной: од­на часть пре­ступ­ле­ний дек­ри­ми­на­ли­зи­ру­ет­ся с ус­та­нов­ле­нием от­вет­ствен­но­сти за де­я­ния в ад­ми­ни­стра­тив­ном пра­ве, в то вре­мя как дру­гая часть, при­об­ре­тая в оп­ре­де­лен­ный мо­мент по­вы­шен­ную сте­пень об­щес­вен­ной опас­но­сти, на­чи­на­ет ква­ли­фи­ци­ро­вать­ся как пре­ступ­ле­ние. В со­от­вет­ствии с э­тим ме­ня­ет­ся и гра­ница ме­жду у­го­лов­но-пра­во­вы­ми и ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­т­ны­ми от­но­ше­ни­я­ми.

При э­том важ­но ука­зать, что нор­ма­тив­ное об­осо­б­ле­ние ад­ми­ни­стра­тив­ных про­ступ­ков не озна­ча­ет пол­но­го раз­ры­ва со­от­вет­ст­вую­щей им об­ла­сти пра­во­во­го ре­гу­ли­ро­ва­ния с у­го­лов­но-пра­во­вы­ми исто­ка­ми. Речь и­дет о со­хра­ня­ю­щем­ся еди­н­стве в прин­ци­пи­аль­ных под­хо­дах к ме­ха­низ­му ад­ми­ни­стра­тив­но-де­лик­тно­го и у­го­лов­но-пра­во­во­го ре­гу­ли­ро­ва­ния, ко­то­рое се­го­дня наи­бо­лее от­чет­ливо про­яв­ля­ет се­бя в прак­ти­ке функ­ци­о­ни­ро­ва­ния Евро­пей­ско­го су­да по пра­вам че­ло­ве­ка, вы­ра­бо­тав­ше­го осо­бое по­ня­тие у­го­лов­ной сфе­ры, ох­ва­ты­ва­ю­щей у­го­лов­но-пра­во­вые, у­го­лов­но-про­цес­су­аль­ные и часть ад­ми­ни­стра­тив­ных пра­во­от-

ношений, в рамках реализации которых государство — участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [4] обязано обеспечить соблюдение требований ст. 6 данной Конвенции о справедливом, публичном и в разумный срок разбирательстве судебного дела на основе презумпции невиновности и с предоставлением возможности защиты от обвинения. Развивая концепцию уголовно-правовой сферы, Европейский суд по правам человека признал, что решение национального законодателя об отнесении того или иного деяния к области уголовного или административного права не является главным критерием при решении вопроса о применении ст. 6 Конвенции; не имеет существенного значения при отнесении того или иного деяния к «головной сфере» и «уровню серьезности» правонарушения [5].

В свете этих решений вопрос о соотношении административно-деликтных и уголовно-правовых отношений приобретает особое звучание. Получается, что фактически они имеют единую природу, обусловленную общим генезисом, публичным характером и охранительной направленностью. Не случайно, например, в ФРГ, правовая система которой чрезвычайно близка российской, уголовное и административное право в ряде случаев рассматриваются как уголовное право в широком смысле. По мнению российских ученых, различия между предметами правового регулирования уголовного и административно-деликтного права весьма относительны, поскольку они могут совпадать и переходить друг в друга [6].

Вместе с тем близость рассматриваемых отношений еще не дает оснований для их отождествления. Существенные различия между ними заключаются в характеристике порождающего их юридического факта, субъектном составе и содержании.

Все сказанное позволяет констатировать, что уголовно-правовые и административно-деликтные отношения, с одной стороны, совместно входят в охранительный блок правовой системы, а с другой — взаимно дополняют установленный в государстве режим охраны общественных отношений от деяний, обладающих различным уровнем общественной опасности.

Исследование вопросов взаимосвязи уголовно-правовых и административно-деликтных отношений представляется весьма перспективным и позволяет прийти к ряду важных для совершенствования механизма уголовно-правового регулирования выводов (в части разграничения преступлений и иных правонарушений, использования административной преюдиции, конструирования категории уголовного проступка, разгра-

ничения федеральной и региональной уголовно-правовой компетенции и др.). Однако, учитывая многоплановость и во многом самостоятельный характер этой проблемы, ограничимся констатацией общей природы и наличия связи между рассматриваемыми правоотношениями.

Обратимся теперь к *взаимосвязи уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными* и сосредоточим внимание не столько на генетическом аспекте их связи (процесс последовательного обособления норм уголовного процесса и уголовно-исполнительного права от права уголовного известен), сколько на содержательном. При этом, с одной стороны, объединим анализ связи предмета уголовного права с процессуальными и исполнительными отношениями, исходя из того что «уголовно-исполнительное право — это отрасль процессуальная, процедурная по большей своей части» [7], регламентирующая процесс исполнения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. С другой стороны, ограничимся анализом связи уголовно-правовых отношений лишь с той частью процессуальных и исполнительных отношений, которые имеют к ним непосредственное касательство. К тому же, в определенной степени упрощая ситуацию, мы не станем рассматривать такие довольно распространенные случаи, когда уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения наслаиваются друг на друга, предполагая наличие общего субъекта — лица, совершившего новое преступление во время отбывания наказания за ранее совершенный проступок. Рассмотрим лишь взаимоотношения между государством и гражданином, совершившим одно преступление, когда уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения выступают как бы двумя фазами жизни одного уголовно-правового отношения.

Почти все исследователи уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений едины в признании первичности уголовно-правовых отношений и производности отношений процессуальных. Признавая справедливость такого подхода, отметим, что производность не стоит толковать как временную последовательность. Подобное справедливо лишь для исполнительных и процессуальных правоотношений (и лишь в части, когда исполнительные отношения не изменяются в связи с новыми юридическими фактами). По отношению же к уголовно-правовым отношениям производность процессуальных и исполнительных означает лишь их зависимость и подчиненность, во времени же они сосуществуют с уголовно-правовыми отношениями.

При этом анализу взаимосвязи рассматриваемых отношений будет способствовать уяснение механизма трансформации подлежащего уголовно-правовому регулированию фактического общественного отношения в собственно уголовно-правовое отношение, которая происходит в процессе применения уголовно-правовой нормы.

В таком случае предметом уголовно-процессуального отношения следует признать сам процесс применения уголовно-правовой нормы к фактическому отношению, возникшему в связи с совершением преступления. Как отмечается в специальной литературе, уголовно-процессуальные отношения только и существуют с той целью, чтобы посредством реализации своих субъективных прав и обязанностей их участники могли прийти к однозначному выводу о наличии или отсутствии юридических фактов, предусмотренных материальными по своему характеру нормами уголовного права [8]. Именно в рамках уголовного процесса в установленных УПК [9] формах идет приладка нормативной модели уголовно-правового отношения к фактическому общественному отношению. Каждый ее этап и сопровождающие его действия подчинены строго установленным правилам. Возникающие на их основе уголовно-процессуальные отношения складываются так же, как и уголовно-правовые между государством и лицом, совершившим преступление. Однако здесь участники наделены особыми правами и обязанностями, связанными прежде всего с установлением виновности (невинности) лица в совершении преступления. При этом принципиальное значение имеет распределение бремени доказывания и презумпция невинности [10], призванные защитить личность от необоснованных притязаний со стороны государства.

Когда фактическое отношение, возникшее в связи с совершением преступления, в рамках уголовного процесса приобрело надлежащую правовую форму, т. е. с момента вступления в силу обвинительного приговора суда, появляются уголовно-исполнительные отношения. Предметом их выступает установленное судом содержание конкретного уголовно-правового отношения; в уголовно-исполнительных отношениях осуществляется непосредственная реализация прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения.

При таком подходе очевидно достаточно четкое разделение труда между материальным

и процессуальным правом: если первое определяет, какой должна быть связь между государством и лицом, совершившим преступление, то второе показывает, каким образом эту связь установить. Подобная схема является дополнительным аргументом в пользу известного тезиса о недопустимости помещения в УПК и УИК [11] норм, имеющих отдельные элементы содержания уголовно-правовых отношений, о непозволительности нахождения в УК [12] норм, регламентирующих процессуальные и исполнительные отношения, о необходимости ревизии сложившегося сегодня распределения нормативного материала между отраслями права.

Подводя итоги анализа взаимосвязей уголовно-правовых отношений с предметом иных отраслей права, можно сделать следующие выводы:

1. Уголовно-правовые отношения служат определенным показателем уровня цивилизованности и культуры в разрешении общественных и межличностных конфликтов. В этом плане они должны рассматриваться не как вредные для общества отношения, а как отношения, требующие сохранения, совершенствования и защиты.

2. Особые связи складываются между уголовно-правовыми и административно-деликтными отношениями. Являясь составными частями единой охранительной сферы права, обладая общей природой и принципами регулирования, они имеют свойство перетекать друг в друга в случае изменения законодательной оценки порождающего их юридического факта, что открывает большие возможности в деле совершенствования механизма уголовно-правового регулирования.

3. Признание факта трансформации общественного отношения, возникающего в связи с совершением преступления, в правоотношение позволяет решить вопрос о соотношении уголовно-правовых отношений с процессуальными и уголовно-исполнительными. В частности, предметом уголовно-процессуального отношения справедливо признать сам процесс применения уголовно-правовой нормы к фактическому отношению, возникшему в связи с совершением преступления; предметом же уголовно-исполнительного отношения выступает установленное судом содержание конкретного уголовно-правового отношения (назначенный срок наказания, вид режима и те или иные правоотношения).

1. Пикуров Н. И. Место уголовного права в системе российского права // *Энциклопедия уголовного права* : в 35 т. / под ред. В. Б. Малинина. СПб., 2008. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 382.

2. См.: Круглов В. А. *Административно-деликтное право Республики Беларусь* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 17.

3. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 185-ФЗ // РГ. 2001. № 256.
4. См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. См.: Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Гос-во и право. 2000. № 3.
6. См.: Взаимосвязь уголовного и административного права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / под ред. А. В. Наумова. М., 1990. С. 23.
7. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 21.
8. См.: Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. М., 2006. С. 119.
9. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РГ. 2001. № 249.
10. См.: Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
11. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // РГ. 1997. № 9.
12. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.5

Н. Г. Иванов
N. G. Ivanov

Уголовный кодекс Российской Федерации: вопросы законодательства на примере новеллизации нормы о содействии терроризму

The Criminal Code of Russian Federation: Legislative Questions on an Example Norms about Assistance to Terrorism

Статья посвящена актуальным проблемам законодательства. Вопросы принятия и утверждения правовых норм рассмотрены в ракурсе проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Новеллы анализируются с позиций системности и композиционного единства как УК в целом, так и отдельной правовой нормы.

Терроризм; террористический акт; проект федерального закона; ответственность; некорректность правовой нормы

The article is devoted actual legislative problems. To questions of acceptance and the statement of rules of law are considered in a foreshortening of the project of the federal law «About modification of the Criminal code of the Russian Federation». Short stories are considered from positions системности and composite unity as УК as a whole, and the separate rule of law.

Terrorism; an act of terrorism; the project of the federal law; responsibility; an incorrectness of the rule of law

На заключительном летнем заседании Государственной Думы 2010 г. спикер нижней палаты парламента с гордостью заметил, что общий итог весенней сессии составил 249 принятых законов. По словам Б. Грызлова, «это рекордный показатель не только за пятый созыв, но и за всю историю Государственной Думы» [1].

Рекорды, как высшие достижения, всегда привлекательны. Но в спорте, к сфере которого наиболее подходит данное существительное, рекорд не подлежит коррекции, за исключением случаев изобличения в применении допинга. А вот наивысшие достижения думских законодателей исправляются практически постоянно. Достаточно вспомнить многострадальный НК [2], в который постоянно вносятся изменения. Уголовный кодекс [3] тоже не стал исключением.

В частности, первоначальная редакция ст. 62 УК в результате принятия Федерального закона от 14.02.2008 № 11-ФЗ «О внесении изменения в статью 62 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4] претерпела изменения, но, просуществовав в обновленном виде не более года, Федеральным законом от 29.06.2009 № 141 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5] вновь была изменена.

В 2006 г. под прессом юридической ответственности в УК введена гл. 15.1, посвященная конфискации имущества. Содержание ее норм вызвало недоумение среди теоретиков и практиков. В результате в 2008 г. появился паллиатив в виде изменений ст. 104.1, который вовсе не пре-

кратил полемики, поскольку не учитывал важнейших теоретических резонансов.

В соответствии с Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6] УК был дополнен ст. 185.2, устанавливающей ответственность за нарушение порядка учета прав на ценные бумаги. Правда, в юридической печати неоднократно обращалось внимание на опасность рейдерства, которое заключается в манипулировании реестром ценных бумаг. Своевременно ответственность за такое деяние предусмотрена не была, и лишь новые изменения только что введенной в УК статьи предусмотрели соответствующую норму, которая вступила в силу 18 ноября 2010 г. Далее перечислять новеллы новелл не имеет смысла, так как это займет лишние полосы журнальной статьи, посвященной конкретному предмету.

Перед окончанием весенней сессии Государственной Думы Президент РФ внес в нижнюю палату парламента законопроект, посвященный ст. 205.1 УК, в котором помимо изменения санкций предложено дополнить статью ч. 3 следующего содержания: «Пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса» (см. проект федерального закона № 408302-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [7]). Предложение главы государства вызвано естественным стремлением создать мощный превентивный барьер на пути террористических угроз, превратившихся в космологическую проблему. Не являясь законодателем, Президент РФ предложил один из вариантов решения вопроса эффективного (на уровне права) воздействия на метастазы терроризма. Однако, учитывая стремление Государственной Думы к рекордам, представляется, что президентский вариант будет принят без надлежащих коррекций, их непременно придется вносить после принятия закона. В данном контексте полагаем необходимым предупредить законодательный порыв думских специалистов анализом новеллы, который, возможно, окажет помощь в создании непротиворечивой правовой нормы.

Статья 205.1 УК посвящена содействию террористической деятельности в виде склонения, вербовки, иного вовлечения в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК, а также посредством вооружения, подготовки лица к совершению преступлений террористической направленности и финансирования данной деятельности. В норме речь идет о конкретных фигурах или ролевых

функциях, осуществление которых представляет столь серьезную опасность, что требуется вмешательство самой репрессивной правовой отрасли — уголовного права. Согласно ч. 4 ст. 33 УК ролевые функции подстрекателя заключаются в склонении другого лица к совершению преступления различными способами. Вооружение, финансирование и в большей мере подготовка — функции пособника, исчерпывающим образом описанные в п. 5 ст. 33 УК. Под вооружением в правоприменительной практике понимается обеспечение террористов средствами поражения людей или материальных объектов; подготовка выражается в инструктировании лиц, занятых террористической деятельностью по вопросам, связанным с совершением взрыва, поджога или иных действий террористической направленности; под финансированием понимается оказание разнообразных финансовых услуг для целей терроризма. Таким образом, законодатель полностью предусмотрел действия подстрекателя и большую часть действий пособника в качестве конститутивных признаков содействия террористической деятельности. В частности, применительно к пособнику (по лекалу п. 5 ст. 33 УК) советы, указания, предоставление информации относятся к подготовке; предоставление орудий — к вооружению. Такие признаки пособника, как предоставление средств, устранение препятствий, обещание скрыть нарушителя закона и все, что связано с его деянием, а также приобретение или сбыт предметов, имеющих отношение к преступлению, не составляют конститутивных признаков деяния. Законодатель, скорее всего, изначально допустил неточность, полностью криминализовав действия подстрекателя и лишь отчасти — действия пособника. Но в таком случае неточность можно легко исправить, предусмотрев в ч. 1 ст. 205.1 УК поведенческие акты пособника в полном объеме с соответствующими опасностями деяния санкциями.

Проект изменений в УК, однако, предлагает иной, логически труднообъяснимый путь: одну часть действий пособника оставить в качестве основных признаков преступления, а другую — сделать квалифицированными. Данная конструкция не вписывается в УК и противоречит принципу справедливости, поскольку пособник представляет собой единую inferнальную фигуру, наделенную законодателем множеством функций. Одни из них выделять в качестве особых обстоятельств некорректно с логических позиций, а с точки зрения композиционного построения законодательного сборника, разумеется, несправедливо. В противном случае может сложиться такая картина: если субъект предоставляет вооружение

террористам, то к нему применяют ч. 1 ст. 205.1 УК, хотя он выполнял функции пособника и в таком качестве претендует на ответственность по ч. 3 указанной статьи (речь, разумеется, идет о проекте). Если учитывать аксиому уголовного права о соотношении общей и специальной нормы, тогда ч. 1 ст. 205.1, как норма специальная, будет применяться и в ситуациях конкуренции с ч. 3 проекта как нормой общей. Но тогда недоумения легко могут превратиться в инвективу: почему законодатель такие действия, как, например, вооружение террористов, счел менее опасными, чем заранее данное обещание скрыть следы преступления? Иной вариант: один из пособников фактически предоставил финансовые средства для совершения террористического акта, а другой лишь обещал скрыть средства совершения преступления. В результате первый будет отвечать по ч. 1 ст. 205.1 УК, а второй — по ч. 3 проекта. Риторические вопросы о справедливости данного законодательного решения вряд ли уместны.

В проекте выделены варианты пособничества применительно только к ст. 205 УК, хотя в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 речь идет о содействии в совершении и других преступлений террористической направленности. В случае принятия проектной нормы отдельные действия пособника (ч. 1 ст. 205.1 УК), содействующего любому из перечисленных в норме преступлений, будут квалифицированы по этой части, а те действия, которые не составляют признака содействия террористической деятельности в современной редакции закона, — по ч. 3 проекта касательно содействия террористическому акту. В отношении иных преступлений террористической направленности ст. 205.1 УК действовать не будет. Но разве такие деяния, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК), насильственный захват власти или ее удержание (ст. 278 УК), нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360 УК), и т. д., менее опасны, чем теракт? Ситуация явно алогична: одни действия пособника наказуемы в отношении перечисленных в ст. 205.1 УК преступлений, а другие — только в отношении террористического акта, хотя пособник, как отмечалось выше, — единая фигура с присущим ему множеством функций. Предлагаемая критика относится не только к норме проекта, но и к законодательной конструкции ст. 205.1 УК, в которой по непонятной причине функции пособника не получили адекватного правового реагирования.

Статья 205.1 УК представляет собой сложную комплексную норму, в которой одновременно сочетаются и идеальная совокупность, и со-

участие. Идеальная совокупность заключается в том, что относительно пособничества субъект содействует совершению конкретного преступления. Значит, он должен нести ответственность как за содействие террористической деятельности, так и за приготовление к указанному в диспозиции ст. 205.1 УК преступлению, если есть достаточные на то правовые основания. Несомненно, в случае финансирования террористического акта виновный совершает окончательное содействие данной деятельности и приготовление к террористическому акту в форме пособничества, поскольку преступление по ст. 205 УК относится к категории особо тяжких, а злоумышленник создает необходимые условия для его совершения. И все же следует заметить, что конструкции, подобные ст. 205.1 УК, вызывают массу вопросов, например: «Если законодатель криминализировал стадию приготовления к конкретному преступлению, можно ли вменять субъекту одновременно с окончательным преступлением-приготовлением и приготовление к другому преступному акту?» Одновременно нормы ст. 205.1 УК включают в себя «внутреннее соучастие», поскольку субъект оказывает содействие другим лицам в совершении преступления. В такой ситуации возникают парадоксы, связанные и с законодательными конструкциями соответствующих норм, и с правоприменительной практикой.

Парадокс первый. Коль скоро преступлению по ст. 205.1 УК присуще внутреннее соучастие и одновременно идеальная совокупность с другими, указанными в диспозиции соответствующей нормы преступлениями, то в случае содействия, например, террористическому акту субъект может отвечать за приготовление именно к этому преступлению и за окончательное содействие террористической деятельности. В такой ситуации возможны несколько вариантов ответственности. Первый: с учетом нормы проекта субъект несет ответственность по ч. 3 ст. 205.1, ч. 1 ст. 30 и ст. 205 УК. Но ч. 3 ст. 205 УК будет вменена только в том случае, если не будет конкуренции со специальной нормой ч. 1 ст. 205.1. Когда подобное возникнет, возможен второй вариант: ч. 1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 30 и ст. 205 УК. В этом случае пособник несет повышенную ответственность в сравнении с исполнителем того преступления, которому он содействует. Более того, организатор теракта избегает повышенной ответственности, хотя от его активности в такой же, если не в большей мере, зависит успех криминального предприятия, как и от усилий других соучастников. Когда имеются какие-либо социально-правовые основания выделять пособника и подстрекателя в качестве основных фигур сре-

ди соучастников преступлений террористической направленности, тогда законодательная конструкция норм ст. 205.1 УК оправдана. Однако данные основания вряд ли могут быть, тем более что организация совершения преступления (роль организатора) также представляет собой разновидность содействия террористической деятельности по принципу: совершает исполнитель, остальные соучастники оказывают содействие.

Парадокс второй заключается в противоречии принципу справедливости, а именно положению ч. 2 ст. 6 УК, согласно которому дважды за одно не отвечают. Даже не принимая во внимание норму проекта, ответственность пособника, а также подстрекателя террористическому акту оценивается по ст. 205.1 УК. Одновременно согласно императивам принципа вины (ст. 5 УК) пособник, а также подстрекатель должны быть привлечены к ответственности и за теракт (ст. 205 УК) с указанием выполняемой роли, т. е. как пособник или подстрекатель.

Парадокс третий. В отдельных нормах, посвященных преступлениям террористической направленности, в качестве квалифицирующего признака выделена группа лиц. Например, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК предусматривает ответственность за совершение террористического акта группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Однако правоприменительная практика непоследовательна в части определения наличия группы.

В решениях по конкретным делам и в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ прослеживается определенная позиция, касающаяся квалификации групповых деяний. Высшая судебная инстанция считает, что признак «группа лиц по предварительному сговору» может быть вменен, только если в кооперации представлены исполнители. В случае распределения ролей группа лиц по предварительному сговору отсутствует. Так, по делу Гаджиева с соучастниками президиум Верховного Суда РФ констатировал: «Действия лица не образуют квалифицирующего признака убийства (совершение группой лиц по предварительному сговору), если это лицо не было исполнителем убийства, а являлось пособником» [8]. Аналогичное определение было вынесено по делу братьев Бачкало (см. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2003 г. [9]), по делу Хасанова с соучастниками (см. определение Верховного Суда РФ от 03.03.2004 № 56-Дп04-5 [10]) и т. д. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [11] (далее — постановление № 1) указано, что убийство признается совершенным

группой лиц, если они непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» [12] (далее — постановление № 3) прямо сказано, что деяние не признается групповым, если соучастники не дезертировали, а ограничились только выполнением собственных ролей. Аналогичная рекомендация содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [13].

Однако высшая судебная инстанция непоследовательно выдерживает свою противоречивую линию по вопросу определения группы. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г. отмечается, что «уголовная ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них» [14] (суть дела состояла в том, что один из соучастников страховал других от возможного обнаружения преступления, т. е. действовал исключительно как пособник).

Воспринимая группу лиц, образованную в результате предварительного соглашения, только как соисполнителей, в случае содействия террористической деятельности в виде пособничества нескольким соисполнителям пособник с учетом нормы проекта и отсутствия или наличия конкуренции между общей и специальной нормой понесет ответственность либо по ч. 3, либо по ч. 1 ст. 205.1, п. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 205 УК. Другие соучастники в виде соисполнителей террористического акта будут привлечены к ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК. В плане наказания участь фактических соучастников неодинакова. Согласно проекту за пособничество по ч. 3 ст. 205.1 УК предусмотрено наказание сроком от 8 до 20 лет, за преступление по ч. 1 ст. 205 УК — до 12 лет. В случае квалификации двух оконченных преступлений пособнику по правилам ч. 3 ст. 69 и ч. 4 ст. 56 УК грозит максимум 25 лет лишения свободы, тогда как остальным соучастникам, в частности исполнителям, организаторам, — максимум 12 лет по ч. 1 ст. 205 УК, а в случае соисполнительства — максимум 20 лет по ч. 2 ст. 205 УК. Но, несмотря на неоправданно

репрессивный подход к определению судьбы пособника, в таких ситуациях возникает противоречие с принципом акцессорности (соучастник следует судьбе исполнителя), закрепленным в ч. 3 ст. 34 УК: уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление. Участь соучастников действительно может быть различной, учитывая правило ч. 1 ст. 34 УК, но в пределах санкции статьи, по которой квалифицируются действия исполнителя.

Гораздо сложнее дело обстоит с организованной группой. Верховный Суд РФ полагает, что все в ней считаются соисполнителями. Данное определение содержится в постановлениях № 1 и 3. Таким образом, в отличие от группы лиц по предварительному сговору все соучастники террористического акта в случае его совершения организованной группой понесут ответственность по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК, и лишь пособнику (а также подстрекателю) дополнительно будет вменена ст. 205.1 УК. При этом пособник, а также подстрекатель, если он входил в состав организованной группы и ограничился только своей ролью, понесет ответственность и как пособник (ст. 205.1 УК), и как соисполнитель (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК) одного и того же деяния, но по разным статьям УК. Кроме того, организатор террористического акта как член организованной группы, превратившись по канонам Верховного Суда РФ в исполнителя, несет ответственность лишь в рамках ст. 205 УК. Возникает интересная картина: при совершении террористического акта в составе группы лиц по предварительному сговору с четким распределением ролей пособник отвечает как пособник по ст. 205.1 УК и как пособник по ст. 205 УК, а в случае такого же строгого распределения ролей, но в составе организованной группы пособник отвечает как пособник по ст. 205.1 УК и как соисполнитель по ст. 205 УК. Подобное положение дел явно нарушает основания единой ответственности соучастников, каждый из которых вносит свою лепту в успешное совершение криминального предприятия, что должно быть указано с учетом характера и степени их участия в преступлении в рамках санкции одной статьи.

Как отмечалось ранее, суть поправок Президента РФ сводится к тому, чтобы усилить уголовную ответственность за преступления террористической направленности. Но при анализе проектов законодатель должен помнить о непререкаемом принципе любого законодательного сборника — непротиворечивость, соединенная с композиционным единством. В данном контексте

возможны по меньшей мере два пути усиления ответственности за действия террористической направленности. Первый путь заключается в изъятии из УК таких противоречивых норм, как ст. 205.1, и усилении санкции соответствующих норм, что имплицитно предложено в проекте Президента РФ. Если же двигаться в сторону законодательных решений по образцу норм ст. 205.1 УК, то второй путь связан с изменениями базовых норм, разумеется, с учетом непротиворечивых концептуальных основ новелл.

Итак, ст. 205.1 УК может быть представлена в следующей редакции: «1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, а также пособничество в совершении хотя бы одного из указанных преступлений или организация террористической деятельности, а равно финансирование терроризма». Часть 2 нужно оставить в современной редакции. В предлагаемом варианте изложения нормы композиционно представлены все роли, требующие усиления ответственности, что не нарушает принцип ее единства. Но в таком случае потребуются внести коррективы в ч. 2 ст. 6 УК, изложив ее в следующей редакции: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, за исключением случаев, когда в настоящем Кодексе предусмотрена специальная норма об ответственности за содействие преступлению».

Возможно, потребуются также внесение корректив в ч. 1 ст. 50 Конституции [15] в такой редакции: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление, за исключением случаев, специально предусмотренных в законе». В подобных изменениях нет ничего страшного, поскольку они являются естественной реакцией на социальные процессы. Данное обстоятельство отмечал председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, утверждая, что «Конституция должна реагировать на запросы жизни, а для этого необходима ее гибкая и деликатная интерпретация, обеспечивающая единство ее буквы и духа — интерпретация, обеспечивающая, одновременно стабильность и динамизм общества» [16]. Кроме того, исключения из провозглашенных в законе принципов — явление нередкое. Например, принцип законности (ст. 3 УК) имеет исключение, зафиксированное в ч. 3 ст. 331 УК в ситуации военного времени; принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК) имеет исключения, относящиеся к назначению ответственности в зависимости от гендерных различий: женщинам не назначается пожизненное лишение свободы и т. д.

1. РГ. 2010. № 157.
2. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340
3. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
4. См.: РГ. 2008. № 34.
5. См.: СЗ РФ. 2009 № 26. Ст. 3139.
6. См.: Там же. № 44. Ст. 5170.
7. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. См.: Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php?id=2000 (дата обращения: 19.11.2010).
9. См.: БВС. 2004. № 3.
10. См.: Там же. 2005. № 1.
11. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
12. См.: РГ. 2008. № 2.
13. См.: Там же. 2004. № 136.
14. См.: БВС. 2005. № 4.
15. См.: Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
16. Зорькин В. Право — для человека // РГ. 2008. № 4798.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.1

А. Н. Артамонов
A. N. Artamonov

Причина искажений и дефектов законодательства в дублировании правовых норм (запрет на дублирование правовых норм как способ обеспечения единства правового пространства государства)

Cause of Misrepresentation and Flaws of Legislation Lies in Duplication of Regulations (Prohibition of Duplication of Regulations as a Way to Ensure the Unity of Community Law)

В статье на основе анализа отдельных примеров нормотворческой деятельности региональных органов государственной власти автор приходит к выводу о необходимости совершенствования системы нормативного регулирования в стране, в частности установления законодательного запрета на дублирование правовых норм.

Единство правового пространства; нормативное регулирование; дублирование норм

The author of this study, on the basis of analyses of some samples of regulatory act creation by regional organs of government, arrives to a conclusion of the necessity of drastic improvement of the regulatory system of the country, in particular, the need of enacting into law a proscription of regulations' overlapping.

Unity of community law; regulation; regulations' overlapping

С момента выстраивания федеративных отношений в нашей стране прошло слишком мало времени, чтобы говорить о его завершении или достижении окончательных результатов. На наш взгляд, можно обсуждать лишь те проблемы, которые выявлены в ходе строительства федеративного государства, намечать пути преодоления ошибок и не решенных до настоящего времени вопросов.

В основе трудностей реализации конституционных прав российских граждан при взаимодействии с органами власти разных уровней (если не рассматривать наличие умысла) лежит правовая неурегулированность вопросов общественных отношений, а точнее, их дефектная правовая проработка. В связи с чем нередко возникают вопросы: что, кто, когда, в какие сроки и при каких обстоятельствах должен делать?

Это не означает, что каждый шаг нужно урегулировать правовыми нормами, но необходимо четко понимать, какие последствия могут (вернее, должны) возникнуть в случае осуществления или непринятия тех или иных мер.

По мнению О. Е. Кутафина [1], верховенство закона означает его всеобщность, т. е. наиболее существенные области жизни общества, куда могли бы «прорваться» другие акты, отнесенные законы, не должны оставаться не урегулированными законом.

Серьезным препятствием на пути утверждения верховенства закона становятся издержки ведомственного, регионального и местного нормотворчества, которое зачастую противоречит закону и нередко лишает граждан их прав. Практика перекраивания и извращения на любом уровне законов не только недопустима с правовой

точки зрения, но и крайне вредна, потому как порождает бюрократизм, безответственность, коррупцию, а также существенно тормозит полезные начинания.

Для функционирования правового государства недостаточно исключить всякую возможность искажения сути действующего законодательства. Необходимо добиться, чтобы нормативные правовые акты неуклонно исполнялись всеми. Иными словами, нужно сделать невозможными в нашем государстве любые формы произвола, всевластия, вседозволенности.

Искажение сути действующего законодательства происходит и по другим, не имеющим отношения к злонамеренным действиям или бездействию субъектов нормотворческой деятельности причинам. Оно может быть связано с их некомпетентностью или просто с ошибкой.

Чтобы исключить или существенно уменьшить как случайные, так и умышленные факторы искажения действующего в нашей стране законодательства на его более низких, чем Конституция [2] или федеральный закон уровнях, необходимо вырабатывать соответствующие механизмы, сокращать условия проникновения в правовое поле дефектов законодательства.

Наиболее часто встречающиеся искажения духа и буквы закона в регулировании определенных общественных отношений происходят при реализации правовых норм нижестоящими нормативными правовыми актами, например подзаконными. В наших федеративных условиях это связано в первую очередь с нормотворческой деятельностью органов государственной власти субъектов РФ.

Исправление данных ситуаций, недопущение или существенное уменьшение возможностей принятия дефектных нормативных актов является задачей для федерального законодательства, что должно быть связано с установлением единых для всех уровней нормотворческой деятельности правил создания, изменения и существования правовых норм.

Одна из основных причин появления противоречащих положений в нижестоящих нормативных правовых актах вышестоящим связана с дублированием первыми норм, уже установленных на высоком уровне.

Данную ситуацию представители органов власти объясняют необходимостью полноценного урегулирования определенных общественных отношений в одном документе, чтобы, взяв какой-либо закон или подзаконный акт, гражданин мог получить ответы на все интересующие его вопросы.

Среди причин масштабного дублирования норм, уже существующих и действующих, — низкий уровень подготовки специалистов, занимающихся работой над проектами нормативных актов, для которых легче переписать, чем сформулировать самостоятельно; зависимость и оценка эффективности работы чиновников разных уровней от цифровых показателей (чем больше количество разрабатываемых проектов и принимаемых ежегодно актов любых органов власти, тем выше оценивается эффективность работы).

Этим двум факторам и отвечает в полной мере такой способ самостоятельного нормотворчества, как дублирование уже установленных вышестоящими нормативными правовыми актами положений, когда любые, даже малейшие изменения акта, нормы которого продублированы, требуют внесения соответствующих изменений во все акты, содержащие подобные положения.

Подавляющее большинство противоречий в актах субъектов РФ, в которых выявляются несоответствия федеральному законодательству, связано с дублированием положений федеральных законов или подзаконных актов. При этом выявленные противоречия во вновь принимаемых актах появляются из-за «творческого» подхода специалистов органов государственной власти субъектов РФ, когда, желая облечь правовую норму в иную, отличную от установленной на федеральном уровне форму, в региональные нормативные правовые акты проникают несоответствия, способные нарушить права граждан, проживающих на территории данного субъекта РФ (иногда это происходит по причине технических ошибок, невнимательности лиц, ответственных за подготовку нормативных актов).

Другой путь проникновения противоречий федеральному законодательству в акты субъектов РФ — это несвоевременное приведение последних в соответствие: если федеральная норма, продублированная в акте субъекта, изменяется, появляется необходимость внесения аналогичных изменений и на региональном уровне.

Проиллюстрировать приведенные выше ситуации попробуем на примере Областного закона Ростовской области от 11.07.2006 № 515-ЗС «О выборах депутатов Законодательного Собрания Ростовской области» [3] (далее — Закон о выборах депутатов).

Интересно, что со дня принятия данного Закона в него девять раз вносились изменения. Только за восемь месяцев 2009 г. это происходило трижды, причем подавляющее число изменений связано с необходимостью приведения его

в соответствии с изменениями федерального законодательства.

Стоит указать, что и сам Закон о выборах депутатов был принят взамен признанного утратившим силу Областного закона Ростовской области от 09.07.2003 № 11-ЗС с аналогичным названием [4]. Рокировка произошла в связи с утверждением Федерального закона от 21.07.2005 № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» [5], существенно изменившего выборное законодательство в нашей стране.

Указанные выше примеры изменений федерального законодательства по вопросам, связанным с выборами различных уровней в нашей стране, являются причиной необходимости внесения соответствующих изменений во многие нормативные правовые акты как регионального, так и местного уровней.

Если продолжить рассмотрение в качестве примера Ростовскую область, то все изменения федеральных законов, приведенные выше, потребовали внесения корректировок не только в Закон о выборах депутатов, но и в областные нормативные правовые акты, определяющие статус депутатов, регулирующих вопросы, связанные с Законодательным собранием области, выборами и установлением статусов органов местного самоуправления. Некоторые изменения потребовали вмешательства и в текст Устава Ростовской области.

В сентябре 2009 г. Законодательным собранием Ростовской области были разработаны и утверждены проекты законов, направленные на приведение всех указанных выше выборных областных законов. Причиной этого послужило принятие Федерального закона от 19.07.2009 № 203-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах в части предоставления эфирного времени и печатной площади для проведения предвыборной агитации» [6]. Данным Законом термин «бесплатно», использованный в законодательстве РФ о выборах и референдумах, был заменен понятием «безвозмездно».

Например, ст. 38 Областного закона Ростовской области от 28.12.2005 № 429-ЗС «О выборах глав муниципальных образований в Ростовской области» [7] (далее — Закон о выборах глав муниципальных образований), посвященная условиям проведения предвыборной агитации на телевидении и радио, самостоятельных, т. е. отличных от установленных федеральным законодательством правовых норм, также подверглась из-

менениям, поскольку содержала перешедший из соответствующих (продублированных) положений Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об общих гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8] (далее — Закон о гарантиях избирательных прав) термин «бесплатное эфирное время». К слову, до внесения указанных изменений Закон о выборах глав муниципальных образований корректировался десять раз.

Таким образом, любое, даже незначительное изменение федерального законодательства, требует разработки и принятия нормативных правовых актов регионального уровня, направленных на приведение законодательства субъектов РФ в соответствие (в указанных выше примерах принятие любого из федеральных законов требует подготовки пакета документов из пятидесяти законов регионального уровня), причем данная работа проводится не только во взятой в качестве примера Ростовской области, но и во всех субъектах РФ.

Зачастую это многостраничные документы, не всегда выполненные в полном соответствии с требованиями действующего законодательства или правилами юридической техники, на которые необходимо проводить полноценную юридическую экспертизу. Иногда в ходе проведения экспертизы выявляются нарушения (желание разработчиков проектов нормативных правовых актов субъектов РФ изобразить «оригинальный» подход в формулировании уже установленных на федеральном уровне правовых норм может приводить к различным противоречиям, несогласованным положениям), запускается процедура исправления текста проекта нормативного правового акта в целях недопущения бракованных норм в принимаемые акты. В ней участвуют многие должностные лица и структурные подразделения разработчиков проекта, а также привлекаются иные органы власти и организации.

Структура и содержание современного российского законодательства, регулирующего практически любую сферу общественных отношений, отнесенных Конституцией к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, содержат как обязательные для реализации на региональном уровне вопросы, так и возможные для их урегулирования нормативными правовыми актами субъектов РФ. Полномочия, отнесенные к первой группе, органам государственной власти субъектов необходимо реализовывать путем принятия соответствующих нормативных актов или включения определенных положений в уже действующие законы или подзаконные акты. Игнорирование регио-

нальными органами власти норм федерального законодательства, содержащего подобные требования об обязательном урегулировании каких-либо положений на уровне субъекта РФ, является нарушением законодательства, способным ущемить права граждан, проживающих на территории республики, края, области или иного субъекта РФ.

Однако такие нормы в разных кодексах, федеральных законах или подзаконных актах носят единичный характер, основная масса положений федерального законодательства по вопросам совместного ведения, допускающих правовое регулирование на уровне субъектов РФ, носит или рекомендательный характер, или возможный.

В первом случае на уровне субъекта РФ необходимо, например, установить какой-либо порядок или правила, которые должны предусматривать индивидуальные особенности данного региона, во втором — уже установленные федеральным актом порядок или правила требуют лишь регламентации их реализации на уровне конкретного субъекта РФ либо, например, определения органа государственной власти данного региона, в обязанности которого должна входить их реализация.

Другой пример конструирования правовых норм возьмем из практики реализации ст. 14 и 36 Закона о гарантиях избирательных прав. В соответствии с п. 3 ст. 14 данного Закона количественный состав инициативной группы по проведению референдума субъекта РФ, местного референдума устанавливается законом субъекта РФ. Согласно п. 1 ст. 36 Закона о гарантиях избирательных прав каждый гражданин РФ или группа граждан, имеющих право на участие в соответствующем референдуме, вправе образовать инициативную группу в составе не менее 20 человек для выдвижения инициативы проведения референдума и не менее десяти человек — для выдвижения инициативы проведения местного референдума.

В данном случае законом субъекта РФ необходимо устанавливать минимальный состав инициативных групп референдумов, однако за основу можно взять параметры, определенные Законом о гарантиях избирательных прав. Так, в Областном законе Ростовской области от 19.05.2006 № 482-ЗС «Об областном референдуме» [9] (далее — Закон об областном референдуме) инициативная группа по проведению референдума определяется в количестве не менее 20 человек, а в Областном законе Ростовской области от 19.05.2006 № 483-ЗС «О местном референдуме в Ростовской области» [10] — не менее десяти человек.

При этом оба областных закона не создали отсылочных норм на федеральное законодатель-

ство, а полностью продублировали нормы, установленные Законом о гарантиях избирательных прав.

Такое формулирование положений регионального законодательства неизбежно потребует внесения соответствующих корректировок в случае, если в указанные нормы Закона о гарантиях избирательных прав будут внесены изменения, хотя пример иного конструирования текста нормативного правового акта субъекта РФ, исключающего в будущем необходимость его изменения, есть и в Законе об областном референдуме. Так, в ст. 1 Закона об областном референдуме определено, что в данном нормативном правовом акте используются основные понятия и термины, предусмотренные ст. 2 Закона об основных гарантиях, хотя многие законы и подзаконные акты как Ростовской области, так и других субъектов РФ содержат понятия, термины, определения, уже установленные или определенные на федеральном уровне, и их дублирование требует постоянного внесения изменений в региональные акты, поскольку они могут корректироваться или уточняться нормотворцами РФ.

На основе приведенных выше примеров формулирования положений нормативных правовых актов Ростовской области, характерных, как уже было сказано выше, для всех без исключения субъектов РФ, а также муниципального нормотворчества можно сделать следующие выводы.

Желая выстроить правовую систему в условиях федеративного государства, необходимо выработать механизмы обеспечения единства нормативного регулирования, способного обеспечивать права граждан в любом субъекте и муниципальном образовании страны. Наличие или отсутствие каких-либо правовых норм должно быть обусловлено всей системой действующего законодательства.

Законодательное установление правил нормотворческой деятельности, предусматривающих возможность дублирования существующих норм только в исключительных случаях, с четким определением условий воспроизведения нижестоящими актами положений нормативных актов, имеющих большую юридическую силу, способно значительно сократить действующую в стране нормативную базу, облегчив информированность правоприменителей, исключить необходимость корректировки нижестоящих актов в связи с изменением вышестоящего законодательства, освободив от этой работы немалые силы юридических служб органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований, применив их знания и умения для решения более значимых задач.

1. См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 136, 137.
2. См.: Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
3. См.: Наше время. 2006. № 179—182.
4. См.: Там же. 2003. № 145—148.
5. См.: СЗ РФ. 2005. № 30 (Ч. 1). Ст. 3104.
6. См.: Там же. 2009. № 29. Ст. 3640.
7. См.: Наше время 2005. № 344—348.
8. См.: РГ. 2002. № 106.
9. См.: Наше время. 2006. № 129—136.
10. См.: Там же.

Некоторые вопросы признания прекращения трудового договора незаконным

Issues of Illegal Termination of Employment Contract

В представленной статье рассматриваются отдельные аспекты вопроса о незаконном или необоснованном (неправомерном) прекращении трудового договора. В частности, высказывается мнение относительно значений, в которых следует рассматривать незаконное увольнение, основных групп причин (обстоятельств), приводящих к неправомерности или незаконности прекращения трудового договора, понятия указанного увольнения, отдельных путей развития соответствующего правового регулирования. При этом автор ограничивается только нормами и сферой трудового права.

Трудовой договор; незаконное или неправомерное прекращение; незаконное увольнение

The present article deals with individual aspects of illegal or groundless termination of an employment contract. The author, in particular, expresses an opinion concerning the terms to consider a wrongful dismissal, the basic groups of grounds (circumstances) which may lead to wrongful or illegal termination of an employment contract, concepts of the specified dismissal, certain ways of the corresponding legal regulation development. The author considers the matter within the norms and spheres of employment law.

Employment contract; illegal or wrongful termination; wrongful dismissal

В российских законодательных и иных актах о труде, начиная с ТК [1], не дано определения незаконного или необоснованного (неправомерного) прекращения трудового договора. Более того, в них четко не выделены также обстоятельства, которые могут послужить основанием для признания увольнения незаконным, как, впрочем, надлежащим образом не регламентирован и ряд тесно связанных с этой проблемой аспектов. Не исправляет ситуации и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [2] (далее — постановление о применении ТК).

И это несмотря на то что данный вопрос — один из важнейших в трудовом праве. В связи с этим остановимся на отдельных аспектах, в которых следует рассматривать незаконное увольнение; основных группах причин (или обстоятельств), приводящих к неправомерности или незаконности прекращения трудового договора; понятию указанного увольнения; некоторых путях развития соответствующего правового регулирования. При этом мы ограничимся только нормами и вопросами сферы трудового права.

Прекращение трудового договора может быть признано незаконным или необоснованным, как правило, только в результате решения компе-

тентного юрисдикционного органа (чаще всего судебного). Если, например, работник считает, что его уволили необоснованно, то это вовсе не означает, что прекращение трудового договора с ним является незаконным, ведь налицо субъективное мнение человека, не имеющее юридического значения.

В принципе только решение компетентного юрисдикционного органа (прежде всего судебного) порождает соответствующие правовые последствия.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Например, ст. 394 ТК, которая более или менее относится к рассматриваемым видам увольнения и их правовым последствиям, адресована органам по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, прежде всего судам. В силу ст. 382 ТК индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами. Правда, первые из них не могут решать вопросы о правомерности прекращения трудового договора. Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 383 ТК особенности рассмотрения указанных споров отдельных категорий работников устанавливаются ТК и иными федеральными законами. При этом некоторые из таких актов определяют и иные органы (помимо перечисленных в ст. 382 ТК), которые могут признавать увольнения соответствующих категорий работников незаконными (см., например, п. 4 ст. 40 и п. 3 ст. 40.1 Закона РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3]).

Однако подобных нормативных правовых актов (как и органов, и самих категорий работников с трудовым договором) мало, а компетенция иных указанных юрисдикционных органов в области незаконных увольнений несколько хуже, чем у судов, что видно из содержания той же ст. 394 ТК.

Федеральная инспекция труда и ее органы в силу действующего законодательства (в частности, ТК) к таковым не относятся. В то же время государственные инспекторы труда наделены широкими полномочиями. Согласно ст. 357 ТК они вправе предъявлять работодателям и их представителям обязательные для исполнения предписания как об устранении нарушений трудового законодательства (иных актов о труде), так и о восстановлении нарушенных прав работников. Следовательно, инспекторы фактически могут признавать увольнения незаконными с определенными вытекающими последствиями, которые, кстати, четко для данных должностных лиц не регламентированы.

На возникающий при этом вопрос о полноте процессуальной власти при признании прекра-

шения трудового договора незаконным (по сравнению с теми же судебными органами) однозначно ответить сложно, хотя юридически напрашивается отрицательный ответ. Сказанное относится и к деятельности некоторых других органов государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства.

Следует иметь в виду, что и сами работодатели (руководители организаций) вправе по собственной инициативе признать то или иное прекращение трудового договора необоснованным. Однако такие случаи единичны. Здесь многое решается доброй волей работодателя и соглашением сторон.

Незаконным увольнением может быть и такое прекращение трудового договора, которое не дошло до юрисдикционного органа и не закончилось восстановлением на работе, а также наступлением других правовых последствий. Кстати, подобных случаев в действительности немало. Правда, здесь налицо в основном чья-либо субъективная оценка факта неправомерности увольнения, хотя встречаются факты бесспорного нарушения закона, например расторжение трудового договора с работником — членом профсоюза без учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ч. 2 ст. 82 ТК).

Можно долго рассуждать о том, считать или нет подобные увольнения незаконными, поскольку такую оценку им не дал юрисдикционный (прежде всего судебный) орган. Он назвал рассматриваемые случаи мягче — увольнениями с нарушением тех или иных установленных правил.

Однако все это относительно. Просто такое увольнение не получит своего законченного выражения — оценки судом (иным органом) как неправомерного или незаконного с вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Иными словами, неправомерное увольнение — категория неоднозначная. Многое здесь зависит от смысла, который вкладывается в это понятие. В рамках настоящей статьи мы в основном ориентируемся на случаи признания прекращения трудового договора незаконным судебными органами со всеми установленными законодательством (иными актами) правовыми последствиями и главным образом через призму ст. 394 ТК.

Под этим углом зрения незаконное увольнение следует рассматривать в нескольких аспектах:

1) *узком* — когда увольнение связано только с обязанностью работодателя восстановить уволенного на работе (например, ч. 1 ст. 394 ТК);

2) *смешанном* — при котором к первому аспекту добавляются также случаи, когда окон-

чательное решение о целесообразности вернуться на работу в силу закона принимает уволенный работник (в частности, ч. 3 и 4 ст. 394 ТК). Получается, последний вправе либо получить только компенсации при незаконном увольнении, либо изменить формулировку основания увольнения на прекращение трудового договора по инициативе работника;

3) *широком* — когда (в добавление к двум названным аспектам) суд также меняет только основание и причину увольнения (вследствие признания их неправильными или не соответствующими закону) без восстановления уволенного на работе (ч. 5 ст. 394 ТК).

Какие причины или обстоятельства позволяют то или иное прекращение трудового договора признать таковым? Исходя из анализа ТК (ст. 394 и др.) и соответствующих пунктов постановления о применении ТК, их можно свести к пяти группам (при этом подразумевается и сам юридический акт прекращения трудового договора):

1) увольнение по основаниям, не предусмотренным в ТК, других федеральных законах, самих трудовых договорах;

2) прекращение трудового договора в случаях, когда фактические условия и обстоятельства были, но работодатель выбрал неверную причину для увольнения, иными словами, перепутал основание расторжения трудового договора;

3) основание увольнения предполагает свои условия, при которых оно может применяться. Их несоблюдение может привести к признанию увольнения незаконным.

Под условиями правомерности увольнения по конкретному основанию прекращения трудового договора следует понимать фактические и юридические обстоятельства, входящие в содержание самого основания или подразумеваемые законодателем (сторонами трудового договора) в основании, указанном в ТК, федеральном законе и т. д.

К сожалению, в некоторых основаниях условия правомерности (как и порядок прекращения трудового договора), даже закрепленные в ТК, либо четко не регламентированы, либо настолько слиты, что их нужно рассматривать только вместе, либо порядок увольнения вовсе не выделяется законодателем (сторонами трудового договора);

4) нарушение порядка увольнения. Сюда включены также гарантии при прекращении трудового договора по конкретному основанию. Но существуют еще гарантии общего характера, установленные для отдельных групп (категорий) увольнений и работников (например, ч. 1 ст. 261 ТК), которые вообще запрещают определенные уволь-

нения (или устанавливают дополнительные преграды при увольнении в интересах работника). Их несоблюдение также является одной из причин признания увольнения незаконным.

Под порядком увольнения обычно подразумевают правила прекращения трудового договора по конкретному основанию, если они специально установлены законодателем (или самими сторонами трудового договора). Это порядок увольнения в собственном (узком) значении. Чуть ранее отмечалось, что он выделен не для всех оснований (например, по п. 1 и 4 ч. 1 ст. 83 ТК).

Отдельного исследования требует вопрос о соотношении порядка увольнения и соответствующих гарантий при этом (если даже последние трактовать по ч. 1 ст. 164 ТК, т. е. упрощенно). Данные категории не так просто разграничить, ведь порядок сокращения складывается из определенных гарантий. Однако существуют также гарантии, которые не вписываются в сам порядок увольнения по конкретному основанию.

Если взглянуть на всю цепочку процесса законного или правомерного прекращения трудового договора, его завершение, то нельзя отбрасывать тесно связанные с порядком увольнения и соответствующими гарантиями вопросы его оформления, включая ведение и выдачу трудовых книжек, выплату выходного пособия (компенсаций при увольнении).

Вот почему порядок увольнения нередко трактуют в широком значении, относя к нему не только оформление прекращения трудового договора, но и иные элементы указанного процесса. Насколько это правильно, сказать сложно хотя бы потому, что понятие «порядок увольнения» официально нигде не расшифровано. Не установлены и его границы.

Кроме того, не все ясно и с термином «оформление увольнения», который занимает в завершающей фазе прекращения трудового договора значительное место.

Если исходить из содержания ст. 84.1 ТК, то общий порядок оформления прекращения трудового договора начинается с издания приказа (распоряжения) об этом и заканчивается внесением записи в трудовую книжку, ее выдачей. Выплату выходного пособия в оформление увольнения законодатель не включает.

Нет сомнений, что оформление увольнения и другие элементы завершающей стадии процесса прекращения трудового договора неотделимы от самого понимания законности увольнения. В принципе нарушение одного из указанных элементов ведет к неправомерности соответствующего увольнения — такова логика. Однако при

отсутствии надлежащей правовой регламентации суть незаконного увольнения во многом предопределяется тем смыслом, который вкладывается в это понятие или словосочетание.

В настоящей работе трактовка указанного увольнения во многом замыкается на ст. 394 ТК, где содержатся отдельные нормы о правовых последствиях незаконного увольнения (за неимением другого исходного законодательного материала). Статья 84.1 ТК состыковывается со ст. 394 ТК только в одном случае: при признании формулировки основания и (или) причины увольнения неправильной или несоответствующей закону (см. ч. 5 ст. 84.1 и ч. 5, 8 ст. 394 ТК), ведь при изменении формулировки и (или) причины увольнения по ч. 5 ст. 394 ТК, по сути, признается незаконной прежняя формулировка.

Таким образом, не всякое нарушение оформления увольнения (как и других элементов его завершающей стадии) ведет к признанию самого увольнения незаконным через призму правовых последствий, установленных законодателем в ст. 394 ТК. Данная норма указывает только на один случай. Вот почему в число основных групп причин (обстоятельств), которые могут привести к признанию увольнения незаконным, не включены нарушения правил оформления увольнения и выплаты выходного пособия (компенсаций при увольнении);

5) субъективные действия юрисдикционных судебных органов.

Действительно, многое в этой сфере субъективно хотя бы потому, что решение о признании того или иного увольнения обоснованным и законным принимают люди — судьи, государственные инспекторы труда, сами работодатели (руководители организаций), которым свойственно ошибаться. Но это, на наш взгляд, проблема отдельная, комплексная и не только правовая.

Между тем постановление о применении ТК предоставляет судам легальную основу для признания тех или иных увольнений незаконными и наоборот. Речь идет о так называемых дисциплинарных увольнениях (ч. 3 ст. 192 ТК) в п. 53 и соблюдении при всех увольнениях общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом (п. 27). При этом при оценке правомерности первых из них Пленум Верховного Суда РФ значительно вышел за рамки ч. 5 ст. 192 ТК, приняв на себя функции и законодателя. Общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом в основном имеет отношение только к работнику, так как если правом злоупотребит работодатель, то это нарушение им основания, условий правомерности увольнения по нему или порядка

прекращения трудового договора. Но и в отношении работника разъяснения не совсем понятны и конкретны.

Таким образом, *незаконное увольнение* — это признанное таковым соответствующим юрисдикционным (судебным) органом прекращение трудового договора по причинам нарушений самого основания, условий его правомерности, порядка, соответствующих гарантий, а также по другим обстоятельствам, которые оценивает указанный орган, и влекущее за собой определенные правовые последствия.

Единого основания для признания увольнения незаконным либо для недопущения такового нет: в одном ТК их около 47, но есть и иные федеральные законы, уставы о дисциплине, трудовые договоры. Конечно, остается главное правило недопущения незаконного увольнения: не надо нарушать основания прекращения трудового договора, условий его правомерности, порядка, гарантий и т. д.

Нельзя сказать, что условия правомерности и порядок прекращения трудового договора по всем основаниям (даже перечисленным в ТК) достаточно четко регламентированы. Нет отчетливых границ между атрибутами законности (или незаконности) увольнения: условиями правомерности, порядком, гарантиями, оформлением и др. Не всегда (и не по всем основаниям) на помощь могут прийти разъяснения, содержащиеся в постановлении о применении ТК. Что касается решения вопроса о законности увольнения по основанию, предусмотренному в трудовом договоре, то здесь зачастую приходится только гадать.

Коротко остановимся на некоторых точках зрения, касающихся вопроса о незаконных увольнениях, тем более что приводимые позиции в одном совпадают между собой и с предложенной нами, а в другом различаются. Это вполне объяснимо: тождества в столь сложном вопросе при отсутствии надлежащей правовой регламентации быть не может.

Так, Е. В. Воробьева к незаконным относит увольнения: 1) произведенные по основаниям, не предусмотренным ТК или иным федеральным законом; 2) осуществленные с нарушением установленного порядка увольнения; 3) когда избранная работодателем формулировка причины увольнения не отвечает фактическим обстоятельствам; 4) если работнику не предоставлены гарантии, предусмотренные действующим законодательством [4].

А. В. Французова считает, что прекращение трудового договора (увольнение работника) будет являться правомерным при наличии одновременно следующих условий: а) основание прекращения трудового договора указано в законе или

трудовом договоре (для некоторых категорий работников); б) в полной мере учтен установленный порядок прекращения трудового договора по данному основанию; в) имеется юридический акт прекращения трудового договора; г) в отношении работника соблюдены все гарантии и предоставлены компенсации, предусмотренные для лиц, увольняющихся по данному основанию [5].

По мнению И. А. Костян [6], для оценки законности прекращения трудового договора и увольнения работника необходимо учитывать три условия: во-первых, увольнение должно быть обоснованным; во-вторых, произведено с соблюдением процедуры, установленной ТК, иными федеральными законами для отдельных категорий работников; в-третьих, оформлено надлежащим образом.

При этом под обоснованным увольнением следует понимать такое сокращение, которое произведено по основаниям:

- предусмотренным ТК (или иными федеральными законами, устанавливающими дополнительные основания прекращения трудового договора с отдельными категориями работников);
- соответствующим фактическим обстоятельствам.

Автор использует термин «процедура прекращения трудового договора» и полагает, что требования законодателя к ней можно условно разделить на три группы: а) общие (см., например, ст. 140 ТК); б) дополнительные (это гарантии для отдельных категорий работников — ст. 261, 269 ТК); в) специальные (требования, установленные к процедуре по отдельным основаниям прекращения трудового договора, либо установленные иными федеральными законами к процедуре увольнения отдельных категорий работников).

Не вдаваясь в подробности и детали приведенных высказываний, подчеркнем: к сожалению, сегодня отсутствует надлежащая правовая база, регламентирующая незаконные виды увольнения. Отсюда возникает вопрос: как правильно называть прекращение трудового договора — процедурой или порядком? Хотя в ст. 394 ТК и в постановлении о применении ТК (в частности,

в п. 60) фигурирует второй вариант. Спорным может показаться при оценке законности и правомерности увольнения (признании его незаконным) утверждение относительно необходимости надлежащего его производства, расчета в сроки, установленные в ст. 140 ТК, предоставления установленных компенсаций и т. д.

Необходимость в совершенствовании законодательной базы в этом направлении назрела. На наш взгляд, в ТК целесообразно:

1) включить одну или несколько статей, посвященных рассматриваемым увольнениям (и, может быть, с понятийным аппаратом); сформулировать легальное понятие самого увольнения; привести если не критерии, то хотя бы причины или обстоятельства, которые позволяют то или иное прекращение трудового договора считать незаконным; регламентировать некоторые другие аспекты данного увольнения. Предлагаемые нормы можно поместить в конце гл. 13 «Прекращение трудового договора» или в гл. 60 «Рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров» ТК (рядом со ст. 394);

2) более тесно увязать незаконное увольнение с правовыми последствиями такого прекращения трудового договора и прежде всего с восстановлением на работе;

3) усовершенствовать, конкретизировать и расшифровать нынешнюю редакцию ст. 394 ТК. Она не совсем удачна и затрагивает далеко не все правовые последствия незаконного увольнения;

4) четко определиться с местом и полномочиями Федеральной инспекции труда, некоторых других органов государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства (иных актов о труде) при решении рассматриваемого вопроса.

В пересмотре также нуждаются уже упоминавшиеся п. 53 и 27 постановления о применении ТК в части предоставления судам широких полномочий при оценке законности дисциплинарных увольнений и односторонней направленности не совсем понятного разъяснения относительно применения принципа недопустимости злоупотребления правом.

1. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // РГ. 2001. № 256.

2. См.: БВС. 2007. № 3.

3. См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

4. См.: Воробьева Е. В. Как грамотно уволить и уволиться. М., 2007. С. 269.

5. См.: Французова Л. В. Увольняем без проблем и последствий. М., 2007. С. 25.

6. См.: Костян И. А. Прекращение трудового договора. М., 2004. С. 12, 19—21 и др.

УДК 349.2

В. Ф. Цитульский
V. F. Tsitulsky

Основные тенденции в сфере правового регулирования оплаты труда в России на современном этапе

Major Trends in the Field of Legal Regulations Payment for Labor in Russia in Present

В статье рассматриваются проблемы в сфере оплаты труда бюджетников в современной России, возникшие после реформы 2008 г.

Основное предложение автора: в целях повышения социальных гарантий законодательно закрепить дополнительные выплаты работникам бюджетной сферы.

Трудовое право РФ; заработная плата

The article analyzes the main problems in the payment for the labour's field of public sector workers in modern Russia, that arose after the reform in 2008 year.

The main proposal of the author: to improve the social protection for employees to legislate additional payments to public sector workers.

Labor law of the Russian Federation; wages

Зарботную плату как экономическую и правовую категории следует рассматривать в двух аспектах: как оплату труда работников бюджетной сферы, а также работников муниципальных учреждений, труд которых оплачивается из местных бюджетов, и как заработную плату всех остальных трудящихся, работающих в различных организационно-правовых формах применения наемного труда. Поэтому целесообразно начать исследование проблемы оплаты труда на современном этапе именно с работников бюджетной сферы, поскольку государство относительно этой категории трудящихся выступает в качестве работодателя, а следовательно, обязано гарантировать стабильную зарплату бюджетникам.

Так, Федеральным законом от 30.06.2006 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не дей-

ствующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [1] были внесены многочисленные изменения и дополнения в ТК [2]. В частности, ст. 144 ТК была полностью изменена. Согласно новой редакции указанной статьи Правительство РФ может устанавливать базовые оклады (базовые должностные оклады) и базовые ставки заработной платы по профессиональным квалификационным группам работников.

Зарботная плата работников государственных и муниципальных учреждений не может быть ниже установленных Правительством РФ базовых окладов (базовых должностных окладов), базовых ставок заработной платы соответствующих профессиональных квалификационных групп работников.

Согласно постановлению Правительства РФ от 22.09.2007 [3] предусмотрена отмена до 31 декабря 2008 г. 18-разрядной ЕТС в связи с переходом на отраслевые системы оплаты труда.

В этой связи следует особо отметить, что ЕТС была введена в действие с 1 декабря 1992 г. Ее применение являлось обязательным для всех учреждений и организаций, находящихся на бюджетном финансировании. В соответствии с ЕТС с 1-го по 9-й разряд тарифицировались рабочие, с 10-го по 18-й — руководители. Должности, имеющие отраслевую специфику (культура и искусство, наука и научное обслуживание, образование, здравоохранение и социальная защита населения и т. д.), были разделены на профессиональные категории (например, «артистический и художественный персонал», «редакторский персонал», «младший и средний медицинский персонал», «педагогический персонал» и т. п.), а также на руководителей и специалистов. По каждой должности, как правило, было предусмотрено несколько разрядов. Например, бухгалтер имел с 5-го по 11-й разряды, инженер — с 6-го по 11-й, юрисконсульт — с 6-го по 11-й, научные сотрудники — с 8-го по 17-й, учителя всех специальностей — с 7-го по 14-й, врачи различных специальностей — с 8-го по 15-й, руководители предприятий, учреждений, организаций — с 10-го по 18-й и т. п. Тарификация работника, т. е. определение разряда оплаты труда по ЕТС, производилась на основании аттестации. Присвоенный по ее результатам разряд заносился в трудовую книжку работника.

После отмены ЕТС, ровно 16 лет регулировавшей порядок оплаты труда бюджетников, последней гарантией в сфере оплаты труда не только работников бюджетной сферы, но и всех российских трудящихся, остается МРОТ, составляющий с 1 января 2009 г. 4 330 руб. Для бюджетников могут устанавливаться руководителем организации (учреждения) надбавки, доплаты, премиальные и прочие выплаты стимулирующего характера.

Основное целевое назначение надбавок, устанавливаемых за профессиональное мастерство, длительный непрерывный стаж работы, высокую квалификацию, выполнение особо важных работ, а также за классность, знание иностранного языка, ученую степень и ученое звание

и др., заключается в стимулировании работников к повышению деловой квалификации и росту уровня профессионального мастерства, сокращению текучести кадров в ряде местностей, а также в той или иной сфере производственной деятельности. С помощью доплат чаще всего компенсируется повышенная интенсивность труда (доплата за совмещение профессий, должностей, руководство бригадой, звеном) или труд, отклоняющийся от нормальных условий (доплата за вредные условия труда, работу в многосменном режиме и др.).

Премии могут выплачиваться при достижении результатов в работе, превышающих те, за которые оплата производится по основным системам заработной платы, т. е. сдельной и повременной. Премии по премиальной системе следует отличать от тех, которые не обусловлены данной системой. В первом случае их начисляют при выполнении показателей премирования в соответствии с важнейшим локальным нормативным правовым актом — Положением о премировании, во втором — премия становится мерой поощрения, применение которой является правом, а не обязанностью работодателя.

Поэтому особо следует подчеркнуть, что с отменой ЕТС гарантируется всем бюджетникам со стороны государства только лишь МРОТ, а иные дополнительные выплаты являются прерогативой работодателя, который в лице руководителя организации (учреждения) вправе сам определять, кому из подчиненных устанавливать дополнительные выплаты, если иное не закреплено в коллективном договоре, который в бюджетных организациях (учреждениях), как показывает практика, заключается крайне редко.

Таким образом, проведенное реформирование оплаты труда работников бюджетной сферы повлекло за собой очередной виток обнищания около 15 млн российских бюджетников. Поэтому необходимо на законодательном уровне привести МРОТ в полное соответствие со ст. 133 ТК, согласно которой МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума трудоспособного человека, а также закрепить в ТК гарантии дополнительных выплат бюджетникам исходя из квалификации работника, занимаемой им должности, стажа работы по специальности и других важнейших профессиональных характеристик.

1. См.: СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2878.

2. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // РФ. 2001. № 256.

3. См.: РФ. 2007. № 220.

Проблемы в законодательстве как угроза финансовой безопасности страны

Gaps in the Law as a Threat to Financial Security

В статье исследуется правовая основа противодействия преступности в финансовой сфере, выявлены угрозы национальной финансовой системе, провоцируемые преступной деятельностью в сфере трансграничных переводов.

Пробелы в законодательстве; финансовая безопасность; угрозы безопасности; банки; финансово-кредитная сфера

In article the legal basis of counteraction of criminality in financial sphere is investigated, the threats to a national financial system provoked by criminal activity in sphere of cross-border transfers come to light.

Gaps in the legislation; financial security; security threats; banks; financial and credit sphere

Обеспечение финансовой безопасности государства является важной задачей для многих стран, особенно в условиях финансового кризиса. В Современном экономическом словаре финансовая безопасность определяется как «создание условий устойчивого, надежного функционирования финансовой системы страны, государства, региона, предотвращающих возникновение финансового кризиса, дефолта, деструкцию финансовых потоков, сбои в обеспечении основных участников экономической деятельности финансовыми ресурсами, нарушение стабильности денежного обращения» [1].

Исследованию данной темы посвящены работы не только отечественных, но и зарубежных экономистов, среди которых: Л. И. Абалкин, С. А. Асалиева, К. Л. Астапов, Э. Аткинсон, С. А. Афонцев, П. Я. Бакланов, Е. В. Балацкий, В. В. Бурцев, С. Ю. Глазьев, А. Н. Илларионов, Д. Кидуэлл, Г. В. Коржон, Г. М. Лонская, Г. Молл,

Г. Моргентау, К. Мюрдох, А. Г. Немцов, Г. В. Новиков, Е. А. Олейников, Р. Петерсон, А. А. Прокожев, Д. Риккардо, В. К. Сенчагов, А. В. Третьяк, Г. Ю. Трофимов, Дж. Фергюссон, Г. Г. Фетисов, Е. Г. Ясин и др. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных финансовой безопасности, в этой сфере остается немало нерешенных вопросов. Один из них — влияние пробелов в законодательстве на финансовую безопасность страны.

Актуальность борьбы с правовым вакуумом продиктована назревшей необходимостью совершенствования национальных систем финансового мониторинга, в том числе работы финансовых посредников, а также размахом деятельности преступников, использующих пробелы законодательства.

В юридической науке принято считать, что пробел в праве представляет собой полное или частичное отсутствие в источниках права норм, принципов, идей, необходимых для профессиональ-

ной юридической оценки фактов и связей, возникших или способных возникнуть в такой сфере общественных отношений, которая входит или должна входить в сферу правового регулирования (в силу действующих в обществе экономических, социальных, политических и иных отношений) [2].

Одни авторы (В. И. Акимов, В. К. Забигаило, И. В. Михайловский, П. Е. Недбайло и др.) утверждают, что пробелы в праве есть не что иное, как недостатки в законодательстве [3], другие (С. И. Вильнянский, В. В. Лазарев и пр.) называют пробелами не только отсутствие соответствующих норм в законодательстве, но и существование определенных групп общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации, правда еще не попавших в зону внимания законодателя.

Специалисты так называемого умеренного подхода, напротив, сознательно разделяют понятия «пробел в праве» и «пробел в законе» и стремятся ограничить сферу общественных отношений, подлежащих правовому регулированию (Э. Ш. Кемулария, А. С. Пиголкина, О. Э. Лейст и др.) [4].

В конкретной юридической практике вопрос о наличии пробела в праве можно ставить только в случае, когда в процессе столкновения определенных интересов (личных или общественных) возникла необходимость юридической квалификации спорной ситуации (факта, отношения), причем если данная необходимость охватывается профессиональным юридическим правосознанием.

В юридической литературе признаками наличия пробела в праве считаются:

- факт вхождения конкретной спорной ситуации в сферу общественных отношений, подлежащих правовому регулированию;

- невозможность однозначного разрешения данной ситуации с помощью действующих правовых норм;

- необходимость профессиональной юридической оценки спора [5].

При классификации пробелов в научных работах обычно выделяют:

- правовой вакуум (обусловлен неучтенностью той или иной ситуации при разработке закона, возникновением новых общественных отношений после издания конкретного закона);

- неполноту правовой нормы (выражается в неурегулированности порядка применения закона, наличии отсылки к непринятым актам и т. п.);

- квалифицированный пробел (правовая ситуация, возникающая в случае формального действия правовой нормы, создающей препятствие на пути обычной хозяйственной практики), который не может быть восполнен на основании судебного решения;

- условный (коллизийный) пробел, вызванный противоречивостью правовых норм [6].

Рассмотрим пробелы, существующие в законодательстве РФ и представляющие угрозу финансовой безопасности государства.

Нередко на практике как физическим, так и юридическим лицам приходится сталкиваться с недостаточностью правового регулирования деятельности платежных систем, особенно альтернативных.

Современное состояние мировой экономики характеризуется все более возрастающим влиянием международных (глобальных) банков, банковских групп, финансовых холдингов. Так, по мнению руководителя Института банковского управления США К. Скиннера, за последние пять лет финансово-кредитная отрасль изменилась больше, чем за предыдущие 50 [7]. Это связано с использованием новейших достижений науки и техники, в том числе электронных форм проведения расчетов и платежей.

Бурное развитие информационных технологий и их широкое использование банками привело к появлению такого понятия, как «электронный перевод денежных средств» (EFT — Electronic funds transfer). Чем сильнее экономика зависит от информационных технологий, тем больше специальных предметных нормативных правовых актов требуется. В настоящее время действует Правовое руководство по электронному переводу денежных средств, принятое Комиссией ООН по праву международной торговли в 1987 г.

Главным международным оператором услуг электронного обмена финансовыми сообщениями является Сообщество международных интербанковских финансовых телекоммуникаций (SWIFT — Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication), созданное в 1973 г. 239 банками из 15 стран в форме акционерного общества бельгийского права. Цель его деятельности — обеспечение надежного и безопасного электронного обмена стандартизированными финансовыми сообщениями, основное место среди которых занимают переводы денежных средств (50,3 %). На начало 2009 г. пользователями SWIFT являлись 8 542 организации из 209 стран с объемом передаваемых финансовых сообщений почти 2 млрд в год (15 млн в день) [8].

В условиях роста зависимости каждого из нас от информации, циркулирующей в глобальных компьютерных сетях, развития сетевых технологий появилась так называемая киберпреступность. Юридически данный термин российским законодателем не зафиксирован, но в научной литературе он используется для определения преступности в виртуальном пространстве, где содержатся сведения о лицах, предметах, фактах, событи-

ях, явлениях и процессах, представленных в локальных и глобальных сетях. Первым юридическим актом, в котором дана оценка значения киберпреступности, стало решение Конвенции о киберпреступности, проведенной Советом Европы 23 ноября 2001 г., в которой сделана попытка координировать действия правоохранительных органов на международном и национальном уровнях по недопущению несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем [9].

Конечная цель многих преступников в современных условиях — получение дохода с помощью информационных технологий. Особое беспокойство криминалистов вызывает такая разновидность сетевого мошенничества, как фишинг, при котором пользователей заманивают на фальшивые сайты в целях получения доступа к данным их платежных карт и хищения денежных средств. Техника фишинга была подробно описана в 1987 г., а сам термин появился 2 января 1996 г. в новостной группе alt.online-service.America-Online сети Usenet. На начальном этапе фишинг-атаки были направлены на орфографическое содержание электронной почты и (или) грамматические ошибки. Сегодня целью фишеров являются клиенты банков и электронных платежных систем.

Следующим этапом совершенствования способа преступления стал фарминг (перенаправление на ложный IP-адрес), цель которого — получение персональных данных клиентов платежных систем. В отличие от фишинга в фарминге атака преследует цель перенаправления трафика к веб-сайту в другое место. Таким образом, механизм перенаправления активизируется, когда пользователь набирает адрес, соответствующий его банку, и попадает на один из ложных сайтов. Для этого используется некая навигационная структура (файл hosts, DNS — Domain Name System, система доменных имен). Интересно, что фишинг не может быть осуществлен без участия определенного числа лиц.

В 2007 г. в Германии зарегистрировано более 3,5 тыс. случаев фишинга. Возросли и суммы похищенных денежных средств: если в 2006 г. в среднем они составляли от 2 до 3 тыс. евро, то в 2007 г. — увеличились до 4—6 тыс. евро [10].

Какова правовая основа противодействия такого рода преступности?

Законодательная и нормативная база, регулирующая данную сферу общественных отношений, — совокупность норм законодательства о банках и банковской деятельности в сфере валютного регулирования, а также в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Первой попыткой законодательного урегулирования данной деятельности стало принятие Федерального закона от 27.07.2006 № 140-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности” и статью 37 Закона РФ “О защите прав потребителей” к Федеральному закону от 02.12.1990 № 395-1 “О банках и банковской деятельности”» [11] (далее — Закон о внесении изменений в Закон «О банках»).

Статья 13.1 указанного Закона устанавливала порядок осуществления отдельных банковских операций коммерческими организациями, не являющимися кредитными. Одним из основных требований, предъявляемых к организациям, осуществляющим деятельность по приему платежей физических лиц, являлось наличие одновременно существующих договорных отношений между кредитной организацией и лицом, реализующим услуги (работы), а также кредитной организацией и организацией, принимающей платежи. Иными словами, кредитная организация выступала непосредственным участником процесса осуществления платежей агентами деятельности по приему платежей физических лиц.

В 2009 г. был утвержден Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ (ред. от 28.11.2009) «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» [12]. Необходимость его принятия обусловлена ростом количества услуг по приему платежей физических лиц через соответствующие терминалы. Несмотря на то что система электронных платежей в России начала формироваться в конце 90-х гг. прошлого века, законодательное регулирование этого сегмента рынка долгое время осуществлялось нормативными актами, имеющими подзаконный характер (см. указание Банка России от 20.06.2007 № 1842-У «О порядке осуществления банковских операций по переводу денежных средств по поручению физических лиц без открытия им банковских счетов кредитными организациями с участием коммерческих организаций, не являющихся кредитными организациями» [13]).

Кроме того, данный Закон изменил сложившуюся практику, допустив к осуществлению деятельности по приему платежей физических лиц, организации и индивидуальных предпринимателей, работающих по прямым договорам с поставщиками товаров (работ, услуг). Указанный Закон, а также положения получившей новую редакцию ст. 13.1 Закона о внесении изменений в Закон «О банках» закрепили разделение сфер интересов кредитных организаций и платежных агентов в области приема платежей физических лиц. Отныне агенты не могут принимать платежи физических лиц, осуществляемые в рамках банковских операций и сделок. В то же время юриди-

ческим лицам или индивидуальным предпринимателям, заключившим соответствующий договор с кредитной организацией (банковским платежным агентом), предоставляется право принимать платежи физических лиц, в том числе связанные с исполнением отдельных банковских сделок.

И все же в действующей системе правового регулирования трансграничных переводов денежных средств существуют пробелы. Речь идет о слабом правовом регулировании деятельности альтернативных платежных систем, например WebMoney, различных виртуальных игровых и платежных систем, среди которых интернет-казино или интернет-деньги.

Система WebMoney представляет собой международную альтернативную небанковскую платежную систему. Ее отличительной особенностью является наличие собственных виртуальных денежных единиц (валют), которые могут конвертироваться как на входе, так и на выходе в другую валюту. Система может переводить деньги в любую страну (где она существует) как на банковские счета, так и наличными. Она работает и как пункт обмена наличных и безналичных денег на виртуальные (электронные) и обратно. Исключения составляют безналичные средства на кредитных картах. Завести в систему деньги с кредитной карты невозможно (так предусмотрено системой безопасностью). В то же время перевод их из системы на кредитную карту — вполне нормальная, не вызывающая подозрений операция. Одновременно эта система является и учетной, поскольку основное средство платежа в ней — виртуальный переводной вексель. В качестве платежных средств могут также выступать паевые взносы, ценные бумаги и их производные. Положить деньги в виртуальный кошелек можно различными способами: банковским, почтовым или телеграфным переводом, через систему денежных переводов (например, Western Union) наличными.

По мнению авторов доклада «Трансграничные переводы денежных средств с участием физических лиц», система «Электронные деньги» позволяет преступникам отмывать деньги путем их бесконтрольного обезличивания или свободного превращения виртуальных денег в наличность, перевода в любую страну мира, не объясняя цели изменения формы активов и безналичного перемещения. Правонарушители могут свободно распоряжаться виртуальной валютой во всем мире, смешивать преступные деньги с легальными без риска попасть в поле зрения финансовой разведки или правоохранительных органов, использовать средства для расчетов за товары черных рынков, направлять их на финансирование терроризма [14].

Все существующие сегодня государственные контрольные механизмы не способны выявить факты отмывания денег или финансирования терроризма с использованием платежных систем, основанных на электронных деньгах.

Для того чтобы предотвратить подобные преступления, авторы упомянутого доклада предлагают законодательно придать статус финансового учреждения операторам платежных систем и тем самым обеспечить финансовой разведке возможность мониторинга специфических потоков. Иными словами, необходимо включить операторов платежных систем типа WebMoney в перечень организаций, осуществляющих первичный мониторинг финансовых операций, проводимых их клиентами, и направляющих сведения об операциях, подлежащих контролю, в финансовую разведку [15].

Такая постановка вопроса полностью соответствует духу и содержанию VI Специальной рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF — Financial Action Task Force on Money Laundering) по борьбе с финансированием терроризма. В пояснительной записке к этой рекомендации отмечается, что страны должны сделать необходимым лицензирование (регистрацию) лиц, оказывающих услуги по переводу средств через неофициальные системы переводов, распространить нормы 48 рекомендаций на услуги, предоставляемые неофициальными системами переводов [16].

Для финансовой безопасности без такого регулирования возникают следующие риски:

- вовлечение финансовых институтов страны в международный оборот средств, полученных преступным путем, и, как следствие, применение в отношении этой страны международных санкций, подрыва авторитета государства;
- утрата доверия общества и бизнеса к финансовой системе страны;
- воспроизводство, усиление экономического и политического влияния организованной преступности;
- снижение эффективности управления в сфере внешнеэкономической деятельности и дестабилизации системы управления внешним долгом;
- превращение системы трансграничных переводов в эффективный канал финансирования террористической активности в различных странах и отмывания преступных капиталов, заработанных в процессе совершения особо опасных международных преступлений (наркобизнес, международная торговля оружием и пр.) [17].

На этой основе возникают такие угрозы национальной финансовой системе, провоцируемые преступной финансовой деятельностью на канале трансграничных переводов, как:

- угроза вымывания наличных денежных средств из легального оборота, увеличение в расчетах доли наличных;

- угроза нормальному функционированию национальной финансово-кредитной системы, нарушения интересов законного бизнеса;

- угроза наращивания финансовой основы существования организованных преступных сообществ, процветания черного рынка, дестабилизации финансового рынка, нанесения ущерба экономике страны и роста инфляции;

- угроза нанесения экономического и политического ущерба государству, дестабилизации финансовой системы посредством подрыва ее функциональности и целостности, возникновения помех нормальному развитию экономики и общества;

- угроза стабильности национальной валюты, роста оборотов нелегальной финансовой деятельности, снижения эффективности денежно-кредитной политики государства, политики макроуправления в стране;

- угроза падения эффективности национальной денежно-валютной политики, серьезных ошибок в определении денежной базы страны [18].

Неудивительно, что в настоящее время развитие национальной платежной системы является одним из приоритетных направлений деятельности Банка России. Этому вопросу приходится уделять повышенное внимание в связи с переосмыслением и систематизацией на новом методологическом уровне задач, которые уже выполняются Банком России и возникают вследствие потребностей банковского сектора, финансового рынка РФ в условиях глобализации, ин-

ституциональных и инфраструктурных изменений в отдельных платежных системах и на рынке платежных услуг в целом. Однако решение данных проблем в отсутствие соответствующей правовой базы — задача сложная.

В проекте федерального закона «О национальной платежной системе», над которым идет сейчас работа, будут определены структура национальной платежной системы, включающая операторов по приему платежей, операторов по переводу денежных средств, операторов платежных систем и услуг платежной инфраструктуры (операционных, клиринговых и расчетных услуг), а также общие требования к их деятельности, к организации и функционированию платежных систем, порядок осуществления наблюдения в национальной платежной системе Банком России. Специальные положения законопроекта посвящены Национальной системе платежных карт.

Общей целью проекта федерального закона «О национальной платежной системе» является не регулирование отдельных видов платежных систем и платежной инфраструктуры, а создание правовых рамок на основе общих принципов, которые отвечали бы достигнутому уровню развития национальной платежной системы и позволяли решать новые задачи [19].

В случае успешного продвижения работы над законопроектом для решения задач Банка России по развитию национальной платежной системы будут созданы необходимые правовые условия. Этой же цели должно соответствовать придание статуса финансового учреждения операторам альтернативных платежных систем.

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. *Современный экономический словарь*. М., 2006.
2. См.: Пробелы в праве // RusArticles : сайт. URL : <http://www.rusarticles.com/raznoe-statya/probely-v-prave-516336.html> (дата обращения: 01.11.2010).
3. См.: Забигаило В. К. Проблема «пробелов в праве»: к критике буржуазной теории. Киев, 1974. С. 11.
4. См.: Пробелы в праве // RusArticles : сайт.
5. См.: Там же.
6. См.: Там же.
7. См.: Скиннер К. Будущее банкинга. Мировые тенденции и новые технологии в отрасли. Минск, 2009. С. 18.
8. См.: Шамраев А. В. Правовое регулирование международных банковских сделок и сделок на международных финансовых рынках. М., 2009. С. 39.
9. См.: Воронцова С. В. Проблемы безопасности электронных платежей, осуществляемых в международных платежных системах // Юрист. 2010. № 1. С. 55—59.
10. См.: Там же.
11. См.: РФ. 2006. № 165.
12. См.: СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2758.
13. См.: ВБР. 2007. № 39.
14. См.: Доклад о результатах международного исследования на тему: «Трансграничные переводы денежных средств с участием физических лиц» // Федеральная служба по финансовому мониторингу : сайт. URL : http://www.fedsfm.ru/documents/typologies/typ2008_bor_ru.pdf (дата обращения: 01.11.2010).
15. См.: Там же.
16. См.: Там же.
17. См.: Там же.
18. См.: Там же.
19. См.: Смирнов Е. Е. Главные мотивы начавшейся перезагрузки банковского бизнеса // Управление в кредитной организации. 2010. № 1.

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.96

О. Б. Луценко
O. B. Lutsenko

Подходы к классификации полномочий судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства

The Approaches to Bailiff's Competence Classification in the Context of Executive Proceedings

Статья посвящена вопросам классификации полномочий судебного пристава-исполнителя. В ней проанализированы особенности полномочий судебных приставов-исполнителей на разных стадиях исполнительного производства. Дана классификация полномочий судебных приставов-исполнителей в отношении различных категорий сторон исполнительного производства. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего реформирования российской системы исполнительного производства.

Судебный пристав-исполнитель; компетенция судебных приставов-исполнителей; исполнительное производство; классификация полномочий судебного пристава-исполнителя

This paper is devoted to the problems of bailiff's competence classification: in particular, bailiffs' competence at different stages of executive proceedings was carefully analyzed. Bailiffs' competence classification was given regarding various categorical sides of executive proceedings. The conclusions were drawn about the necessity of further reformation of the Russian executive proceedings system.

Bailiff; bailiffs' competence; executive proceedings; bailiffs' competence classification

Как известно, целью исполнительного производства является полное и своевременное удовлетворение требований взыскателя. Достигается она при помощи судебного пристава-исполнителя, действующего путем применения мер принудительного характера. Судебные приставы-исполнители воздействуют на недобросовестных должников, уклоняющихся от исполнения актов государственных органов, обеспечивают реальное воплощение воли государства. Для этого они наделяются собственной, только им присущей компетенцией.

Совершенствование правового регулирования деятельности указанных государственных гражданских служащих невозможно без логически обоснованного и продуманного законодательного подхода к закреплению их полномочий. Это

обуславливает предварительное решение проблем, связанных с классификацией подобных полномочий. Отметим, что на сегодня сложилось множество подходов в указанном вопросе.

Так, по основанию общности полномочия судебного пристава-исполнителя разделяются на: общие, используемые во всех видах исполнительных производств; специальные, применяемые при исполнении дел имущественного и неимущественного характера, наложении санкций за нарушение законодательства об исполнительном производстве [1].

В соответствии со статусом сторон исполнительного производства полномочия пристава направлены на реализацию исполнительных документов:

- в отношении граждан как физических лиц;
- в отношении государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц;
- в отношении коммерческих организаций;
- в отношении некоммерческих организаций;
- по групповым искам о защите прав неопределенного круга лиц [2].

Данная классификация позволяет выделить особенности полномочий судебных приставов-исполнителей, осуществляемые в отношении различных категорий сторон исполнительного производства, например определить очередность обращения взыскания на различные виды имущества должника, выявить особенности ответственности тех или иных субъектов за нарушение законодательства об исполнительном производстве и т. д.

Действия судебного пристава-исполнителя определяются по субъекту их выполнения: действия, осуществляемые судебным приставом-исполнителем самостоятельно; действия судебного пристава-исполнителя, утверждаемые в порядке подчиненности (старшим судебным приставом, главным судебным приставом субъекта РФ, главным судебным приставом РФ); действия судебного пристава-исполнителя, осуществляемые с санкции суда (общей юрисдикции, арбитражного суда) (см. Федеральный закон от 01.07.97 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [3]).

Полномочия судебного пристава-исполнителя подразделяются в зависимости от того, какое влияние они оказывают на производство принудительного исполнения — препятствуют или нет дальнейшему движению исполнительного производства [4].

К полномочиям судебного пристава-исполнителя, которые влияют на движение исполнительного производства, относятся: вынесение постановления о возбуждении исполнительного производства и установление должнику срока для добровольного исполнения; вынесение постановления о возвращении исполнительного документа взыскателю; вынесение постановления об отказе в принятии к исполнению исполнительного документа, по которому истек срок предъявления к исполнению; вынесение постановления об отложении исполнительных действий; возвращение исполнительного документа, а также направление постановления о прекращении исполнительного производства в суд или другой орган, выдавший исполнительный документ; вынесение постановления об окончании исполнительного производства. Кроме того, судебный пристав-исполнитель осуществляет иные общеорганизационные полномочия, такие как: производство описи имущества должника, оценка имущества, наложение ареста

на имущество, назначение хранителя, оценщика, специалиста и т. д., которые не препятствуют дальнейшему ходу исполнительного производства. Отсюда следует вывод, что судебный пристав-исполнитель существенно ограничен в самостоятельной реализации процессуальных полномочий, которые оказывают влияние на дальнейшее движение производства по принудительному исполнению.

Согласно Федеральному закону от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) [5] судебный пристав-исполнитель обладает полномочиями:

- 1) по подготовке к исполнительному производству;
- 2) в рамках исполнительного производства;
- 3) по осуществлению конкретных исполнительных действий.

К полномочиям судебного пристава-исполнителя по подготовке к исполнительному производству относятся:

- оформление должностным лицом службы судебных приставов решений по вопросам исполнительного производства, принимаемым судебным приставом-исполнителем, главным судебным приставом РФ, главным судебным приставом субъекта РФ, старшим судебным приставом и их заместителями со дня направления (предъявления) исполнительного документа к исполнению;
- исправление допущенных им в постановлении описок или явных арифметических ошибок по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в исполнительном производстве. Указанные исправления вносятся постановлением о внесении изменений в ранее вынесенное постановление;
- оформление отказа в восстановлении пропущенного срока подачи жалобы постановлением должностного лица службы судебных приставов, рассмотревшего ходатайство. Копия указанного постановления направляется лицу, обратившемуся с ходатайством, не позднее дня, следующего за днем вынесения постановления;
- продление сроков, установленных судебным приставом-исполнителем, которое может быть осуществлено им по заявлению лица, участвующего в исполнительном производстве;
- вызов и извещение участников исполнительного производства, уведомление об исполнительных действиях и мерах принудительного исполнения или вызов к судебному приставу-исполнителю либо на место совершения исполнительных действий повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой, телеграммой, с исполь-

зованием электронной, иных видов связи или лицом, которому с его согласия судебный пристав-исполнитель поручает их доставить;

- совершение исполнительных действий и применение мер принудительного исполнения без предварительного уведомления об этом лиц, участвующих в исполнительном производстве, в случаях, когда исполнительный документ подлежит немедленному исполнению, а также при наложении ареста на имущество и принятии иных обеспечительных мер;

- вынесение постановления, утверждаемого старшим судебным приставом, о приводе лиц, уклоняющихся от явки по вызову судебного пристава-исполнителя (см. приказ ФССП России от 30.01.2008 № 26 «Об утверждении методических рекомендаций о порядке использования примерных форм процессуальных документов, необходимых для учета, ведения, формирования и хранения материалов исполнительного производства» [6]).

В рамках исполнительного производства судебный пристав-исполнитель наделен следующими полномочиями:

- возбуждать исполнительное производство на основании исполнительного документа по заявлению взыскателя; без заявления взыскателя, если суд, другой орган или должностное лицо направляют исполнительный документ судебному приставу-исполнителю, или на основании вынесенного в процессе принудительного исполнения исполнительного документа постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании расходов по совершению исполнительных действий, исполнительского сбора и штрафов, наложенных судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения исполнительного документа;

- выносить постановление о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа;

- обращаться в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ, с заявлением о разъяснении его положений, способа и порядка его исполнения в случае неясности положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения;

- определять конкретное время применения исполнительных действий и мер принудительного исполнения в рабочие дни с 6.00 до 22.00. Совершение исполнительных действий и применение мер принудительного исполнения в нерабочие дни, а также в рабочие дни с 22.00 до 6.00 допускаются на основании письменного разрешения старшего судебного пристава при незамедли-

тельном уведомлении главного судебного пристава субъекта РФ в случаях, не терпящих отлагательства, включая случаи: создающие угрозу жизни и здоровью граждан; когда исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, связано с проведением выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления; когда исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, состоит в исполнении определения суда об обеспечении иска; обращения взыскания на имущество должника, подверженное быстрой порче;

- обращаться с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица, а также об изменении способа и порядка его исполнения в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ;

- откладывать исполнительные действия и применение мер принудительного исполнения по заявлению взыскателя или по собственной инициативе на срок не более десяти дней;

- приостанавливать исполнительное производство полностью или частично в случаях: смерти должника, объявления его умершим или признания безвестно отсутствующим, если установленные судебным актом, актом другого органа или должностного лица требования или обязанности допускают правопреемство; утраты должником дееспособности; участия должника в боевых действиях в составе Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством РФ, выполнения должником задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта либо просьбы взыскателя, находящегося в таких же условиях; отзыва у должника — кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций; применения арбитражным судом в отношении должника-организации процедуры банкротства; принятия судом к рассмотрению иска должника об отсрочке или рассрочке взыскания исполнительского сбора, уменьшении его размера или об освобождении от взыскания исполнительского сбора; направления судебным приставом-исполнителем в ФНС России или Банк России уведомления о наложении ареста на имущество должника-организации;

- приостанавливать исполнительное производство полностью или частично в случаях: нахождения должника на лечении в стационарном лечебном учреждении; розыска должника-гражданина или розыска ребенка; просьбы должника, проходящего военную службу по призыву в Воо-

руженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, созданных в соответствии с законодательством РФ;

- прекращать исполнительное производство в случаях: принятия судом акта о прекращении исполнения выданного им исполнительного документа; принятия судом отказа взыскателя от взыскания; утверждения судом мирового соглашения между взыскателем и должником; отмены судебного акта, на основании которого выдан исполнительный документ; отмены или признания недействительным исполнительного документа, на основании которого возбуждено исполнительное производство; прекращения исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица по делу об административном правонарушении судом, другим органом или должностным лицом, выдавшими исполнительный документ. В постановлении о прекращении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель отменяет все назначенные им меры принудительного исполнения, в том числе арест имущества, а также установленные для должника ограничения;

- одновременно с вынесением постановления о прекращении основного исполнительного производства возбуждать исполнительное производство по не исполненным полностью или частично постановлениям о взыскании с должника расходов по совершению исполнительных действий, исполнительского сбора и штрафов, наложенных судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения исполнительного документа;

- по окончании исполнительного производства выносить постановление с указанием на исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, полностью или частично либо на их неисполнение в случаях: фактического исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе; фактического исполнения за счет одного или нескольких должников требования о солидарном взыскании, содержащегося в исполнительных документах, объединенных в сводное исполнительное производство; возвращения взыскателю исполнительного документа (по заявлению взыскателя; если невозможно исполнить обязывающий должника совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий исполнительный документ, возможность исполнения которого утрачена; если невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях; если у должника

отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание, и все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными; если взыскатель отказался оставить за собой имущество должника, не реализованное при исполнении исполнительного документа; если взыскатель своими действиями препятствует исполнению исполнительного документа; возвращения исполнительного документа по требованию суда, другого органа или должностного лица, выдавших исполнительный документ; направления исполнительного документа из одного подразделения судебных приставов в другое; ликвидации должника-организации и направления исполнительного документа в ликвидационную комиссию; признания должника-организации банкротом и направления исполнительного документа конкурсному управляющему; направления копии исполнительного документа в организацию для удержания периодических платежей, установленных исполнительным документом; истечения срока давности исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица по делу об административном правонарушении независимо от фактического исполнения этого акта.

Согласно ст. 64 Закона об исполнительном производстве в процессе осуществления требований исполнительных документов судебный пристав вправе:

- вызывать стороны исполнительного производства (их представителей), иных лиц;

- запрашивать необходимые сведения у физических лиц, организаций и органов, находящихся на территории РФ, а также территории иностранных государств, получать от них объяснения, информацию, справки. Так, у налоговых органов, банков и иных кредитных организаций могут быть запрошены данные: о наименовании и местонахождении банков и иных кредитных организаций, в которых открыты счета должника; номерах расчетных счетов, количестве и движении денежных средств в рублях и иностранной валюте; иных ценностях должника, находящихся на хранении в банках и иных кредитных организациях;

- проводить проверку, в том числе финансовых документов, по исполнению исполнительных документов;

- давать физическим и юридическим лицам поручения по исполнению требований, содержащихся в исполнительных документах;

- входить в нежилые помещения и хранилища, занимаемые должником или другими лицами либо принадлежащие должнику или другим

лицам, в целях исполнения исполнительных документов;

- с разрешения в письменной форме старшего судебного пристава (в случае исполнения исполнительного документа о вселении взыскателя или выселении должника — без указанного разрешения) входить без согласия должника в жилое помещение, занимаемое им;

- в целях обеспечения исполнения исполнительного документа накладывать арест на имущество, в том числе денежные средства и ценные бумаги, изымать указанное имущество, передавать арестованное и изъятое имущество на хранение; производить оценку имущества. Арест на имущество должника применяется: для обеспечения сохранности имущества, которое подлежит передаче взыскателю или реализации; при исполнении судебного акта о конфискации имущества; при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику и находящееся у него или у третьих лиц;

- привлекать для оценки имущества специалистов, соответствующих требованиям законодательства РФ об оценочной деятельности. Судебный пристав-исполнитель обязан прибегать к их услугам для оценки: недвижимого имущества; ценных бумаг, не обращающихся на организованном рынке ценных бумаг (за исключением инвестиционных паев открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов); имущественных прав (за исключением дебиторской задолженности, не реализуемой на торгах); драгоценных металлов и драгоценных камней, изделий из них, а также лома таких изделий; коллекционных денежных знаков в рублях и иностранной валюте; предметов, имеющих историческую или художественную ценность; вещи, стоимость которой по предварительной оценке превышает 30 тыс. руб.; если должник или взыскатель не согласен с произведенной судебным приставом-исполнителем оценкой имущества;

- производить розыск должника, его имущества, розыск ребенка самостоятельно или с привлечением органов внутренних дел;

- запрашивать у сторон исполнительного производства необходимую информацию; рассматривать заявления и ходатайства сторон исполнительного производства и других лиц, участвующих в исполнительном производстве;

- взыскивать исполнительский сбор и налагать штрафы на должника и иных лиц;

- обращаться в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на имущество и сделок с ним, для проведения регистрации на имя должника принадлежащего ему имущества.

Судебный пристав-исполнитель обращается в регистрирующий орган для проведения государственной регистрации прав собственности взыскателя на имущество, иное имущественное право, зарегистрированное на должника, в случаях, когда: требование государственной регистрации содержится в судебном акте; судебный акт содержит указание на то, что имущество или имущественное право принадлежит взыскателю; взыскатель по предложению судебного пристава-исполнителя оставил за собой нереализованное имущество или имущественное право должника;

- устанавливать временные ограничения на выезд должника из Российской Федерации;

- проверять правильность удержания и перечисления денежных средств по судебному акту, акту другого органа или должностного лица по заявлению взыскателя или по собственной инициативе.

В ст. 68 Закона об исполнительном производстве закреплен перечень мер принудительного исполнения, к которым относятся действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем после возбуждения исполнительного производства или по истечении срока, установленного для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу.

Закон об исполнительном производстве выделяет следующие меры принудительного исполнения:

- обращение взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги;

- обращение взыскания на периодические выплаты, получаемые должником в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений. Судебный пристав-исполнитель обращает взыскание на заработную плату и иные доходы должника-гражданина в следующих случаях: исполнение исполнительных документов, содержащих требования о взыскании периодических платежей; взыскание суммы, не превышающей 10 тыс. руб.; отсутствие или недостаточность у должника денежных средств и иного имущества для исполнения требований исполнительного документа в полном объеме;

- обращение взыскания на имущественные права должника, в том числе на право получения платежей по исполнительному производству, в котором он выступает в качестве взыскателя, на право получения платежей по найму, аренде,

а также на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, права требования по договорам об отчуждении или использовании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, принадлежащее должнику как лицензиату; изъятие у должника имущества, присужденного взыскателю;

- наложение ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц, во исполнение судебного акта об аресте имущества; обращение в регистрирующий орган для регистрации перехода права на имущество, в том числе на ценные бумаги, с должника на взыскателя;

- совершение от имени и за счет должника действия, указанного в исполнительном документе, в случае если это действие может быть совершено без личного участия должника; принудительное вселение взыскателя в жилое помещение;

- принудительное выселение должника из жилого помещения; освобождение нежилого помещения, хранилища от пребывания в них должника и его имущества;

- иные действия, предусмотренные федеральным законом или исполнительным документом.

Помимо применения мер принудительного исполнения судебные приставы-исполнители с санкции старшего судебного пристава обеспечивают принудительное исполнение судебных актов и актов иных органов, налагая на должника и иных лиц, нарушающих законодательство об исполнительном производстве, штрафные санкции.

Кроме того, представляется возможным предусмотреть непосредственное участие в исполнительном производстве старших и главных судебных приставов, расширив перечень их полномочий или создав в службах судебных приставов субъектов РФ и ФССП России собственные подразделения по непосредственному осуществлению функций принудительного исполнения, отнесенные к их ведению, предположим, принудительное исполнение в отношении естественных монополий, крупных регионообразующих предприятий и иных организаций, имеющих особое значение для экономики государства.

Сказанное со всей очевидностью предопределяет потребность в системном подходе в вопросах законодательного закрепления полномочий судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, что окажет положительное влияние на весь механизм принудительного исполнения в целом.

---

1. См.: Клепикова М. А. Правовое положение органов принудительного исполнения в исполнительном производстве. Иркутск, 2002. С. 70.

2. См.: Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М., 1999. С. 223.

3. См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

4. См.: Там же.

5. См.: Там же. 2007. № 41. Ст. 4849.

6. См.: Бюллетень Минюста России. 2008. № 3.

Сокращения, принятые в издании

Банк России — Центральный банк Российской Федерации

БВС — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВБР — Вестник Банка России

ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

ВКС — Вестник Конституционного Суда Российской Федерации

Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

ЕТС — Единая тарифная сетка

МВД — Министерство внутренних дел

МРОТ — минимальный размер оплаты труда

ООН — Организация Объединенных Наций

ПСЗ — Полное собрание законов

РГ — «Российская газета»

РПЦ — Русская православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль (-и)

СЗРИ — Свод законов Российской империи

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СУРИ — Свод указов Российской империи

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча (-и)

ФНС России — Федеральная налоговая служба

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

Наши авторы

Артамонов Алексей Николаевич — аспирант кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России, заместитель начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области (г. Ростов-на-Дону), lows07@rambler.ru

Байтева Марина Владимировна — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института (филиала) РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Казань), mbayteeva@yahoo.de

Вишневский Владимир Григорьевич — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), vishnevskij@mail.ru

Генрих Наталья Викторовна — заведующая кафедрой уголовного права Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Краснодар), ngenrih@mail.ru

Григолова Саломе Николаевна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), salley86@mail.ru

Егорова Анна Сергеевна — соискатель кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), anna5@sumail.ru

Иванов Никита Георгиевич — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии РПА Минюста России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва), ruasson2008@yandex.ru

Кондрат Елена Николаевна — судья арбитражного суда г. Москвы, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), kondratelnik@rambler.ru

Луценко Оксана Борисовна — соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российской академии правосудия, адвокат (г. Санкт-Петербург), ak_lutsenko@mail.ru

Медведев Олег Михайлович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России, доктор юридических наук, профессор (г. Химки), ktp-rpa@mail.ru

Рубцова Юлия Александровна — соискатель кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), rub_1903@bk.ru

Федорова Любовь Васильевна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России, начальник отдела правового обеспечения деятельности Правового управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом (г. Москва), Fvodorova@yandex.ru

Цитильский Валерий Филиппович — доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), ktp-rpa@mail.ru

Черкашина Оксана Викторовна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (Москва), Shizuka.na.ike@yandex.ru

Шершнева-Цитильская Ирина Александровна — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Our Authors

Artamonov Alexey Nikolayevich — the post-graduate of the Constitutional and Municipal Law Chair Right of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the deputy chief of Central Administrative Board of the Ministry of Justice of the Russian Federation across the Rostov region (Rostov-on-Don), lows07@rambler.ru

Bayteeva Marina Vladimirovna — the assistant professor of the Kazan Legal Institute (the Branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Kazan), mbayteeva@yahoo.de

Cherkashina Oxana Victorovna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Shizuka.na.ike@yandex.ru

Egorova Anna Sergeevna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), anna5@sumail.ru

Fedorova Ljubov Vasilievna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the head of the Legal Support Department of the Legal Administration Jurisprudence Federal Agency of State Property Administration Position (Moscow), Fvodorova@yandex.ru

Genrikh Natalia Victorovna — the head of the Chair of the Criminal Law of the North-Caucasian Branch of the Russian Academy of Justice, PhD in law, the assistant professor (Krasnodar), ngenrih@mail.ru

Grigolava Salome Nikolaevna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), salley86@mail.ru

Ivanov Nikita Georgievich — the head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law, professor (Moscow), puasson2008@yandex.ru

Kondrat Elena Nikolaevna — the judge of Arbitration Court of Moscow, PhD in law, the assistant professor (Moscow), kondratelnik@rambler.ru

Lutsenko Oxana Borisovna — the post-graduate of Chair of State-Legal Disciplines of Northwest Branch of the Russian Academy of Justice, the lawyer (Saint-Petersburg), ak_lutsenko@mail.ru

Medvedev Oleg Mihajlovich — professor of the Chair of Employment Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law, professor (Khimki), ktp-rpa@mail.ru

Rubtsova Julia Alexandrovna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russia Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), rub_1903@bk.ru

Shershneva-Tsitulskaya Irina Alexandrovna — the assistant professor of the Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Tsitulsky Valery Filippovich — the assistant professor of the Chair of Employment Industrial Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the assistant professor (Moscow), ktp-rpa@mail.ru

Vishnevsky Vladimir Grigorievich — the senior teacher of the Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), vishnevskij@mail.ru

Вышли из печати

Журавлева, Ю. В.

Виктимологическая профилактика изнасилований : монография / Ю. В. Журавлева ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 146 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-212-5.

В монографии проведен виктимологический анализ изнасилований и рассмотрены основы виктимологической профилактики изнасилований; выявлены основные задачи, решение которых является основанием реализации как общей, так и индивидуальной виктимологической профилактики; предложены основные меры виктимолого-профилактического воздействия на изнасилования.

Издание рассчитано на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Сидоренко, Э. А.

Обеспечение безопасности личности в российском уголовном праве : монография / Э. А. Сидоренко, А. А. Телятников ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 190 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-209-5.

Монография посвящена системному анализу основных направлений обеспечения безопасности личности в уголовном праве. Особое внимание уделено поиску отвечающей современной криминологической ситуации модели взаимоотношения государства и личности в системе установления и реализации уголовной ответственности. В работе дан научно-практический комментарий норм об ответственности за преступления против личности, освобождении от уголовной ответственности и применении мер самозащиты личности.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов высших учебных заведений юридического профиля.

Лебедева, А. А.

Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста : монография / А. А. Лебедева ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2010. — 242 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-214-9.

Монография посвящена описанию основных принципов профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей. В издании определены структурно-содержательные характеристики профессиональной лингвокультурологической модели юриста, проведен анализ разработанных автором инновационных методик обучения, в частности методики формирования навыков интерпретации иноязычной специальной информации и основ межкультурной коммуникации, методики обучения студентов с языковыми навыками продвинутого уровня переводу международных конвенций и контрактов в сфере предпринимательства, сформулированы принципы построения учебника по английскому языку для студентов-юристов.

Для преподавателей английского языка как языка специальности, специалистов юридического профиля, работающих в условиях межкультурного профессионально ориентированного взаимодействия.

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;
- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;
- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадью Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением предоставленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5—2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.

**РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,**

**входящая в число ведущих юридических вузов России
(основана в 1970 году),**

**с 1 февраля 2011 года проводит набор
для обучения по магистерским программам
(очно-заочная, заочная формы):**

- **«ЮРИСТ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОВЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. В. Гушин);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БИЗНЕСА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Е. А. Чехранова);
- **«КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. А. Виноградов);
- **«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. Г. Татарян);
- **«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СПОРЫ В СУДЕБНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Е. В. Богданов).

Занятия проводят ведущие ученые и практические работники органов государственной власти, судьи судов общей юрисдикции, арбитражных судов, практикующие юристы крупных юридических компаний.

Студентам, обучающимся по магистерским программам, предоставляются **льготы**, предусмотренные действующим законодательством для государственных образовательных учреждений.

Удобный график обучения.

Правом на обучение в магистратуре обладают лица, имеющие дипломы **бакалавра, дипломированного специалиста, магистра** (независимо от полученной специальности первого образования).

Срок обучения в очно-заочной, заочной магистратуре — 2,5 года.

Набор производится на места с оплатой обучения.

**Наш адрес:
г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10а, стр. 1.
Тел.: (495) 609-06-35.
Сайт: www.rpa-mu.ru.**
